

ISSN 2307-1966

Ноосферные Исследования

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

2022

2

ТЕМА НОМЕРА

ЯЗЫКИ

ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

как электронное периодическое издание

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2022**Электронное периодическое издание****Вып. 2****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редколлегия:***Д. Г. Смирнов*, д-р филос. наук
(главный редактор)
(Россия, Иваново)*М. В. Жульков*, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)
(Россия, Иваново)*М. А. Меликян*, канд. филос. наук
(технический секретарь)
(Россия, Иваново)*Г. П. Аксенов*, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)*П. А. Белоусов*, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)*А. Г. Гачева*, д-р филол. наук
(Россия, Москва)*Н. Н. Лещина*, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)*Т. Н. Соснина*, д-р филос. наук
(Россия, Самара)**Редсовет:***О. А. Базалук*, д-р филос. наук
(Украина, Киев)*А. В. Брагин*, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)*О. А. Габриелян*, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)*В. А. Грачев*, д-р техн. наук
(Россия, Москва)*Т. С. Злотникова*, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)*Н. Н. Кожевников*, д-р филос. наук
(Россия, Новосибирск)*Сильвия Минева*, д-р филос. наук
(Болгария, София)*В. В. Мантатов*, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)*Зоран Милошевич*, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)*С. В. Орлов*, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)*Г. С. Смирнов*, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)*В. С. Фунтусов*, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)**Адрес редакции:**153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 209
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: posnoos@ivanovo.ac.ruЭлектронная копия выпуска доступна
на сайтах: <http://gloonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>**СОДЕРЖАНИЕ****РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА**Сознание — мышление — язык: трудная проблема
гуманитаристики 3**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ***Прохоров М. М.* Основные языки описания сознания:
мифологический, религиозный, философский и
симулятивный 5*Миронов О. С.* Современные аспекты формирования
метаязыка описания сознания 18**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ***Булычев И. И.* Образы вселенского и божественного
сознания: сравнительный анализ 30*Суворова Г. М.* Когнитивные вопросы сознания: ценности
этноса и эстетизма 41**ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ***Шелкопляс Е. В.* О социальности и многомерной системности
сознания с позиций теории оптимума развития 47**ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ***Коголовский С. Р.* Мимесис и символ 55**ДЕБЮТ***Сафонова А. Д., Сидоров М. В.* Дистанционные технологии в
высшем образовании как аспект повышения
эффективности обучения в университете 67**ТОЧКА ЗРЕНИЯ***Кондорский Б. М.* Сравнительный анализ современной
социально-политической ситуации в Казахстане и Украине
с позиций революционной концепции исторического
развития 75**NOUS: ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ****ВЕЧНАЯ КЛАССИКА***Гелен А.* Конец личности? (Перевод А. А. Портнова) 90**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ***Смирнов Г. С. А. Н.* Портнов: жизнь философа-интеллектуала в
русской провинции 101**Информация для авторов** 115Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
as an electronic periodical edition

Registration certificate Эл № ФС77-78954 of August 07, 2020

2022**Electronic periodical edition****Vol. 2****Founder Ivanovo State University****Editorial Board:****D. G. Smirnov**, Dr. of Sc. (Philosophy)*(Chief Editor)*

(Russia, Ivanovo)

M. V. Zhulkov, Cand. of Sc. (Philosophy)*(executive secretary)*

(Russia, Ivanovo)

M. A. Melikyan, Cand. of Sc. (Philosophy)*(technical secretary)*

(Russia, Ivanovo)

G. P. Aksenov, Cand. of Sc. (Geography)

(Russia, Moscow)

P. A. Belousov, Cand. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Vladimir)

A. G. Gacheva, Dr. of Sc. (Philology)

(Russia, Moscow)

N. N. Letina, Dr. of Sc. (Culturology)

(Russia, Yaroslavl)

T. N. Sosnina, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Samara)

Editorial Council:**O. A. Bazaluk**, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Ukraine, Kiev)

A. V. Bragin, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Ivanovo)

O. A. Gabrielyan, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Simferopol)

V. A. Grachev, Dr. of Sc. (Technology)

(Russia, Moscow)

T. S. Zlotnikova, Dr. of Sc. (Art history)

(Russia, Yaroslavl)

N. N. Kozhevnikov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Novosibirsk)

Sylvia Mineva, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Bulgaria, Sofia)

V. V. Mantatov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Ulan-Ude)

Zoran Milosevic, Dr. of Sc. (Politology)

(Serbia, Belgrade)

S. V. Orlov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Saint-Petersburg)

G. S. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Ivanovo)

V. S. Funtsov, Cand. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo,

Timiryazev str., 5, of. 209

Phone. (4932) 30-02-16

E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites:

<http://glonoos.com>www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru<https://cyberleninka.ru>**CONTENT****EDITORIAL COLUMN**

Consciousness — thinking — language: a complex problem in the humanities 3

QUESTIONS OF THEORY AND METHODOLOGY

Prokhorov M. M. Main languages for description of consciousness: mythological, religious, philosophical and simulative 5

Mironov O. S. Modern aspects of the formation of the metal-language for the description of consciousness 18

COGNITIVE ASPECTS OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Bulychev I. I. Images of universal and divine consciousness: a comparative analysis 30

Suvorova G. M. Cognitive questions of consciousness: values of ethos and aesthetics 41

APPLIED PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS

Shelkopyas E. V. On sociality and multidimensional systemic of consciousness from the standpoint of the of optimum development theory 47

EDUCATIONAL DIMENSION OF CONTEMPORARY HUMANITIES

Kogalovsky S. R. Mimesis and symbol 55

DEBUT

Safonova A. D., Sidorov M. V. Distance technologies in higher education as an aspect of improving the efficiency of education at the university 67

POINT OF VIEW

Kondorsky B. M. Comparative analysis of the current socio-political situation in Kazakhstan and Ukraine from the standpoint of a revolutionary concept of historical development 75

NOUS: JOURNAL IN JOURNAL**ETERNAL CLASSICS**

Gehlen A. End of a personality? (*translation by A. A. Portnov*) 90

REGIONAL INTELLIGENT HISTORY

Smirnov G. S. A. N. Portnov: the life of the philosopher and intelligent in the Russian province 101

Information for the authors 115

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.

Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

СОЗНАНИЕ — МЫШЛЕНИЕ — ЯЗЫК: ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРИСТИКИ

Настоящий номер журнала посвящен профессору Александру Николаевичу Портнову¹ — ученому-философу, в течение двух десятилетий в значительной степени определявшему логику и стратегию развития философской жизни ивановского региона. А. Н. Портнов (1947—2010) являлся заведующим кафедрой философии Ивановского государственного университета, членом Ученого совета ИвГУ, Председателем докторского диссертационного совета по философским наукам, Председателем Ивановского отделения Российского философского общества. Кроме этого он был членом диссертационного совета по филологическим наукам, преподавал почти во всех ивановских вузах и филиалах.

Национальная научная конференция «Языки описания сознания (памяти профессора Александра Николаевича Портнова)»², прошедшая в Иванове 22—23 апреля 2022 года, содержательно продолжила научную традицию, заложенную конференцией «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (2008—2014)³, для которой он стал главным идейным вдохновителем. В фокусе ее внимания оказалось осмысление результатов междисциплинарных и комплексных исследований, современных парадигм и логик описания сознания и познания. Итогом целеполагания стал общенаучный, философский и социокультурный анализ реалий и перспектив когнитивистики и философии сознания, культурно-антропологического потенциала познавательных способностей человека в условиях техногенной информационной коммуникативной среды и электронной культуры. Конференция собрала около 50 специалистов в области философии сознания из Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Тамбова, Самары, Ярославля, Нижнего Новгорода, Владимира, Вологды, Казани, Екатеринбурга, Шуи, а также ученых из Белоруссии и Казахстана.

¹ См.: Портнов Александр Николаевич // Философы России XIX—XX столетий. Биографии, труды, идеи / под. ред. П. В. Алексеева. М.: Академический Проект, 1999. С. 637.

² Название конференции дала тема последней научной статьи А. Н. Портнова, написанной совместно с аспирантом [Портнов А. Н. Проблемы языка описания сознания / П. Е. Калинин, А. Н. Портнов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (9). С. 8—36].

³ Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 15—16 октября 2009 года. Иваново: Иваново, 2010. 260 с.; Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 21—22 октября 2010 года. Иваново: Иваново, 2011. 284 с.; Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иваново, 20—21 октября 2011 года. Иваново: Иваново, 2011. 350 с.; Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иваново, 18—20 октября 2012 года. Иваново: Иваново, 2012. 320 с.; Актуальные проблемы современной когнитивной науки: Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иваново, 17—19 октября 2013 года. Иваново: Иваново, 2013. 330 с.; Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иваново, 16—18 октября 2014 года. Иваново: Иваново, 2014. 130 с.

Язык и сознание — наверное, так можно определить концепт научных изысканий профессора А. Н. Портнова⁴. Сначала язык озвучивает сознание для близкого круга, но в конечном итоге в форме письменности делает его видимым для многих, в пределе для всего человечества, для вечности. Триада «Сознание — Мышление — Язык» в философии сознания играет особую методологическую роль: в ней проявляется гегелевская формула «опредмечивания и распредмечивания»; именно через нее осуществляет свое космическое развертывание основной ноосферный закон «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество». Сознание как свернутая спираль информации запускает антропологические энергетические потоки, делая их овеществленными и осуществленными.

Работая на пересечении проблемных полей философии языка, философии сознания, (психо)семиотики и (психо)лингвистики, философской антропологии и этологии, А. Н. Портнов открыл новую область знаний, которую можно было бы назвать «антропологическая семиотика»⁵. На страницах номера читатель обнаружит научные статьи, раскрывающие многоаспектность антропологической семиотики в ее философском, психологическом, педагогическом, лингвистическом, математическом, историческом измерениях.

В интеллектуальном сообществе А. Н. Портнов известен и как переводчик: обратившись к антропо-философии, главным образом — к немецкой, он познакомил отечественного читателя с трудами А. Гелена, М. Бубера, М. Хайдеггера, А. Шюца, Э. Кассирера. Эта сторона научной деятельности еще более укрепила его высокий авторитет в отечественном и зарубежном философском сообществе. В «журнале в журнале» *Noos*, который продолжает «портновскую традицию» (*Noos*)⁶, публикуется его перевод статьи Арнольда Гелена — известного представителя немецкой философской антропологии.

Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов

⁴ Выпускник факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета А. Н. Портнов пришел в аспирантуру к профессору Н. П. Антонову. Он сам выбрал направление своих научных интересов — философия языка и сознания. Его кандидатская диссертация «Роль языка в познании и осознании действительности» (Горький, 1980) переросла в исследования, завершившиеся написанием докторской диссертации «Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: Методологический анализ основных направлений исследования» (Иваново, 1997). Апогеем его научной работы стала монография [Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблем в философии XIX—XX вв. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 367 с.].

⁵ Подробнее о научном творчестве и личности А. Н. Портнова [Неизреченное слово: мемориальный сборник, посвященный профессору А. Н. Портнову / отв. ред. Г. С. Смирнов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 308 с.; Языки глобального сознания: коллективная монография / отв. ред. Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 516 с.]

⁶ *Noos* — научно-популярный альманах социолого-психологического факультета ИвГУ, у истоков которой стоял профессор А. Н. Портнов. В его трактовке *noos*, означая «разум», «мышление», «ум», «смысл», «замысел», «желание», «волну», мыслился как «символ объединения усилий ученых, работающих в близких областях знания», ибо «именно в идее "нуса" как действующей причины всего уже происходит отделение философского понимания сути дела от мифологически-религиозного».

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.922

DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.5-17

М. М. Прохоров

ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ, РЕЛИГИОЗНЫЙ, ФИЛОСОФСКИЙ И СИМУЛЯТИВНЫЙ

Аннотация. Благодаря использованию мировоззренческого подхода и метода единства исторического и логического в качестве основных языков описания сознания выявлены мифологический, религиозный, философский и симулятивный языки. Показано, что мифологический язык характеризуется нерасчлененностью базисных категорий, которые выражаются «синкретично». Отмечено, что он существует в первобытном обществе, преодолевается в период «осевого времени» при переходе к «логосу» с возникновением религиозного и философского языков. Зафиксировано, что религиозный язык отличается «удвоением мира» и возникновением двойственной истины. Установлено, что в зарождающемся вероучении о боге «параллельно» формируется мышление, познающее мир, на основе которого возникает философский язык описания сознания с онтогносеологической сущностью, реализующей себя в «пространстве» решаемого материалистами и идеалистами основного вопроса философии. Обосновано, что симулятивный язык характеризуется уходом от стандартов онтогносеологического языка, будучи вписан в процессы негативной диалектики — деградации, вырождения, становясь их внутренним детерминантом. Продемонстрировано, что своими корнями он уходит в античность, к «копии копии» Платона, но полностью обнаруживает себя в современных формах сознания — постмодернизме, позитивизме и т. д.

Ключевые слова: мировоззрение, мифология, синкретичность, религия, философия, симулирование, симулякр, онтогносеология, имитация

Ссылка для цитирования: Прохоров М. М. Основные языки описания сознания: мифологический, религиозный, философский и симулятивный // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 5—17.

Original article

М. М. Prokhorov

MAIN LANGUAGES FOR DESCRIPTION OF CONSCIOUSNESS: MYTHOLOGICAL, RELIGIOUS, PHILOSOPHICAL AND SIMULATIVE

Abstract. Using the worldview approach and the method of unity of historical and logical, mythological, religious, philosophical and simulation languages are identified as the main languages for describing consciousness. It is shown that the mythological language is charac-

© Прохоров М. М., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 5—17 •

terized by the indivisibility of basic categories, which are expressed “syncretically”. It is noted that it exists in primitive society, is overcome during the period of “axial time” in the transition to the “logos” with the emergence of religious and philosophical languages. It is recorded that the religious language is distinguished by the “doubling of the world” and the emergence of dual truth. It has been established that in the nascent doctrine of God, thinking is “in parallel” formed that cognizes the world, on the basis of which a philosophical language for describing consciousness arises with an ontogeneseological essence that realizes itself in the “space” of the main question of philosophy solved by materialists and idealists. It is substantiated that the simulative language is characterized by a departure from the standards of the ontogeneseological language, being inscribed in the processes of negative dialectics — degradation, degeneration, becoming their internal determinant. It is shown that its roots go back to antiquity, to the “copy of a copy” of Plato, but it fully reveals itself in modern forms of consciousness — post-modernism, positivism, etc.

Keywords: worldview, mythology, religion, philosophy, syncretism, simulation, ontogeneseological language, simulacra, imitation

Citation Link: Prokhorov, M. M. (2022) Osnovnyye yazyki opisaniya soznaniya: mifologicheskii, religioznyy, filosofskiy i simulyativnyy [The main languages for describing consciousness: mythological, religious, philosophical and simulative], *Noosfermye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 5—17.

Язык — это система знаков, которая служит средством человеческого общения, мышления и выражения, специфически социальное средство хранения и передачи информации, управления человеческим поведением. С помощью языка осуществляется познание мира, в языке объективируется самосознание личности. Формирование и развитие категориальной структуры языка отражает формирование и развитие категориальной структуры мировоззренческого мышления. Язык обусловлен всей совокупностью процессов духовного и материального производства, общественных отношений людей, в то же время он обладает относительной самостоятельностью в силу наличия внутренних закономерностей своего функционирования и развития.

Руководствуясь тем, что «язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из необходимости общения с другими людьми», что «язык так же древен, как и сознание» [Маркс, Энгельс, 1955: 29], мы выделим в качестве основных языков описания сознания мифологический, религиозный, философский и симулятивный языки.

Мифологический язык описания сознания. Он характеризует первобытных людей, возникших путем *generatio aequivoca*, самопроизвольного зарождения, но преодолевавших приоритет внешней природы, характерный для непосредственно-чувственного психического отражения животных, живущих в своей экологической нише. Возник язык синкретического сознания, в категориальной структуре которого не было не только противопоставления, но даже разделения на базисные противоположности. Речь идет о сращении *материального и идеального, объективного и субъективного, природного и человеческого, реального и воображаемого, мысленного и эмоционального*. А. Ф. Лосев обуславливает данное обстоятельство жизнью людей в условиях первобытной общинно-

родовой формации, когда «решительно вся природа и весь космос трактовались как универсальная общинно-родовая формация» [Лосев, 1988: 190]. Такой язык выражал коэволюционное, совместное существование и изменение человека и бытия природы. Поэтому его принципом выступило сращение базисных противоположностей. А. Ф. Лосев пишет: «...столь обычное для философии разделение идеи и материи целиком и полностью отпадает для античной мифологии. Это разделение появится после перехода первобытнообщинной формации к другим ступеням социально-исторического развития. Но сама мифология, мифология в чистом виде, буквальная и субстанциональная (а не переносная), совершенно лишена противопоставления идеи и материи». «Если идея вещи — а это есть смысловая сущность вещи — и сама материальная вещь неразличимы, то это значит, что во всякой вещи мы сразу и притом чисто материальным образом видим ее идею и ее материю, ее внутреннюю жизнь и ее внешнее проявление. Но такое единство сущности и явления есть выражение вещи». Мы «видим то и другое сразу и одновременно, взятое в своей полной неразличимости», ибо «восприятие не занимается этим различием». В отличие от мифологического языка описания сознания «вся античная философия, уже отошедшая от первобытнообщинной формации и перешедшая от буквальной мифологии к рефлексии над нею, стала заниматься в конце концов только одним вопросом, а именно вопросом о соотношении идеи и материи» [там же: 183]. Такой переход был переходом к «логосу». Греческий термин «логос» в одинаковой степени относится как к мышлению, так и к языку: с одной стороны, это — «мысль» и все связанные с ней категории мысли (понятие, суждение, умозаключение, доказательство, наука и вообще любая мыслительная категория); с другой стороны, это «слово» и все связанные со словом категории (язык, речь, разговор и все грамматические категории) [там же: 199]. За границы их сращения мифологический язык не выступает, ибо сознание на данной ступени развития не подозревает, что природа существует до, вне и независимо от человека, его мысли и действия; отсутствует их анализ и синтез, имеет место их нераздельность, определяя специфику языка и сознания. Это язык русалок, кентавров, минотавров и т.п. продуктов фантазийной реальности или реалистической фантазии, ведущих к сращению реализма и фантазии, характерной всем произведениям устного народного творчества: мифам, сказкам, легендам, былинам и т. д. При всей фантастичности они не лишены реалистичности, в противном случае творец устного народного творчества не смог бы выжить в мире. В такой духовный «мир» выходят язык и сознание человека в первобытном обществе.

Базисные противоположности для мифологического человека не могут быть расчленены, отчуждены, отделены друг от друга. Они сращены, на них не распространяются процедуры анализа и синтеза. Иногда мифологические образы ошибочно характеризуют как лишенные реалистичности плоды фантазии. Это неверно, ведь в образе русалки мы видим часть от женщины и часть от рыбы. Фантазия человека представляет их в сращении. Точно также образ кентавра содержит реалистическую часть из торса человека и лошади, а минотавра — человека с быком. В сказках часто сращение «накладывает» на природное животное способность говорить и/или поступать, действовать так, как действуют люди, тогда как люди не выделены из природы. Например, щука или серый волк из сказки говорят и действуют как люди, они даже совершают превосходящие способности самого человека поступки. Даже сказочные пузырь, соломинка и

лапоть ведут себя и думают подобно людям. И все это — «человеческое» — является непосредственно природным. Не случайно исследователи мифологического говорят об «олицетворении», «очеловечивании» всего природного и о «натурализации» (от слова «натура», то есть природа) всего человеческого.

Мифологическое не имеет еще представлений о сверхъестественном, потустороннем, трансцендентном, которые характерны для религиозных взглядов. Философское, а вслед за ним и научное мышление применяет анализ, расчленяет и противопоставляет базисные категории друг другу, чтобы исследовать их порознь и далее выявить возможные пути синтеза для объединения их в единой картине мира. Сращение впервые появилось вместе с миром вещей, изготовленных человеком из природных материалов путем преобразования естественных, до того самостоятельно существовавших явлений мира. Отныне в них воплощены замыслы людей, предназначивших создаваемые вещи для выполнения той или иной функции, роли. Все они одновременно представляют нерасторжимое единство природного и человеческого, объективного и субъективного, материального и идеального. Таковы детская кроватка, игрушка, всякая иная вещь, их комплекс, окружающий, скажем, новорожденного. Этот слой сегодня настолько велик, настолько плотно окружает ребенка, что тот долгое время вообще не подозревает о существовании природного мира «самого по себе». О том, что природа существует объективно, «сама по себе», до, вне и независимо от человека и его сознания, городские дети узнают, как правило, учась в школе. В истории же людей первоначально такое сращение создают люди, выделяющиеся из природы, из животного царства, изготавливая орудия труда. Такие орудия и были первичной «сферой сращения». В ее просвете, пространстве, на их основе формировалось мифологическое. Оно было своеобразной «копией, калькой» этой «сферы» в духовной сфере. Мифологический субъект не подозревает о возможности взять базисные противоположности вне сращения. Для него нет никакого духа, который был бы бесплотен, никакой идеи, которая не была бы вещью; как и наоборот: всякая плоть есть воплощение духа, а в вещи видится замысел, идея, цель, заставляющая ее определенным образом функционировать. Этим исключается вопрос о том, что и какую из противоположностей взять за «первоначало», исключается возможность постановки основного вопроса философии. Для этого нужно не только расчленить, но уже и противопоставить «стороны», чтобы рассмотреть вопрос о том, что же тут первично, а что — вторично. Даже звездное небо становится предметом внимания мифологического субъекта лишь там, где оно превращено в часы, компас, календарь и т. п.

Мифологическое не отражает объективный мир гносеологически, оно преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы, будучи выражением сути орудийного производства субъекта. Оно выражает себя в воображении и при помощи воображения, далеко выходя за границы реального, практического преобразования мира человеком, ставшего основой такого воображаемого производства. В «воображении» для мифологического субъекта *«осуществимо все (непосредственно в трудовой деятельности. — М. П.) неосуществимое, достижимо все недостижимое, выполнимо все невыполнимое*, ибо миром чудесного управляет абсолютная сила и свобода творческого желания как первое и последнее основание для любого следствия, как первоисточник, порождающий из себя причины всех действий, всех чудес» [Голосовкер, 1987: 46—47]. Вселенная мифологического субъекта бьется в унисон с его мыслями, чаяниями и сердцем.

Так, Д. Узала, согласно В. К. Арсеньеву, не усматривал принципиальной разницы между человеком, окружающими предметами и явлениями мира. На жалобы руководителя экспедиции по поводу плохой, сырой и дождливой погоды гольд заявил: «Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет... Его дышит, все равно люди...» [Арсеньев, 1986: 197]. Никаких представлений о сверхъестественном, потустороннем, трансцендентном он не демонстрировал. Таков был тот смысл, который он вкладывал в слово «понятно», не отчленяя и не противопоставляя себя внешнему миру природы, понимая его явления антропоморфным образом. Такой смысл «понятно» можно зафиксировать и на определенном этапе онтогенетического развития у всякого ребенка, оживотворяющего и олицетворяющего окружающее, но не демонстрирующего каких-то представлений о сверхъестественном, трансцендентном. Без такого смысла слова «понятно» невозможно понять и поведение персидского царя Ксеркса, приказавшего подчиненным наказать море тремьями плетью за «строптивость»: оно де разбросало мосты и корабли, приготовленные этим полководцем для нападения на противника.

Мир мифологического субъекта носит «камерный характер», ограничен окультуренным слоем планеты. Поэтому природа, как она существует до, вне и независимо от человека с его деятельностью и сознанием, остается за горизонтом мифологического, специализированное познание бытия отсутствует, а человек-как-субъект оказывается существом, для которого нет ничего невозможного, что указывает на неадекватность этих представлений и языка нашим представлениям о реальных возможностях человеческого субъекта. В этой узости мифологического субъекта заложена его обреченность, неизбежность прорыва сферы сращения.

Религиозный язык описания сознания. Первый шаг в этом направлении был сделан религиозным языком и сознанием, которое начинает с «удвоения» мира на естественный, поюсторонний и потусторонний, трансцендентный, сверхъестественный. Не во всяком мифологическом языке и сознании, представленном разнообразными произведениями устного народного творчества, присутствуют боги. Боги в мифах, скажем, Древней Греции, принципиально отличаются от богов мировых религий (например, христианства). Только религиозный бог приобретает признаки сверхъестественного, потустороннего, трансцендентного, тогда как даже верховный бог Зевс не есть потустороннее начало. Он живет «на Олимпе», который им не сотворен. Переход к философскому языку описания сознания произошел в период между 800 и 200 гг. до новой эры, в эпоху «осевого времени», перехода от «мифа к логосу». К. Ясперс констатировал, что в это время возник человек, который существует до настоящего времени, который выработал и использует категориальную структуру языка, отражающего формирование и развитие категориальной структуры человеческого мышления, *познающего* окружающий мир. Этот процесс характеризуется сложными взаимоотношениями между философией и религией. Расцвет религиозного мировоззрения приходится на эпоху Средневековья, когда появилась концепция двойственной истины. Религия есть вероучение о Боге, сверхъестественном Творце человека и мироздания. Бог непознаваем силами самого человека, что ведет к противоречию при попытках его познания и обоснования существования. Религиозное сознание предлагает решение, утверждая, что Бог сам открывает себя человеку через Богословие, Слово самого Бога.

Х. Ортега-и-Гассет раскрыл суть религиозной веры как язык и сознание «отчаявшегося человека», разуверившегося в своих способностях, которые были преувеличены в мифологическом сознании. «Осознавая ничтожность или неполноту своей жизни самой по себе, человек начинает испытывать потребность опереться на иную — прочную — экзистенцию и реальность. Эта иная жизнь раскрывается диалектически как четкая противоположность нашей жизни, той, которая у нас есть и которую мы ведем. Иная реальность воспринимается через атрибуты, прямо противоположные природной человеческой реальности: у нее нет начала и конца, она вневременна и вечна, она есть условие самой себя, она всеильна и т. п. Одним словом, эта реальность есть Бог» [Ортега-и-Гассет, 1997: 358]. Будучи антиподом мифологии, религия не дает адекватного представления о мире и «умалывает» человека и его способности. Ортега демонстрирует нарастание моментов познания, «параллельных» развитию христианской мысли, вызванных стремлением «хоть как-то сориентироваться в жизни». Он показывает нарастающее дополнение исследования «первой и последней реальности» вопросом и ответом о познаваемости подлинной реальности. Им рисуется картина количественных изменений, приведших в конечном счете к коренному, качественному преобразованию религиозного философским, в котором уже эксплицитно ставится и решается вопрос о познаваемости мира, следовательно, обнаруживаются взаимосвязь и взаимовлияние онтологии и гносеологии через постановку и решение основного вопроса философии. В результате религиозное вероучение было подорвано в пользу онтогносеологической специфики философии. Не случайно этот вопрос, пишет Ф. Энгельс, не переставая быть основным вопросом «всей» философии, «в особенности характерен» для «новейшей философии», поскольку «он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести свое значение лишь после <...> христианского средневековья», вновь уверенным в своих познавательных способностях человеком, когда вопрос «вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века» [Энгельс, 1987: 295—296].

Философский, онтогносеологический язык описания сознания. Основной вопрос философии есть пространство взаимозависимости онтологии и гносеологии, поскольку ни гносеология, ни онтология невозможны, если они разрабатываются отдельно друг от друга. Это было продемонстрировано Ф. Энгельсом, который предложил анализ и решение основного вопроса философии. Современные исследователи идут дальше. Например, согласно Д. И. Дубровскому, онтология и гносеология образуют в философии «динамическую круговую структуру, которая прерывается и вновь восстанавливается в том или ином звене, в зависимости от цели и задач исследования» [Дубровский, 2015: 48], тогда как религиозное предстает как поле борьбы в рамках концепции двойственной истины, с приматом религиозной веры и лишь «призраком» познания. Кроме того, в ядре религиозных представлений сохранялись элементы мифологии в представлениях о Боге: с одной стороны, Бог изображается как потусторонний миру Высший разум, наделяемый признаками объективности, независимости от человека и его сознания, с другой стороны, Бог антропоморфен. Согласно верующим, потому, что Бог создает человека по своему образу и подобию, согласно неверующим, сам человек создал божий образ по своей мерке.

На антропоморфность богов (у Гомера и Гесиода, эфиопов и т. д.) уже в древности указал Ксенофан, характеризуя ее как нелепость и предлагая демифо-

логизацию природных явлений, в которых «светится» сам человек и недостает объективности. Представители мировых (авраамических) религий не признают мифологических богов за богов. Так, согласно христианину Арнобию (IV век), только христиане чтут истинного (сверхъестественного. — М. П.) Бога, тогда как языческие (т. е. мифологические. — М. П.) боги есть «нечто совершенно другое и должны быть отделяемы от понятия этого имени и могущества; такова сущность дела, пункт, вокруг которого все вращается», «основной вопрос», разделяющий истинную религию от язычества [Арнобий, 2008: 360—363]. Для верующего языческие боги суть продукты человеческой фантазии; связанные с ними чудеса демонстрируют «вполне естественный характер», а не способ деятельности сверхъестественного Бога. Здесь мы видим запрос, искание философского, онтогносеологического языка и сознания.

Для философии если есть бытие, то оно познаваемо, если мир познаваем, то познаваема суть и формы бытия. Это требование является принципиальным для всех форм философии. И без этой «взаимной зависимости» философия не существует, ибо познание не может быть направлено лишь на самое себя, быть только «самопознанием». Значит, решение онтогносеологической проблемы есть установление взаимовлияния онтологии и гносеологии, которое принципиально важно для обоснования материализма и идеализма. Данное обстоятельство нашло выражение в постановке основного вопроса философии, структура которого, как было обнаружено, образует содержательно-логический каркас философии как особой формы знания. По словам М. А. Кисселя, в ней «резюмируется, по существу, все содержание философского знания» [Киссель, 1974: 3—4], что и было продемонстрировано Ф. Энгельсом, эксплицитно, развернуто представившим его «стороны» в сопряжении друг с другом.

В имплицитной форме «стороны» обнаруживаются уже в учении Парменида, которое обычно односторонне представляют учением о бытии. Согласно существенному уточнению В. А. Комаровой, Парменид затронул «проблему познания существующего и существования познаваемого, единства того и другого», «проблему», «ответа на которую он сам не знает» [Комарова, 1988: 84]. Очевидно, что секрет «парменидовской проблемы» в том, что противопоставленные им части обуславливают друг друга, и потому всегда будет неизбежно возникать вопрос, как их соотнести. Но во времена Парменида на первый план вышла проблема противоположности *бытия*, как субстанции, и *процесса*, который не воспринимался еще как способ существования бытия. Это привело к противопоставлению «элеатского» и «гераклитовского» подходов, в рамках которого у Парменида возникло представление о вечном и неизменном бытии. В современной философии решение этой проблемы привело к введению В. И. Свидерским принципа взаимозависимости *материи* и *движения*: эти понятия обозначают неразрывные моменты действительности, в которой движение есть всеобщий способ существования материи (= материальной субстанции), внутренне присущий ей атрибут, который, согласно Ф. Энгельсу, «обнимает собой все происходящие... изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением».

Онтологически материя есть всеобщая основа, общее содержание всех состояний изменения, гносеологически она есть объективная реальность, отражающаяся в ощущениях, представлениях и понятиях субъекта познания. В целом мир есть движущаяся материя или материальное движение. Из этого

следует абсолютность материального движения, которое реализуется не непосредственно, но всегда в конкретных, качественно и количественно определенных, локально и исторически ограниченных, зависимых от конкретных условий, преходящих, относительных формах. Ведь, как писал Ф. Энгельс, ничто не вечно, кроме изменяющейся, вечно движущейся материи, законов ее движения и изменения. Введение принципа «взаимозависимости» было осуществлено путем выделения двух уровней при определении бытия — субстанциального и атрибутивного [Прохоров, 2012]. С открытием и признанием наряду с субстанциальным также атрибутивного уровня определения бытия «свойство» быть объективной реальностью раскрывается с помощью представляющих ее «атрибутов» при разработке «модели объекта» — как самосогласованной системы из атрибутов движения, пространства, времени, качества, количества, закономерности и других, воспроизводящих всеобщее онтологическое содержание любого объекта. Эта модель остается в контексте постановки и решения основного вопроса философии [Материалистическая диалектика, 1981: 96—99].

Обсуждая *стандарт* онтогносеологического субъекта познания, скептик Д. Юм абсолютизировал тот факт, что многие восприятия «не вызываются в действительности ничем внешним, как это бывает, например, в сновидениях, при сумасшествии и иных болезнях», а «ум никогда не имеет перед собой никаких вещей, кроме восприятий, и он никоим образом не в состоянии произвести какой бы то ни было опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами. Поэтому предположение о таком соотношении лишено всякого логического смысла» [Юм, 1965: 156]. Иначе считал Дж. Локк: «наши способности приурочены не ко всей области бытия и не к совершенному, ясному, обширному познанию вещей, свободному от всякого сомнения и колебания, а (только — М. П.) к сохранению нас... И дальше этого нам нет дела ни до познания, ни до бытия» [Локк, 1965: 113—114]. Правда, даже этого достаточно, чтобы не уподоблять познание сну, сумасшествию и т. д., значит, не исходить из наивного доверия к субъекту, когда человек оказывается не в состоянии вырабатывать адекватные представления о мире, следовательно, когда отпадает сама возможность анализировать онтогносеологическое соотношение между познанием и бытием, рассматривая знания как исключительный продукт голого Я, субъекта, не соотносимого с объектом.

Симулятивный язык описания сознания. Этот язык предполагает уход от философского, онтогносеологического языка, ибо он вписан в процессы деградации, вырождения, становясь внутренним детерминантом негативной диалектики вырождения. Такие процессы характерны для современного капитализма, давно переставшего ориентироваться на прогрессивное развитие общества и породившего постмодернистское общество, язык и сознание. Они являются также отличительной особенностью «перестройки» в СССР, сопровождавшейся отходом от рационального мышления и склонностью к гипостазированию. Как пишет С. Кара-Мурза, «в сознании как будто "портились" инструменты логических рассуждений, терялись навыки выявления причинно-следственных связей, проверки качества собственных умозаключений. Люди переставали различать главные категории, употребляемые в ходе принятия решений (например, категории цели, ограничений, средств и критериев). Они с трудом могли разумно применять меру — прикинуть в уме "вес" разных явлений, масштаб проблемы и наличных ресурсов для решения». Аналогом такой «порчи» сознания и языка

С. Кара-Мурза считает «постмодернизм», в котором видит мягкий и постепенный отход от норм Просвещения, лежавших в основе рациональности индустриальной цивилизации» капиталистической эпохи [Кара-Мурза, 2005: 15]. Такой взгляд ведет к отождествлению постмодернизма и симулятивного языка. Однако симулирование и симулякры как его результаты своими историческими истоками уходят во времена античности.

Ж. Делез возводит симулякр к «копии копии» Платона [Делез, 1998: 329—365]. Поясню. «Копия», в контексте онтогносеологического языка описания сознания, предполагает отношение к действительности, объекту, бытию, копией которых она является. «Копия копии», в контексте симулятивного описания сознания утрачивает это отношение к реальности, существует самостоятельно, *itself*, сама по себе, будучи «копией копии копии...». «Копия копии» имеет отношение не к действительности, бытию, объекту, а к копии, которая, в свою очередь, имеет отношение к копии, и так далее до бесконечности, что удачно иллюстрирует апория «Дихотомия» Зенона Элейского: бытие оказывается столь же трансцендентным для такой копии копии, как и граница конечного отрезка, к которому движется движущееся, никогда, согласно апории Зенона, его не достигая, а оставаясь «внутри процесса». Она никогда не выходит в бытие. Апория Зенона проливает свет на «методологию» симулирования мышления у элейцев, разрывавших и противопоставлявших бытие и способ его существования. На этом пути возникает хорошо знакомый нам вид деформации сознания, обозначаемый словом «гипостазирование». В словаре читаем: «Гипостазировать (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — характерная идеализму способность приписывать отвлеченным понятиям самостоятельное существование. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо» [Кара-Мурза, 2005: 35]. Например, мышление, воля или улыбка чеширского кота.

Согласно Ж. Делезу, платоновская «копия копии» есть вырожденная копия. Как таковая она есть копия несовершенная, предполагающая указывая на сохраняющуюся еще верность Платона идее репрезентации, признанию «прообраза», копией которой является «копия», тогда как «копия копии» суть копия «копии». Как известно, постмодернизм отвергает бытие и соответствующую ему истину-корреспонденцию, принимая сторону не онтогносеологического языка описания сознания, а «технологизма» или «конструктивизма», то есть «объективирования», по словам Н. А. Бердяева, откуда следует уже позитивная оценка симулякров, в отличие от Платона. Ж. Делез поддерживает идею «низвержения платонизма» [Кара-Мурза, 2005: 329], этих остатков преданности бытию и его репрезентации в знании, которые, несмотря на технократические мотивы, все еще сохраняются у Платона. Если бы мы хотели выразить это, оставаясь в пределах противоположности «истинность-ложность», то можно было бы сказать, что симулякр «истинствует... даже тогда, когда лжет» [Антаков, 2009: 35].

В случае симулирования и симулякров, выражающих данное описание сознания, мы уже не остаемся в пределах противоположности категорий истинность-ложность, но выходим за границы данной пары категорий, в чем и заключается вообще симулирование. Симулякр сконструирован самим интеллектом так, что он уже не является образом объективной реальности, ни истинным, ни ложным, ибо здесь эта полярность в целом вообще не признается. Бытие

предается забвению и не требует репрезентации. Значит, понятие симулякра могло возродиться в философии постмодернизма именно на почве «забвения бытия» и его «репрезентации», предполагающей онтогносеологическую противоположность истины и заблуждения.

Полярность истины и заблуждения *предполагает*, что истина есть соответствие знания объективной реальности, напротив, заблуждение есть несоответствие знания объекту. С другой стороны, полярность *означает*, что знание, в целом признаваемое истинным, содержит в себе элементы несоответствия, значит, заблуждения (лжи); и наоборот, то, что в целом признается, считается заблуждением, имеет моменты истины, соответствия представлений самой действительности. В пределах познания «истина и заблуждение подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение», но «как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной области познания, так эта противоположность делается относительной и, следовательно, негодной для точного способа выражения» [Энгельс, 1961: 92]. Заблуждающийся, как и лгущий, все еще признает объективную реальность, которой соответствуют или не соответствуют его представления. О категориях истины и заблуждения можно сказать то же, что о категориях материализма и идеализма, что они суть «лишь необходимые предельные и взаимополярные позиции философского исследования, которые, быть может, очень редко обнаруживаются в чистом виде, но бесспорно, являются критерием оценки всех промежуточных между ними звеньев» [Лосев, 1979: 9]. Если же всю философию Платона свести к идеалистическому принципу как алгоритму «порождающей модели» и ее разворачиванию, то придется вести речь уже вообще о выходе за границы познания человеком мира, следовательно, о выходе за границы самой полярности истина-заблуждение и говорить уже о противоположности познающего мир мышления и не более, чем о его симулировании или имитации.

Постмодернизм в смысле «забвения бытия» и «репрезентации» более последователен, чем Платон, что находит выражение в позитивной оценке симулякра. В этом «низвержении платонизма», т. е. в более последовательном «забвении бытия», по словам Ж. Делеза, «Ницше видел задачу собственной философии и вообще философии будущего». Скорее всего, признает Ж. Делез, под «низвержением платонизма» подразумевается «упразднение как мира сущностей, так и мира явлений», хотя «подобный замысел не принадлежит собственно Ницше. Двойное низложение — низложение сущности и явления — восходит, по мнению Ж. Делеза, к Гегелю, а точнее, даже к Канту» [Делез, 1998: 329]. В «бесконечном движении убывающего от копии к копии подобия мы достигаем той точки, где все сущностно меняется», где «сама копия превращается в симулякр», а в самой сердцевине платонизма возникает антиплатонизм. В платонизме, в котором все еще «рокошет гераклитовский мир», уже происходит «утрачивание природы», но в нем не полностью утрачивается онтогносеологический язык описания сознания. В античной философии даже у Платона доминирует отношение к симулякру как к негативному явлению, в философии постмодернизма отношение к симулированию и к симулякрам позитивное — как к «преодолению метафизики» (в смысле Аристотеля). Именно это пропагандируют постмодернисты. Но симулятивный язык не ограничивается постмодернизмом, выходя за его пределы, как мифологический язык не ограничивался мифами, распространяя

себя на все произведения устного народного творчества. Постмодернизм является «частным случаем» симулятивного описания языка сознания.

Если до появления постмодернизма казалось, что материализм есть истинная система представлений человека, идеализм — ложная, то после появления этой философии обнаруживается, что речь идет и о противостоянии производства истинностного знания и симулирования его «в принципе» идеализма. Но, как писал А. Ф. Лосев, никакое учение «идеалиста» (как и верующего. — М. П.) к «принципу» не сводится, оно имеет в себе и то реальное, реалистическое содержание, которое обусловлено объективной логикой развития общества и историко-философского процесса. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельс показал, что философов Нового времени «толкало» вперед бурное развитие естествознания и промышленности», что и «идеалистические системы все более наполнялись материалистическим содержанием и пытались пантеистически примирить противоположность духа и материи», так что система Гегеля «и по методу, и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» [Энгельс, 1987: 297].

Из вышеизложенного следует, что отныне более фундаментальной проблемой для человека и общества при определении сути языка и сознания выступает не столько противостояние материализма и идеализма, сколько борьба языка и мышления, познающего окружающий мир, с одной стороны, и симулирования в условиях деградиционных процессов, симулирования, превращенного в их внутренний детерминант, с другой стороны. Если онтогносеологический язык описания сознания обеспечивает преобразование мира человеком в целях все более нарастающего совместного, коэволюционного развития бытия и человека, то симулятивный язык описания сознания есть синоним полного вырождения, деградации, негативной диалектики.

Библиографический список / References

- Антаков С. М. Симулякр как «лжец» // Мировоззренческая парадигма в философии: бытие и мышление (реальное, мнимое, симулятивное): материалы VII Всероссийской межвузовской научной конференции. Нижний Новгород, 21 ноября 2009 г. Нижний Новгород: Волжский инженерно-педагогический университет, 2009. С. 33—36.
- (Antakov S. M. Simulacrum as a "liar", in Prokhorov M. M. (ed.) *Worldview paradigm in philosophy: being and thinking (real, imaginary, simulative)*, Nizhny Novgorod, 2009, pp. 33—36. — In Russ.)
- Арнобий. Против язычников. СПб., 2008. 398 с.
- (Arnobij. *Against the pagans*, Saint Petersburg, 2008, 398 p. — In Russ.)
- Арсеньев В. К. Избранные произведения. Т. 1. М., 1986. 354 с.
- (Arsen'ev V. K. *Selected works*. Moscow, 1986, vol. 1, 354 p. — In Russ.)
- Голосовкер Э. Я. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
- (Golosovker E. Ya. *Myth logic*, Moscow, 1987. 218 s. — In Russ.)
- Делез Ж. Симулякр и античная философия // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 329—365.

(Deleuze G. Simulacrum and ancient philosophy // *Deleuze G. Logic of meaning. Foucault M. Theatrum philosophicum*, Ekaterinburg, 1998, pp. 329—365. — In Russ.)

Дубровский Д. И. Относительное и абсолютное // Релятивизм как болезнь современной философии / под ред. В. А. Лекторского. М.: Канон+, 2015. С. 41—60.

(Dubrovsky D. I. Relative and absolute, in Lectorsky V. A. (ed.) *Relativism as a disease of modern philosophy*, Moscow, 2015, pp. 41—60. — In Russ.)

Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 736 с.

(Kara-Murza S. *Lost mind*, Moscow, 2005, 736 p. — In Russ.)

Киссель М. А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М.: Мысль, 1974. 280 с.

(Kissel' M. A. *The fate of the old dilemma (rationalism and empiricism in bourgeois philosophy of the 20th century)*, Moscow, 1974, 280 p. — In Russ.)

Комарова В. Я. Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1988. 264 с.

(Komarova V. Ya. *The teachings of Zeno of Elea: an attempt to reconstruct the system of arguments*, St. Petersburg, 1988, 264 p. — In Russ.)

Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1965. Т. 2. 560 с.

(Locke J. *Works in three volumes*, Moscow, 1965, vol. 2, 560 p. — In Russ.)

Лосев А. Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха / под ред. Ф. Х. Кессиди. М.: Наука, 1979. С. 9—57.

(Losev A. F. Platonic objective idealism and its tragic fate, in Cassidy F. H. (ed.) *Plato and his era*, Moscow, 1979, pp. 9—57. — In Russ.)

Лосев А. Ф. Философия античности в целом и в частности // Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. С. 171—197.

(Losev A.F. The philosophy of antiquity in general and in particular, in Losev A. F. *Daring Spirit*, Moscow, 1988, pp. 171—197. — In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. 629 с.

(Marx K., Engels F. *Compositions*, Moscow, 1955, vol. 3, 629 p. — In Russ.)

Материалистическая диалектика: в 5 т. / под ред. М. Я. Корнеева. М.: Мысль, 1981. Т. 1. Объективная диалектика. 374 с.

(Korneev M.Ya. (ed.) *Materialist dialectics: in 5 vols.* Moscow, 1981, vol. 1: *Objective Dialectics*, 374 p. — In Russ.)

Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 233—403.

(Ortega y Gasset J. Around Galileo (diagram of crises), in Ortega y Gasset J. *Selected writings*, Moscow, 1997, pp. 233—403. — In Russ.)

Прохоров М. М. Атрибутивное определение бытия: Третья историческая форма противоположности диалектики и метафизики // NB: Философские исследования. 2012. № 5. С. 1—100. DOI: 10.7246/2306-0174.2012. 5.244.

(Prohorov M. M. Attributive definition of being: The third historical form of opposition of dialectics and metaphysics, *NB: Philosophical studies*, 2012, no. 5, pp. 1—100. DOI: 10.7246/2306-0174.2012. 5.244. — In Russ.)

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: в 9 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 6. С. 285—326.

(Engels F. Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy, in Marx K., Engels F. *Selected works* in 9 vols, Moscow, 1987, vol. 6, pp. 285—326. — In Russ.)

Энгельс Ф. Мораль и право. Вечные истины // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 85—96.

(Engels F. Morality and law. Eternal Truths, in Marx K., Engels F. *Compositions*, vol. 20, Moscow, p. 85—96. — In Russ.)

Юм Д. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1965. Т. 2. 799 с.

(Hume D. Works in two volumes, Moscow, 1965, vol. 2, 799 p.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Прохоров Михаил Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, г. Нижний Новгород, Россия, mmpro@mail.ru

Prokhorov Mikhail Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology of the Nizhny Novgorod State Architectural and Construction University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, mmpro@mail.ru

Научная статья
УДК 159.922
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.18-29

О. С. Миронов

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАЯЗЫКА ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о парадигмах и дискурсах сознания. Показана эвристичность компаративного анализа ряда научных и философских дефинитивных представлений феномена сознания. Продемонстрированы возможности поиска индуктивной системной модели сознания через плюральный подход к феномену, не ограниченный рамками науки, предусматривающий тестирование любых гипотез и теорий сознания, поиск новых форм рефлексии. Обоснована необходимость синтеза существующих традиционных форм описания и праксиологизации феномена сознания, таких как религия, психоанализ, системная психофизиология, философия, ноосферология, квантовая механика, семиотика и других. Обозначены эксплицитный и имплицитный факторы невозможности построения позитивистско-редукционистской моно модели сознания. Представлены аргументы ограниченности научного инструментария и методологии в подходе к феномену сознания. Автор предлагает смену ценностно-смыслового понятия «маргинальности» теорий. Описаны адаптивно-эволюционные предпосылки сознания, приведены примеры пяти секторов реальности, к которым может быть применимо понятие «маргинальной теории» сознания. В контексте изучения природы сознания произведен анализ данных последних исследований церебральных органоидов с функциональными нейронными сетями, представлена их связь с нематериальной теорией психики и влияние на нее.

Ключевые слова: сознание, метаязык, маргинальная наука, теория функциональных систем, когито, нейтральный монизм, нематериальная теория психики

Ссылка для цитирования: Миронов О. С. Современные аспекты формирования метаязыка описания сознания // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 18—29.

Original article

O. S. Mironov

MODERN ASPECTS OF THE FORMATION OF THE METAL-LANGUAGE FOR THE DESCRIPTION OF CONSCIOUSNESS

Abstract. The article deals with questions about paradigms and discourses of consciousness. The heuristic nature of the comparative analysis of a number of scientific and philosophical definitive representations of the phenomenon of consciousness is shown. The possibilities of searching for an inductive systemic model of consciousness through a pluralistic approach to the phenomenon, not limited by the framework of science, which involves testing any hypotheses and theories of consciousness, and searching for new forms of reflection, are demonstrated.

© Миронов О. С., 2022

The necessity of synthesis of existing traditional forms of description and praxeologization of the phenomenon of consciousness, such as religion, psychoanalysis, systemic psychophysiology, philosophy, noospherology, quantum mechanics, semiotics and others, is substantiated. The explicit and implicit factors of the impossibility of constructing a positivist-reductionist mono-model of consciousness are indicated. The arguments of the limitedness of scientific tools and methodology in the approach to the phenomenon of consciousness are presented. The author proposes a change in the value-semantic concept of "marginality" of theories. The adaptive-evolutionary prerequisites of consciousness are described, examples of five sectors of reality are given, to which the concept of the "marginal theory" of consciousness can be applied. In the context of studying the nature of consciousness, the data of recent studies of cerebral organelles with functional neural networks are analyzed, their connection with the non-material theory of the psyche and the impact on it is presented.

Keywords: consciousness, metalanguage, marginal science, theory of functional systems, cogito, neutral monism, non-material theory of psyche

Citation Link: Mironov, O. S. (2022) *Sovremennyye aspekty formirovaniya meta-yazyka opisaniya soznaniya* [Modern aspects of the formation of the metal-language for the description of consciousness], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 18—29.

Мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем, —
это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде,
в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов.
Вернер Гейзенберг

Сознание — по существу первичное, то есть интуитивное определение в философии, науке, эзотерике, психологии, религии и других сферах человеческой деятельности, при этом разные школы и научные дисциплины придерживаются совершенно различных научных формулировок.

Уильям Джеймс как основоположник функционализма и один из пионеров трансдисциплинарного подхода, прежде всего, рассматривал сознание как функцию, которая «как и другие биологические функции, развивалась потому, что она полезна» [James, 1983], подчеркивая избирательность как одно из свойств сознания — отсюда уникальность психического опыта и то, что современная психология, философия, культура выделяют как индивидуальность. Автор теории функциональных систем П. К. Анохин называл сознание «продуктом биологической и социальной эволюции» [Анохин, 1970]. Согласно психодинамическому подходу Зигмунда Фрейда, основой которого стала термодинамика, психические явления сознания есть «проявление борьбы душевных сил, как выражения целенаправленных тенденций, которые работают согласно друг с другом или друг против друга» [Фрейд, 1999].

В 2007 году международная группа ученых под руководством Луиса Гарсии Домингеса, Ричарда Веннберга и Хосе Луиса Переса Веласкеса на основании проводимых в Корнельском Университете исследований с использованием статистической механики и теории вероятностей пришла к результату, согласно которому сознание является особым свойством информационной системы, стремящейся к максимальной энтропии [Dominguez, Wennberg, Velazquez, 2007]. При этом бóльшая степень сознания характеризуется бóльшими значениями

энтропии, что дает нам взгляд на сознание как на побочный продукт действия законов термодинамики. С точки зрения автора теории потокового состояния профессора психологии Михай Чиксентмихайи, «сознание — целесообразно упорядоченная информация» [Чиксентмихайи, 2011].

Как заметил британский нейробиолог Анил Сет [Seth, 2021], осознание «Я» является особого рода контролируемой галлюцинацией: опыт человеческой самости в основном связан с регулированием и контролированием тела. Осознание «Я» состоит из множества разных частей, которые обычно связаны между собой единым образом, но иногда их связи могут распадаться, например при психических или неврологических расстройствах. «Я»-галлюцинация носит характер корпусной природы, обладает свойством телесности. Сознание, обладая телесным опытом, постоянно «предсказывает» существование мира — от сна до воспоминаний и всего, что между ними.

В психологической и философской парадигме европейской цивилизации, как выразился один из ее ярких представителей психиатр Карл Густав Юнг, буквально, «сознание» — это то, что мы теряем, когда теряем сознание. Восточные философские системы смотрят на феномен сознания гораздо шире. Одно из свойств сознания согласно буддийской аксиоматике — «анитья» (не-вечность всего). И бессознательное состояние, и сон, и безумие являются, с точки зрения буддизма, строго говоря, информационными агрегатными состояниями сознания.

Опыт, приближающий человека к разгадке источника сознания, может быть исследуем в комплексе антропогенного инструментария, в том числе при участии науки, религии, философии и других интересубъективных систем, например в рамках подхода, описанного в монистической философии К. Э. Циолковского, с помощью которой ученый синтезировал религиозные, этические, естественнонаучные, психологические и философские основания. Следуя взгляду Циолковского и антропному принципу, можно предположить, что вся «материальная» вселенная существует для сознания: вне сознания, вне аппарата рефлексии всего ее величия, монументальности, разнообразия и красоты не существует, а значит, кем бы или чем бы это ни создавалось, если создано, то создано для культивации сознания и предикации его рефлексии.

Как замечает руководитель Центра перспективных исследований мозга МГУ им М. В. Ломоносова Константин Владимирович Анохин, с точки зрения нейробиологии «сознание не софт, а процесс» [Анохин, 2021]. Этот процесс должен протекать в какой-то структуре, в качестве которой позитивизм и редукционизм до работ В. М. Бехтерева, З. Фрейда, А. Р. Лурии и других апологетов нематериальной теории психики, рассматривали мозг. Но мозг — это орган тела, биологическая ткань. Трафик в нейронной гиперсети (которая обладает «Я» субъекта) является психическим процессом в элементах высокого уровня со связями субъективного опыта. Гиперсеть характерна ментальностью процессов. Адаптивно-эволюционными предпосылками сознания К. В. Анохин называет наличие функциональной системы¹, нервной сети, долговременной памяти.

¹ Современная системная психофизиология рассматривает функциональные системы как комплексы кооперирующих элементов организма, взаимодействие которых носит характер взаимодействия для получения организмом полезного адаптивного результата, и как предпосылки сознания в организмах, из которых появились высшие животные, в частности, человек.

Однако возможность описания модели структуры сознания не приближает к объективному пониманию когитогенеза. В работе «Principia philosophiae» [Декарт, 1989] Рене Декарт уточняет определение сознательно-экзистенциального детерминизма «Cogito ergo sum»: «Под именем "*cogitatio*" я понимаю все то, что для нас, сознающих притом самих себя, в нас происходит, насколько мы об этом в нас имеем сопутствующее знание. Так что не только познание, воление, воображение, но также ощущение здесь то же самое, что мы именуем *cogitare*». Мартин Хайдеггер, анализируя в работе «Европейский нигилизм» [Хайдеггер, 1993] декартовское положение о *cogito*, целостном впечатлении как совокупности интерфейсов психики — «познания, воления, воображения, но также ощущения», обращает внимание на то, что «Декарт употребляет в важных местах для *cogitare* слово *percipere* (*percipio*) — схватить что-либо, овладеть какой-либо вещью, а именно, здесь, в смысле предоставления способом поставления перед собой, «представления». <...> ту же двузначность несет и *perceptio* <...>: установление чего-либо мною и установленное в самом широком смысле сделанного «видимым». Английское слово *perception* переводится как «восприятие». Феномен восприятия тесно связан как с биологическо-материальной, так и с психологическо-квалитативными секторами реальности, иллюстрируя нейтрально-монистическую аксиоматику сознания, согласно которой психическое и физическое являются двумя способами организации или описания тех же самых элементов, которые сами по себе являются «нейтральными» [Russell, 2009].

Ряд антропологических взглядов таких ярких представителей комплекса учений и знаний о человеке, как Вильгельм Дильтей [Дильтей, 1995, 2001] и сэр Эдвард Бернет Тайлор [Тайлор 1882, 2015], говорит о том, что понятие сознания в различных семантических, семиотических, культурных, философских, религиозных формах волновало человеческие умы еще с дописьменных культур.

Принимая во внимание изложенные выше и многочисленные другие взгляды на предмет статьи, говоря о сознании, ученые и исследователи понимают, что речь идет не об одном объекте науки, но о множестве объектов, индуктивную часть которых дискурс современной науки обобщает как «сознание» для возможности его описания, толкования, исследования и обнаружения способов воздействия на этот феномен. В науке нет проблемы, которую с большим основанием можно было бы назвать повсеместно важной, чем проблема разработки значимых и пригодных для научного общения рабочих понятий. Это справедливо для всех наук, с тех самых пор, как Аристотель обратил внимание на то, насколько трудно дать адекватное определение счастья, ученые бьются над двойственной проблемой: как сделать более ясными понятия, которые они считают самыми центральными, и как сделать более центральными те понятия, которые они могут сделать более ясными.

Исторически попытки с помощью науки достичь создания метаязыка, который являлся бы универсальным способом описания объективной реальности и таких ее атрибутов, как, в частности, сознание, той объективной реальности, которая отражена в сознании человека, к завершению первой четверти XXI века не достигли своей цели. После более 70 лет тестирования гипотезы метаязыка мировой наукой есть основания полагать, что задача его построения в принципе не может быть решена с помощью науки ввиду двух факторов, которые можно обозначить как эксплицитный и имплицитный. Первый, эксплицитный фактор,

заключается в том, что объективная картина сознания не может быть получена ввиду онтологической субъектности и модельности науки, детерминированности частной стимульно-интерпретационной средой бытия ее продуцентов, а не средой объективной реальности, о которой наука составляет представления с помощью абстрактного мышления. Второй, имплицитный фактор, говорит о том, что задача объективного описания сознания нерешаема ввиду обусловленности существования науки и ее развития антропным принципом участия, «слишком человеческими» ее предпосылками [Ницше, 2007], заданными представлениями о реальности субъектом, ограниченным аппаратом сенсорных модальностей (набором органов чувств, эпигенетических структур, психофизиологических функциональных систем и т. д.), на формирование которых биологической эволюции потребовались миллиарды лет, в то время как возраст науки насчитывает лишь тысячи лет. Все новые появляющиеся разработки и возможности амплификации сознания человека, такие как искусственный интеллект, мемристоры, нейрокомпьютерные интерфейсы, квантовый компьютер, служат лишь производными исходных психических функций человека, не меняя непосредственно его сознание, в границах которого и действует наука. При этом, как справедливо считал Роджер Пенроуз, сознание человека не сводится к вычислительной функции, являясь источником психических процессов особенного уровня, позволяющего менять судьбу человека [Пенроуз, 2020].

Наука есть основанная на иллюзорно-компенсаторной функции [Винокуров, 2017] система интересубъективных знаний человека о реальности, позволяющих ее наблюдать, описывать, предсказывать и управлять ею, основанная на тестировании гипотез и поисках новых форм знаний для систематизации. Наука существенно социальна, являясь систематизированным знанием на базе коллективного договора о реальности, повторяя путь религии. Как отмечал Карл Теодор Ясперс: «То, что из непреложных оснований признается каждым, становится тем самым научным познанием и не является больше философией, а относится к конкретным областям знания» [Ясперс, 2000]. Однако признание феномена сознания каждым субъектом социальной группы не делает феномен объективным, это признание лишь реализует его, то есть делает его реальным. Реальность же является тем набором витгенштейновских фактов, о котором не могут договориться сами ученые вот уже века, если не тысячелетия, споря о методологии, систематике, праксиологизации, способах и инструментах измерения реальности, о том, что важно в науке с точки зрения реальности, а что не важно, иллюстрируя таким подходом к реальности ее имманентную субъективность и психическую предикативность.

Задаваясь вопросом о том, почему в современной науке становится все больше и больше маргинальных теорий (например, все теории возникновения сознания можно считать маргинальными), следует отметить тот факт, что в действительности гипотез становится все больше, а способов протестировать их у науки появляется не так много, как самих гипотез, поскольку наука подразумевает определенные правила доказательной методологии. Например, на сегодняшний день феномен коллективного бессознательного очевиден для психологии, но доказать его существование с помощью характерных для своей эпохи правил науки не было способа как тысячу, сто лет назад, так нет и сейчас, но накопившееся количество косвенных данных позволяет говорить о феномене,

моделировать его структуры, предсказывать связанные с ним события и оказывать интенциональное, результативное с точки зрения заложенного в действие параметра результата влияние. Научные представления о таких феноменах по-прежнему методологически близки к апофатической теологии, и эти приемы не вызывают радикальной критики, учитывая, что сама наука вышла из одного гносеологического корня с религией, особенно стоит помнить об этом, когда речь идет о категории, названной Вильгельмом Дильтеем «науками о духе». Феноменом и предметом этих наук является и «сознание», не будучи возможным к описанию и оперированию в рамках одной лишь науки без привлечения других дискурсов: философии, религии, искусства. Таким образом, несмотря на кажущуюся привычную очевидность такого феномена, как сознание, все теории его возникновения будут маргинальными, если исходить из научной формализации и оставаться исключительно в рамках ее дискурсивной практики.

На взгляд автора, по вышеизложенным причинам науке не следует избегать и сторониться маргинальных гипотез и теорий, вместо этого следовало бы создать в качестве отдельного дискурса и направления деятельности акселератор тестирования маргинальных научных гипотез, однако мы понимаем всю утопичность такой инициативы, поскольку на момент конца первой четверти XXI века проблемы реализации и актуализации испытывает даже традиционная фундаментальная и теоретическая наука, по свидетельствам ученых, представляющих разные сферы науки и разные государства, приоритетное предпочтение, финансовая поддержка и кадровое развитие в основном получают те отрасли науки, которые связаны с краткосрочными целями, часто коммерческими. Наука в XXI веке почти полностью зависима от капитала. В этой связи на сегодняшний день потенциал и богатство научного кластера исследования сознания вне его материально-аппаратных, биологических, медицинских, промышленных приложений несопоставимо больше их академической и междисциплинарной освещенности и заслуживают высокой оценки, переоценки, воспроизводства, и привлечения инвестиционных, кадровых, технических, междисциплинарных мощностей. Обладая сознанием, человек не вопрошает о его существовании, однако теории происхождения сознания по-прежнему остаются в статусе «маргинальной науки».

Маргинальными в науке являются те теории, гипотезы, направления, концепции, которые наука на текущем этапе своего развития не может доказать или опровергнуть ввиду отсутствия средств, измерительных единиц и методов. Однако это говорит не о маргинальности этих теорий и концепций, а об ограниченности самой науки. Следовало бы несколько изменить термин и говорить не о маргинальных, а о маржинальных направлениях науки, не о маргинальных, а о маржинальных теориях происхождения сознания вследствие того, что они требуют прироста данных, технических мощностей, новых открытий, методологий, парадигм, и главное — прироста времени эволюции самой науки для того, чтобы наукой полноценно рассматриваться.

В настоящее время известно как минимум пять секторов реальности, к которым может быть применимо понятие «маргинальной теории» сознания:

— квантовая механика², включая стандартную теорию элементарных частиц;

— системная физиология организма, в особенности ее модели, использующие язык векторных функциональных систем;

— психология: перенос материального физического процесса в психический процесс, происходящий в сознании (перцептивная интериоризация дистального стимула);

— теория событийных реальностей, описывающая универсальный существующий на сегодняшний день аппарат антропоморфных монад, которая представляет собой попытку развить альтернативную физике программу описания мировых систем, представленных не через свою материальность, а через ее восприятие и действие в ней свидетелей — основных составляющих ее компонентов;

— виртуальная реальность, генетическим и телеологическим врожденным генератором которой является аппаратно-программный комплекс мозга и сознания.

В пользу последней теории свидетельствует в своей работе «Психодинамическая нейрология: сны, сознание и виртуальная реальность» нейробиолог Алан Хобсон, ссылаясь на «исследования того, что в последнем триместре беременности плод проводит большую часть своего времени во сне, можно выдвинуть гипотезу того, что мозг генетически наделен генеральной врожденной виртуальной реальностью, работа которой отчетливо проявляется в сновидениях. Таким образом мы уже рождаемся с моделью виртуальной реальности, которая впоследствии станет причиной чувственного опыта» [Hobson, 2015].

Другим важным свидетельством самоорганизации сознания являются результаты изучения физиологического интеллекта и клеточной специализации. В 2019 году группа японских ученых Центра исследований клетки Университета Киото под руководством Хидеа Сакагучи и Дзюн Такахашии впервые вырастила церебральные органоиды с функциональными нейронными сетями. Данные были опубликованы в исследовании «Самоорганизованные синхронные переходные процессы в кальции в культивируемой нервной сети человека, полученной из церебральных органоидов» [Sakaguchi, Ozaki, Ashida, Matsubara, Oishi, Kihara, Takahashi, 2019].

² Нервная система — это нелинейная динамическая сложная система с множеством петель обратной связи. Принято считать, что в мозгу квантовые флуктуации самоусредняются и, следовательно, функционально незначительны. Однако эта интуиция может вводить в заблуждение в случае нелинейных сложных систем. Из-за крайней чувствительности к начальным условиям в сложных системах микроскопические колебания могут усиливаться и тем самым влиять на поведение системы. Таким образом, квантовая динамика может влиять на вычисления нейронов. Накопление доказательств в нейронных системах указывает на то, что биологическая эволюция может использовать квантовую стохастичность. Недавний подъем квантовой биологии как развивающейся области на границе между квантовой физикой и науками о жизни предполагает, что квантовые события могут играть нетривиальную роль и в нейронных клетках. Прямые экспериментальные доказательства этого все еще отсутствуют, но будущие исследования должны рассмотреть возможность того, что квантовые события способствуют чрезвычайно высокой сложности, изменчивости и вычислительной мощности нейронной динамики [Jedlicka, 2017].

Когда нейрональной культуре предоставили возможность роста в трехмерном пространстве, обеспечив питанием и суспензионным типом развития, ученые в лабораторных условиях получили зачатки мозжечка, т. е. вырастили структуру мозжечка вне структуры организма. Другие ученые, которые занимались культивацией клеток, вырастили кору головного мозга. Кортиковые структуры предназначены для обучения и развития, т. е. для отражения сознания. Таламическо-стволовые программы — базовые структуры, предназначенные для реализации имплицитной, бессознательной деятельности организма. Кора головного мозга — это пространство, где есть неактуализированный потенциал, который можно по-разному развить в зависимости от обучения, реорганизации нейросетей. Этап искусственного получения коры мозга показал, что возможно не только создание не только аппаратной системы, но и программной системы церебральных органоидов, т. е. получения сознания *in vitro*, которое уже можно обучить, и более того, как мы увидим, оно способно учиться само. На следующем этапе ученые попытались вырастить кишечник из плюрипотентных стволовых клеток, но последние плохо развивались во внесистемной ограниченной среде. Зачаток кишечника-биоорганоида трансплантировали в мышь, и у мыши на нужном месте развился кишечник. Затем мышь заразили *Helicobacter pylori* — возбудителем язвенной болезни, и искусственный кишечник проявил все знакомые признаки болезни: и патогенез, и реакцию адаптации. Из наблюдаемых явлений была сделана предпосылка возникновения сознания при создании природоподобных ключевых стимулов.

Хидея Сакагучи и Дзюн Такахаша с командой удалось успешно визуализировать синхронизированную и несинхронизированную активности в нейронных сетях, а также в отдельных нейронах. Синхронизированная нейронная активность является основной для различных функций мозга, включая память, т. е. для функций сознания — это активность, которая характеризуется периодической одновременной активацией определенной популяции нейронов. Сакагучи и Такахаша доказали, что в церебральном органоиде, т. е. в выращенном из плюрипотентных клеток человеческого мозга возникают психическая активность на аппаратном уровне и признаки сознания на программном уровне. В простых клеточных культурах начинает происходить пролиферация, образуется мозг, а далее начинаются процессы синхронизации нейронов, которые фиксирует аппаратура, показывая, что у «мозга в колбе» образуется память. Такой результат исследований церебральных органоидов поставил вопрос, который вследствие «маржинальности» является до сих пор не решенным: если у искусственного мозга нет органов восприятия, т. е. возможности перевода дистальных стимулов в проксимальные, нет органов зрения, слуха, обоняния, осязания и более 35 функционирующих в человеческом организме механорецепторов, то память чего возникает на сознательном уровне и на нейронном уровне?

Для возможности поиска ответов мы обращаемся с позиции результатов исследований Сакагучи и Такахаша к положениям нематериальной теории психики [Решетников, 2018], на которую оказали влияние В. М. Бехтерев, З. Фрейд, А. Р. Лурия.

1) Наличие здорового мозга является необходимым, но недостаточным условием формирования и адекватного функционирования сознания — обязательно требуется языковое программирование. Ранее считалось, что языковое

программирование является предикатом социальной среды, но с появлением вышеприведенных исследований наука приходит к пониманию, что то, что включает синхронизационную активность между нейронами в биоорганоиде, есть не что иное, как сознание на первоначальном этапе его развития.

2) Сознание (нематериальное) управляет нервной системой (материальным). Невозможно выделить для исследования сознание человека в качестве материального предмета, так же как и невозможно выделить сознание органоида. Но о человеческом сознании мы можем судить катафатически, устойчиво наблюдая его проявления. «Мозг в колбе» не может дать обратную связь такого рода. Но дело в том, что какие-либо специфические стимулы воздействия на органоид в эксперименте не присутствовали, при этом возникшие нейронные связи в нем являются отражением сознания.

3) Психическая деятельность — вариант информационного обмена и взаимодействия, который возникает и функционирует только в социуме, в своеобразной глобальной информационной сети. То есть возможны и другие варианты обмена, например информационный обмен церебрального органоида с внешней средой, и, следовательно, можно предположить, что в живой³ и конгруэнтной среде своего развития клеточный объект имеет предпосылку и способность к информационному обмену и образованию сознания.

4) Со временем особая роль мозга будет пересмотрена и в новой системе представлений ему будет отведена более скромная, новая роль связующего звена между идеальным и реальным или, выражаясь современным языком, биологического интерфейса.

Следуя закону необходимого разнообразия У. Р. Эшби и философии цветущей сложности К. Н. Леонтьева, мы считаем, что для образования комплексного, плюрального метаязыка описания сознания необходимо принять отмечаемый в последние десятилетия прогрессивный рост числа языков описания сознания как сигналы predispositions к большей открытости знания о сознании, поскольку современные механизмы интегрально-информационного глобального мира впервые за историю человеческих цивилизаций-изолятов предоставляют возможности для формирования общецивилизационного коммуникативно-плюрального массива данных, опытов, дискурсов, парадигм, методов, учений, практик, посвященных феномену сознания. Маргинальный характер науки о сознании и философии сознания требует прироста их новых форм, но этот прирост не может быть обеспечен при автономии любой системы знания, какой бы традиционной или авторитетной она ни была. Как бы объективно на первый взгляд ни выглядело развитие любой науки, теории, метода, языка, описывающих феномен сознания, в действительности это развитие существенно социально и поэтому является частным следствием данной формы общественного развития. В особенности следует помнить об указанном положении, изучая науки, теории, методы, языки, обладающие, с их точки зрения, внутренней логичностью и незыблемой системой доказательств. Феноменология сознания может быть адекватно описуема только с позиции использования множества языков, т. е. нескольких различных методов ее построения, нескольких разных способов ее видения,

³ С точки зрения информационной психологии формой жизни является продуцент функциональной или атрибутивной реляции, присущей самоорганизующимся системам.

слышания, чувствования, осознания ее и действия в ней. Междисциплинарные и международные тенденции развития современной науки свидетельствуют об имплементации плюральных процессов в подходе, в частности, к феномену сознания, и вектор этого направления является верным и многообещающим, формируя перспективы преобразования количества языков описания сознания в качество метаязыка его описания.

Библиографический список / References

- Анохин К. В. Доклад в Институте перспективных исследований мозга МГУ «Нейронный код: в поисках клеточных принципов кодирования когнитивной информации». 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sinestet.ru/k—v—anohin—quot—nejronnyj—kod—v—poiskah—kletochnyh—printsipov—kodirovaniya—kognitivnoj—informatsii—quot> (дата обращения: 05.12.2021).
(Anokhin K. V. *Report at the institute for advanced study of the brain, Moscow State University "Neural code: in search of cellular principles for encoding cognitive information"*. 2021. [Electronic resource]. Access mode: <https://sinestet.ru/k—v—anohin—quot—nejronnyj—kod—v—poiskah—kletochnyh—printsipov—kodirovaniya—kognitivnoj—informatsii—quot> Date of access: 12/05/2021 — In Russ.)
- Анохин П. К. Теория отражения и современная наука о мозге. М.: Знание, 1970. 44 с.
(Anokhin P. K. *Reflection theory and modern brain science*. Moscow, 1970. 44 p. — In Russ.)
- Винокуров В. В. Компенсаторная функция: будущее одной полемики // Религиоведческий альманах. 2017. Т. 4, № 2. С. 63—75.
(Vinokurov V. V. *Compensatory function: the future of one controversy, Religious almanac*, 2017, vol. 4, no. 2, —pp. 63—75. — In Russ.)
- Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и фр.; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
(Descartes R. *Works in 2 volumes*, Moscow, 1989. 654 p. — In Russ.)
- Дильтей В. Сущность философии / пер. с нем. М. Е. Цельтера. М.: Интрада, 2001. 160 с.
(Dilthey W. *Essence of Philosophy*, Moscow, 2001. 160 p. — In Russ.)
- Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология / сост. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 213—255.
(Dilthey W. *Types of worldview and their discovery in metaphysical systems*, in Levit S. Ya. (ed.) *Culturology. XX century: Anthology*, Moscow, 1995, pp. 213—255. — In Russ.)
- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / пер. с нем. С. Франка. М.: Академический проект, 2007. 328 с.
(Nietzsche F. *Human, too human. A book for free minds*, Moscow, 2007. 328 p. — In Russ.)
- Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. с англ. М.: URSS, 2020. 416 с.
(Penrose R. *The King's new mind: on computers, thinking, and the laws of physics*, Moscow, 2020. 416 p. — In Russ.)
- Решетников М. М. Методологические предпосылки и основания нематериальной теории психики // Методология и история психологии. 2018. Вып. 3. С. 28—46.
(Reshetnikov M. M. *Methodological premises and foundations of the non-material theory of the psyche, Methodology and history of psychology*, 2018, iss. 3, pp. 28—46. — In Russ.)

Тайлор Э. Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации: научно-популярное издание / пер. И. С. Ивин. Санкт-Петербург: Издание И. И. Билибина, 1882. 469 с.

(Tylor E. B. *Anthropology. Introduction to the study of man and civilization: popular science edition*, St. Petersburg, 1882. 469 p. — In Russ.)

Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Директ-Медиа, 2015. 1458 с.

(Tylor E. B. *Primitive culture*, Moscow, 2015. 1458 p. — In Russ.)

Фрейд З. Введение в психоанализ / под ред. Е. Е. Соколовой и Т. В. Родионовой. СПб.: Алетейя, 1999. 200 с.

(Freud Z. *Introduction to psychoanalysis*, St. Petersburg, 1999. 200 p. — In Russ.)

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

(Heidegger M. *Time and being: Articles and speeches*, Moscow, 1993. 447 p. — In Russ.)

Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина Паблишер, 2011. 461 с.

(Chiksentmihalyi M. *Flood: Psychology of optimal experience*, Moscow, 2011. 461 p. — In Russ.)

Ясперс К. Введение в философию / пер. с нем. под ред. А. А. Михайлова. Мн.: Пропи-леи, 2000. 192 с.

(Jaspers K. *Introduction to Philosophy*, Minsk, 2000. 192 p. — In Russ.)

Hobson A. *Psychodynamic Neurology: Dreams, Consciousness, and Virtual Reality*, CRC Press, 2015. 282 p.

Seth A. *How your brain invents your "self"* / TED Talk 2021 — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ted.com/talks/anil_seth_how_your_brain_invents_your_self (дата обращения: 08.11.2021).

Russell B. *The Nature of our Knowledge of Physics, in An Outline of Philosophy*, Routledge, 2009. 338 p.

Dominguez L. G., Wennberg R., Velazquez J. L. P. et al. Enhanced measured synchronization of unsynchronized sources: significance for brain recordings, *BMC Neurosci* 8, P41 (2007). DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2202-8-S2-P41>.

Sakaguchi H., Ozaki Y., Ashida T., Matsubara T., Oishi N., Kihara Sh., Takahashi J. Self-Organized Synchronous Calcium Transients in a Cultured Human Neural Network Derived from Cerebral Organoids, *Stem Cell Reports*, 2019, vol. 13, iss. 3, pp. 458—473. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.stemcr.2019.05.029>.

James W. *The Principles of Psychology, Volumes I and II*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.

Jedlicka P. Revisiting the Quantum Brain Hypothesis: Toward Quantum (Neuro)biology? *Front. Mol. Neurosci*, 2017, DOI: <https://doi.org/10.3389/fnmol.2017.00366>

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Миронов Олег Сергеевич — доктор философии в области психологии; вице-президент Международной Академии Фундаментального Образования; действительный член Международной гуманитарной академии «Европа-Азия» (Институт культуры мира ЮНЕСКО); член Федерации психологов образования России; г. Москва, Российская Федерация, s.oleg.mironov@gmail.com

Mironov Oleg Sergeevich — Doctor of Philosophy in Psychology; vice-president of the International Academy of Main Education; full member of the International Humanitarian Academy "Europe-Asia" (UNESCO Institute for a Culture of Peace); member of the Federation of Educational Psychologists of Russia; Moscow, Russian Federation, s.oleg.mironov@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Научная статья
УДК 140.08
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.30-40

И. И. Булычев

ОБРАЗЫ ВСЕЛЕНСКОГО И БОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу двух мировоззренчески значимых образов сознания. Новизна заключается в доказательстве определенного сближения сложившихся ныне представлений о содержании Вселенской и Божественной разумности, не исключающего при этом наличия между ними серьезных различий. Автор развивает концепцию Вселенского сознания как алгоритмизированной информативности, где информативность отражает природу данной космической разумности, а алгоритмизированность — ее сущность. Зафиксировано, что Вселенское сознание есть относительно автономный фактор реальности, развитие которого исходит из собственных внутренних нужд и запросов, в большей или меньшей мере совпадающих или не совпадающих с логикой развития материального мира. Показано, что для религиозной картины мира, в отличие от философской, характерно неопределенное, неточные мышление и своеобразный язык. Обосновано, что Вселенское сознание, в отличие от Божественного, не идеально, не эмоционально и не всеильно, главное для него — предотвратить чрезмерную стихийность и непредсказуемость в развитии природы и человеческого общества. Отмечено, что информационный (интеллектуальный) объем Вселенского сознания постоянно увеличивается. Спрогнозировано усиление популярности религий и религиозных конфессий с минимальной антропоморфностью и образной наглядностью, а также возникновение принципиально новых верований, которые станут обожествлять предельно абстрактный Вселенский разум.

Ключевые слова: образ, Божественное/Вселенское сознание, материальность/идеальность, сущность/явление, алгоритмизация, живое, негэнтропия

Ссылка для цитирования: Булычев И. И. Образы Вселенского и Божественного сознания: сравнительный анализ // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 30—40.

Original article

I. I. Bulychev

IMAGES OF UNIVERSAL AND DIVINE CONSCIOUSNESS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of two worldview significant images of consciousness. The novelty lies in the proof of a certain convergence of the current ideas about the content of the Universal and Divine intelligence, which does not exclude the

© Булычев И. И., 2022

• Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 30—40

presence of serious differences between them. The author develops the concept of the Universal Consciousness as algorithmic information content, where information content reflects the nature of this cosmic intelligence, and algorithmization reflects its essence. It has been fixed that the universal consciousness is a relatively autonomous factor of reality, the development of which proceeds from its own internal needs and requests, to a greater or lesser extent coinciding or not coinciding with the logic of the development of the material world. It is shown that the religious picture of the world, in contrast to the philosophical one, is characterized by indefinite, inaccurate thinking and a peculiar language. It is substantiated that the Universal consciousness, unlike the Divine, is not ideal, not emotional and not omnipotent, the main thing for it is to prevent excessive spontaneity and unpredictability in the development of nature and human society. It is noted that the informational (intellectual) volume of the universal consciousness is constantly increasing. An increase in the popularity of religions and religious denominations with minimal anthropomorphism and figurative clarity is predicted, as well as the emergence of fundamentally new beliefs that will deify the extremely abstract Universal mind.

Keywords: image, Divine/Universal consciousness, materiality/ideality, essence/phenomenon, algorithmization, living, negentropy

Citation Link: Bulychev, I. I. (2022) *Obrazy Vselenskogo i Bozhestvennogo soznaniya: sravnitel'nyy analiz* [Images of universal and divine consciousness: a comparative analysis], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 30—40.

Проблема существования надчеловеческого — естественного и сверхъестественного — уровней сознания весьма актуальна. Как известно, для религиозной литературы (в частности, христианской, православной) эти вопросы достаточно традиционны, а их решение опирается на тексты Священного Писания и православные догмы. Что касается философии, базирующейся на научной картине мира, проблема вселенской разумности попала в фокус внимания в последние десятилетия. Задача публикации — сравнительный анализ двух мировоззренчески значимых образов сознания.

Божественное сознание. Согласно вероучительным определениям, христианский Бог с его эксклюзивным сознанием абсолютно благ, всеведущ и всемогущ. Бог не есть материальная субстанция и не имеет тела, ибо его природа духовна, идеальна. Отличительные черты сверхъестественного (совершенного) бытия усматриваются в том, что Бог безначален, бесконечен, вечен, постоянен, несотворен, непреложен, неизменяем, прост, несложен, невидим, неосязаем, неопишуем, беспределен, недоступен для ума, необъятен, непостижим, промыслитель обо всем, владыка всего. Так характеризовал Бога преподобный Иоанн Дамаскин [Дамаскин, 1992: 1; 14].

Бог, несмотря на свою идеальность, — творец всех материальных объектов. Универсальное сознание Бога помнит и знает все о созданных им вещах и происходящих в мире процессах, а также предвидит, что может случиться с ними в будущем. Бога с его сознанием невозможно исследовать в каких-либо привычных для человека формах. Так, наука и опирающаяся на нее философия стремятся выявить сущность каждого изучаемого явления. Однако по отношению к Богу с его сознанием аналогичная процедура невозможна. Святитель Василий Великий говорил: «Я знаю, что Бог есть. Но что такое сущность Его — считаю это выше понимания. Поэтому как спасаюсь? Через веру. А вера доволь-

ствуется знанием, что Бог есть... Сознание непостижимости Божьей и есть знание о Его сущности» [Василий Великий, 1911: 283].

Творец мира не просто носитель бесконечного количества божественных атрибутов, большинство которых нам неизвестно, но обладает всеми *лучшими* (аксиальными) качествами. Бог — святой, прекрасный, сильный, справедливый и т. д. [Словарь религий, 2008: 242]. Аксиальная абсолютность ярко высвечивается в известном изречении «Бог есть любовь», которое содержится в Священном Писании. Бог исполнен сочувствия и любви к своим творениям, несмотря подчас на их нелюбовь к нему [Осмысления игумена Антония, 2020: 80]. В Библии термину «любовь» придается широкое значение, именно он выражает идею Божественной любви во всех ее разнообразных проявлениях. Смысл такой любви включает в себя интенции милосердия, сердечного дара [Словарь религий, 2008: 338].

С точки зрения философской картины мира, любовь в единстве со своим контрагентом (нелюбовью, ненавистью) есть не что иное, как бинарная эмоция. Между тем в современных религиозных сюжетах Божественная любовь абсолютна и в силу этого лишена бинарного характера. В этом наглядно проявляется традиционализм религиозной картины мира, для которой опора на язык диалектической логики не обязательна. Религиозная картина мира, в отличие от философской, в большей или меньшей степени пронизана мистикой с ее неопределенным, неточным мышлением и своеобразным языком.

Чувства любви христианского Бога несколько различаются в Ветхом и Новом Завете. Ветхий Завет говорит не только о беспредельной Божественной любви, но и гнев, порожденном человеческим грехом. По словам богословов, любовь Божия приобретает в Ветхом Завете оттенки суда и гнева, которые приходят на человеческое (и бесовское) зло [Худиев, 2018]. Иными словами, любовь Бога отнюдь не исключает эмоций альтернативного плана. Современные отечественные богословы, обращая внимание на эту тенденцию, интерпретируют ее достаточно своеобразно. «В нашем человеческом смысле Бог никого, никогда не прощал, не прощает и не простит, — пишет, в частности, игумен Антоний. — Причина этому достаточно проста. Чтобы простить, надо предварительно обидеться, а Бог, в отличие от человека..., сделать этого никак не может, так же, как не может Он гневаться, мстить и наказывать. Все эти негативные чувства и соответствующие им действия привнесены были в существо человека его отпадением от Бога, а Бог, слава Богу, от Себя никогда не отпадал, да и не отпадет» [Осмысления игумена Антония, 2020: 51]. Фактически современные богословы элиминируют негативные чувствования Бога, оставляя исключительно позитивные. Тем самым отрицаются бинарность, противоречивость эмоций, когда дело касается Бога с его сознанием.

Вселенское сознание. Современный философский дискурс обращает внимание на Вселенское (космическое) сознание, трактуемое, например, в духе С.Н. Грубецкого через категорию логоса [Грубецкой, 1900]. Вселенский разум (Логос), в отличие от Божественного, не всемогущ, а лишь направлен на предотвращение стихийности и непредсказуемости в развитии природы, вызываемых, в том числе, качественными различиями и относительной самостоятельностью элементов и частей материального мира. Логос призван ослабить действие стихийности и обеспечить успешную реализацию объективных природных тенденций.

Полагаю, что наиболее зримо Вселенское сознание проявляет себя в информационном формате. В данной связи отнюдь не случайно растущее признание научным сообществом наличия космического сознания, или поля Вселенной, которое фиксирует и сохраняет любую информацию. Это информационное поле Вселенной надежно хранит весь объем знаний, порожденный за миллиарды лет ее существования. Сформировались новые направления, непосредственно связанные с рассматриваемой здесь проблематикой, например ноокосмология, которая продолжает развивать уникальные идеи великих русских ученых-космистов В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, К. Э. Циолковского и др. Эти идеи пронизывает единая цель: как через понимание мироздания прийти к гармоничному, а значит, и безопасному развитию человечества [Ратников, Рогозин, Фонарев, 2010].

Как, с философской точки зрения, логически корректно определить Вселенское сознание? Представляется, что это феномен *алгоритмической информационности*. В своем сознании вселенные осознают меру информационности (в частности, фиксируют уровень достигнутых в данный момент знаний). Вселенные функционируют на основе двоичного кода (0–1). Восемь элементов составляют байт. Это самый общий и простой код. Однако могут использоваться и более сложные коды. Вселенная взаимодействует с людьми (другими живыми существами) как с элементами живого компьютера. Способность к алгоритмизации — отличительная черта именно Вселенского сознания. Постоянный рост мощи этой способности (в количественном и особенно в качественном плане) в ходе его эволюции обеспечивает возрастание силы космической разумности. Понятно, что данная способность (и ее усиление) не может быть реализована сама по себе без использования каких бы то ни было материальных форм и механизмов. Вселенная и такое ее ответвление, как общество, постоянно усиливают инструментальную технико-технологическую силу совокупного космического интеллекта. Интеллектуальный (знаниевый, когнитивный) объем Вселенского сознания не остается неизменным, он постоянно увеличивается [Булычев, Победоносцев, 2022: 274, 275, 278].

Вселенная, с точки зрения новых философских и научных представлений, разумна, но ее разум вовсе не эквивалентен Господу Богу с его эксклюзивным сознанием. Сознание Вселенной благодаря постоянной переработке информации контролирует космические процессы, обеспечивая их направленность в сторону развития, и, напротив, не допускает глобального перевеса деструктивных явлений. Космический разум не всемогущ, главное для него — предотвратить чрезмерную стихийность и непредсказуемость в развитии природы и человеческого общества. Вселенское сознание — относительно автономный фактор реальности, развитие которого исходит из собственных внутренних нужд и запросов, в большей или меньшей мере совпадающих или не совпадающих с логикой развития материального мира. Вселенский разум, образно говоря, есть нечто вроде саморегулирующегося био/нейрокомпьютера. При этом Вселенское сознание суть живое образование, это вовсе не механический разум, напоминающий гигантский искусственный интеллект.

Вселенское сознание существует как единственная в своем роде сущность, имеющая вместе с тем множество проявлений. Наиболее значимо в рассматриваемой связи формирование человеческого сознания, которое прошло целый ряд этапов в своем развитии. Ныне все шире распространяется убеждение, что

наличие разумности у человека невозможно объяснить без признания всеобщей разумности мироздания, которая предполагает единые структуры, организующие реальность на различных уровнях ее функционирования [Калинин, 2015: 19, 20].

Сегодня исследователи разных направлений стремятся к формированию такой дорожной карты, которая позволила бы соединить воедино принципы функционирования сознания самых различных уровней — от космического до человеческого. Так, группа ученых работает над созданием своеобразной модели под названием «теория интегрированной информации», которая в перспективе позволит измерить («взвесить») сознание. «Человеческое сознание может быть похоже на машину, качество работы которой обеспечивается приобретенным опытом. Если это так, то сознание можно измерить и даже найти в неживой природе», — полагает философ Сьюзан Шнайдер (Университет Центрального Коннектикута). Иными словами, теория интегрированной информации применима не только к людям, но и к машинам, субатомным частицам и даже самой Вселенной. «Неживое может быть наделено сознанием, потому что оно [сознание] может представлять собой нечто совсем иное, опирающееся на математический язык. Если мы докажем данную теорию, то это может стать началом научной революции», — продолжает математик Йоханнес Кляйнер (Мюнхенский центр математической философии) [Математики работают над теорией, 2020]. Предельное расширение лакуны сознания вызывает необходимость философского постижения его наиболее глубокой природы и сущности. Последняя не может быть сведена ни к одному из рассмотренных выше уровней. Автор придерживается концепции Вселенского сознания как *алгоритмизированной информационности*. Понятие информационности отражает природу данной космической разумности, а понятие алгоритмизированности — ее сущность. Вселенское сознание, в отличие от Божественного сознания, не идеально по своей наиболее глубокой сущности.

Вселенский разум суть единая и вместе с тем структурно организованная целостность. Важной его функцией выступает сознание живых организмов, принадлежащих к высшим формам движения — биологической и общественной. Космическое сознание обретает здесь черты явления, выходящего за рамки собственной (основной) сущности. Речь идет о том, что на уровне этих форм сознание, оставаясь по своей природе фактором информационным, в то же время преодолевает границы, диктуемые жесткими алгоритмами. Подобная ситуация во многом детерминирована тем, что люди наделены эмоциями, интуицией, стратегическим предвидением, контролем и управлением. Эти отличительные особенности приводят к тому, что трансформации подвергается сама родовая сущность Вселенского сознания — его алгоритмизированность. Из основной она превращается в неосновную, т. е. в одно из свойств разумности. Тогда как основной сущностью человеческого и отчасти биотического (животного) сознания становится идеальность, которая отличает именно данный срез реальности и не может быть сведена к алгоритмам. Что, однако, понимается под идеальностью? Данное понятие означает нематериальный характер исследуемого явления. Иначе говоря, под идеальным следует понимать нематериальную информационность [Бульчѐв, Победоносцев, 2022: 280].

Вселенское сознание спаяно с материей неразрывными узами, и отделить его от вещественного субстрата можно лишь теоретически. На фундаменталь-

ном уровне космическая разумность лишена идеальных и субъективных (индивидуальных) проявлений и не является по отношению к материи чем-то вторичным. Вселенское сознание отвечает на вызовы сугубо объективно, не индивидуализированным образом, не психически. В отличие от человеческого сознания, Вселенский разум лишен механизма эмоций. Действительность осмысливается им путем использования предельно формализованных и дезаксиальных методов. Алгоритмы, как говорилось ранее, составляют наиболее глубокую сущность космического сознания. Это исходные, или первичные, алгоритмы имеют статус констант самого бытия. Они объективны, т. е. существуют вне сознания людей (субъектов). Алгоритмы человеческого мышления есть алгоритмы соответствия. Они вторичны, идеальны и обладают сложным характером в силу того, что им присуще переплетение объективных констант с субъективным содержанием.

Идеальность человеческого сознания также подчиняется глубинным константам вселенского мироздания, вселенской разумности. Так, алгоритмизированная сущность последней в достаточной мере присутствует и в общественном (человеческом) сознании, где в большей или меньшей мере наличествуют формализованные языки (знаки и значения). Особенно сказанное касается новых искусственных алгоритмов, формирующихся как результат прогресса компьютерных и прикладных информационных технологий, которые со временем делают процесс эволюции Вселенского сознания все более динамичным. Таков результат обратного воздействия вторичных алгоритмов на первичные.

Сближение двух образов сознания. Ныне мы наблюдаем определенное сближение представлений о Вселенской и Божественной разумности. Уже само признание большой группой ученых и мыслителей возможности существования особого типа сознания, не сводимого и не тождественного человеческому (общественному), стало значимым событием в отечественной духовной культуре.

Общее между Вселенской и Божественной разумностью заключается, прежде всего, в ее (разумности) живом (немеханическом) характере. Но что вообще есть «живое» (живое вещество)? В науке и философии признается, что содержание оппозиции живое/неживое (биологическая и общественная формы движущейся материи, с одной стороны, неорганическая — с другой) отнюдь не самоочевидно и по-прежнему представляет серьезную проблему. Основные знания о живом, в том числе знания фундаментальные, люди получают из биологии. «Живое вещество», как отмечается в справочных изданиях, есть «совокупность живых организмов биосферы, численно выраженная в элементарном химическом составе, массе и энергии. Понятие введено В. И. Вернадским в его учении о биосфере и роли живых организмов в круговороте веществ и энергии в природе» [Новый энциклопедический словарь, 2001: 382]. Как видим, определение живого здесь является описательным, не вскрывающим его сущность. Аналогичные недостатки присущи также монографическим работам и учебным пособиям.

Понятие «живого» не тождественно биологическому существу (человеческому или иному). Подлинный оригинал мы вправе усматривать в живом организме вселенных. Человек, весь животный и растительный мир формировались в ходе диалектического процесса ранее сложившихся структурных уровней бытия. Следовательно, живое невозможно отождествить лишь с высшими формами движущейся материи. Остальной (абиотический) мир также имеет определенные

черты живого. Отсюда необходимость поиска более общего мировоззренческого образа живого.

Живое в самом общем философском плане, вероятно, означает способность вселенных в какой-либо форме различать интенции развития и деструктивных изменений, прогресса и регресса. Причем это различие предваряет этап осуществления акций позитивной направленности и преодоления негативных процессов. Сказанное выше не означает, что буквально все во вселенных тождественно живому. Дело обстоит гораздо сложнее. Множество отдельных фрагментов вселенных не следует относить к живым образованиям: ряд звезд, планет, астероидов, метеоритов и т. д. Не относятся к числу живых умершие люди, животные, растения и т. д. Тем не менее все эти и многие другие фрагменты реальности включены в единый *живой организм Вселенной*. Практически описанная ситуация означает, что абсолютно неживого не существует. Реальные фрагменты неживого включены в общий круговорот живого. В силу этого неживое имеет статус относительного, преходящего. Впрочем, не следует абсолютизировать и статус живого. В некоторых предельных ситуациях оно может подвергнуться тотальному уничтожению. Каковы сущность и признаки живого на вселенском уровне? *Сущность живого, видимо, заключается в его негэнтропийном (антиэнтропийном) характере*. Именно живое вещество не дает возобладать энтропии в общих эволюционных процессах, следовательно, исключает возможность тепловой смерти нашей Вселенной. Что касается религиозной картины мира, в ней часто используется выражение «живой Бог». В таком качестве он обладает сознанием и особым языком, разумом и волей, характером и эмоциональностью. Согласно Библии, «...Он любит, говорит, мыслит, слышит, Он милостивый, милосердный, благий, прощающий и добрый».

Как Божественное, так и Вселенское сознание хранят в своей памяти все, что произошло в прошлом, способны прогнозировать (предвидеть) и в определенной мере контролировать ход природной и общественной эволюции. При этом ни Вселенная, ни Бог не детерминируют однозначно судьбы общества и человека. В данной связи теологи задают следующий вопрос: если Бог заранее предвидел грехопадение Адама, не означает ли это, что Адам невиновен, ибо получается, что все произошло по воле Творца? Преподобный Иоанн Дамаскин, отвечая на этот вопрос, акцентирует внимание на различии между «предведением» и «предопределением»: «Бог все знает, но не все предопределяет. Ибо Он заранее знает то, что в нашей власти, но не предопределяет этого. Ибо Он не желает, чтобы происходило зло, но не принуждает насильно к добру». Рок за спиной Адама не стоял, согрешить или не согрешить зависело только от его свободной воли. Когда мы грешим, Бог заранее знает об этом, но Божье предведение ничуть не освобождает нас от ответственности за грех [Дамаскин, 1992: 2; 30].

Традиционно различают гносеологические и социальные корни религии. Первые редуцируют к трудностям познания мира человеком. Социальные корни связывают со страхом людей перед смертью, небытием, разрушительными природными и общественными катаклизмами и т. п. Однако помимо этих вполне реальных причин есть еще одна не менее весомая. Речь идет о рационально-иррациональных человеческих ощущениях наличия в мире направляемого порядка, гармоничного устройства космоса, возможностях определенной помощи людям со стороны высших сил. «Религиозные догмы, — полагал Н. Тесла, —

больше уже не принимаются в их ортодоксальном значении, но каждый человек привязан каким-то образом к вере в высшую силу» (цит. по: [Арсенов, 2019: 205]).

Конечно же, говоря о наличии значимых совпадений в содержании современных представлений о Вселенском и Божественном сознании, невозможно пройти мимо серьезных и принципиальных различий между двумя образами разумности. Так, Бог с его сознанием обладает совершенством, которое отличает постоянство, непреложность и неизменяемость, ведь «у Него нет изменения и тени перемены», он всегда верен самому себе. В своем существе, действиях, свойствах Бог всегда пребывает один и тот же. Иначе со Вселенной и ее сознанием, интеллектуальный (знаниевый, когнитивный) объем которого не остается неизменным и постоянно возрастает.

Продолжая разговор о наличии некоторых общих тенденций в развитии философских и богословских представлений, следует обратить внимание на еще один аспект этой проблемы. Речь идет о *критериях* значимости, полезности деятельности той или иной персоны не с точки зрения человеческого общества, а с позиций Вселенского и Божественного сознания. Что касается Вселенского сознания, оно осуществляет своеобразный рейтинговый подсчет позитивности/негативности вклада отдельного человека и даже целого сообщества в развитие космической целостности, роста ее гармонии и совершенства. Если же деструктивные процессы деятельности отдельной личности или целого сообщества превышают строго определенную величину, эти субъекты могут быть частично или полностью отключены от поля жизни. В чем-то сходные взгляды можно встретить у группы современных богословов. Вот что говорит игумен Антоний: «...евангельское устройство не всегда совпадает с альтруистическим...» и даже «...активная деятельность ради блага ближнего не является абсолютным критерием богоугодности!» [Осмысления игумена Антония, 2020: 127].

Основная линия исторического развития от мифа к религии заключалась в уменьшении фактора антропоморфности, непосредственной наглядной образности мировоззренческих сюжетов. Если боги в мифах часто ведут себя подобно земным людям, то в религиях боги обитают уже в сверхъестественном, необычном мире. Тем не менее своеобразные рудименты антропоморфизма в большей или меньшей степени все же наличествуют в религиозных доктринах. Весьма велики они в христианстве, где одной из трех ипостасей Бога выступает Личность — Иисус Христос, Богочеловек. Подобная антропоморфность, образная наглядность со временем начинает создавать данной мировой религии все более серьезные проблемы. Так религиозный феминизм заявляет, что христианство и другие религии патриархатны и скроены по мужским архетипам, поэтому необходимы радикальные изменения содержания верований именно с точки зрения половой принадлежности ключевых фигурантов религии.

На границе второго и третьего десятилетий нашего столетия начались безумные споры о расовой принадлежности Иисуса Христа. Так, в США набирает силу системный черный расизм. Апофеозом его считают нападки на «белого Христа». Характерными стали такие заявления: «Если Иисус белый, то и Бог белый. Значит, и власть белая» [Шигарева, Буравчикова, Иванов, Цепляев, 2020: 9]. Изображение Иисуса как белого человека европейской внешности обратило на себя внимание и заставило взглянуть на эту тему по-новому в ходе споров о наследии расизма. В тот момент, когда протестующие призывали к удалению

статуй конфедератов в США, активист Шон Кинг (Shaun King) пошел еще дальше, предложив, чтобы и фрески, а также другие образцы искусства, изображающие «белого Иисуса», тоже были разрушены. Его опасения насчет неправомерности такого изображения Христа и использования подобных арт-объектов для утверждения «белого превосходства» — это не отдельные или случайные «перегибы на местах». Ряд ведущих ученых и архиепископ Кентерберийский призвали к пересмотру традиции изображать Иисуса белым человеком [Swartwood, 2020].

Как видим, маргинальные идеи становятся материальной силой. С учетом вышеизложенного можно ожидать уже в ближайшие десятилетия, во-первых, усиления популярности религий и религиозных конфессий с минимальной антропоморфностью и образной наглядностью и, во-вторых, возникновения принципиально новых верований, которые станут обожествлять предельно абстрактный Вселенский разум. Иначе говоря, впереди нас ждет еще большее приближение образа Божественного сознания к складывающимся образам Вселенского сознания.

В связи со сказанным выше несколько иначе видится история иконоборчества, смысл которой заключался в стремлении запретить фигуративное изображение Бога. Адепты запрета как бы предчувствовали, что подобные изображения могут иметь неоднозначные последствия. Полагают также, что раннее христианство не знало почитания изображений Христа. Лишь позднее, основываясь на авторитете Иоанна Дамаскина, культ изображения святых прочно утвердился. Позиции иконоборцев близки по этому вопросу мусульманским воззрениям и, вероятно, сформировались по аналогии и под некоторым влиянием теологии ислама [Словарь религий, 2008: 294—296]. Обращает далее на себя внимание стремление богословов «отрезать» негативные эмоциональные проявления Божественного сознания, оставив сугубо позитивные. Развитие образа Божественного сознания в подобном ключе — объективная тенденция.

Заключение. Современная эпоха неизбежно порождает новые вызовы, требующие адекватных ответов. В данной статье обращено внимание на некоторые значимые инновации, появившиеся в понимании и истолковании сложившихся образов Божественного и Вселенского сознания. Что касается космической разумности, новые тренды ее понимания требуют идентификации с существующей сегодня научной картиной мира. Она (идентификация) свидетельствует о невозможности отождествления важнейших констант вселенской разумности с привычными канонами, сложившимися как результат комплексных исследований человеческого (общественного) сознания. Последнее по своей сущности идеально, тогда как в сущности Вселенского сознания не содержится ни грана идеальности.

Подобные образы Вселенского и Божественного сознания, с одной стороны, достаточно альтернативны, с другой — уже сам факт признания со стороны большой группы ученых наличия в мире надчеловеческого уровня сознания, которое во многом направляет развитие природы и общества, говорит о серьезном сближении двух ранее полностью несовместимых образов сознания. В свою очередь, мы видим стремление ограничить эмоциональность Божественного сознания исключительно феноменом любви, оставив за его (сознания) рамками всякие негативные субъективные импульсы.

Библиографический список / References

- Арсенов О. О. Никола Тесла. М.: Эксмо, 2019. 224 с.
(Arsenov O. O. *Nikola Tesla*, Moscow, 2019, 224 p. — In Russ.)
- Булычев И. И., Победоносцев С. Н. Космический стандарт человека. Саратов: Амирит, 2022. 477 с.
(Bulychev I. I., Pobedonostsev S. N. *Cosmic human standard*, Saratov, 2022, 477 p. — In Russ.)
- Василий Великий. Письмо 226 // Василий Великий. Творения в 3-х томах. СПб.: П. П. Сойкин, 1911. Т. 3. 128 с.
(Basil the Great. Letter 226 // Basil the Great. *Creations in 3 volumes*, St. Petersburg, 1911, vol. 3, 128 p. — In Russ.)
- Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение православной веры. Ростов-н/Д: Братство Святого Алексия, Изд-во «Приазовский край», 1992. 465 с.
(John of Damascus St. *Exact presentation of the Orthodox faith*, Rostov on Don, 1992, 465 p. — In Russ.)
- Калинин П. Е. Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 264 с.
(Kalinin P. E. *Ontology of integral consciousness: spatio-temporal organization of global consciousness and language reality*, Ivanovo, 2015, 264 p. — In Russ.)
- Математики работают над теорией, которая может доказать, что у Вселенной есть сознание. URL: <https://thespaceway.info/space/4505-matematiki-rabotajut-nad-teoriej-kotoraja-mozhet-dokazat-cto-u-vselennoj-est-soznanie.html> (дата обращения: 26.05.2022)].
- Новый энциклопедический словарь / под ред. А. П. Горкина. М.: Большая российская энциклопедия; РИПОЛ Классик, 2001. 1456 с.
(Gorkin A. P. (ed.) *New encyclopedic dictionary*. Moscow, 2001, 1456 p. — In Russ.)
- Осмысления игумена Антония // Антониев ковчег: Альманах: книга четвертая [Приношения самоизоляции] / под общ. ред. монахини Софронии (Алексеевой). Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2020. С. 11—131.
(Reflections of Abbot Anthony // nun Sophronia (ed.) *Anthony's Ark: Almanac: book four [Offerings of Self-Isolation]*, Ivanovo, 2020, pp. 11—131. — In Russ.)
- Ратников Б. К., Rogozin Г. Г., Фонарёв Д. Н. За гранью познанного. Антология. М.: Академия управления, 2010. 210 с.
(Ratnikov B. K., Rogozin G. G., Fonarev D. N. *Beyond the known. Anthology*, Moscow, 2010, 210 p. — In Russ.)
- Словарь религий. Иудаизм. Христианство. Ислам / под ред. В. Зюбера, Ж. Потена. СПб: Питер, 2008. 656 с.
(Zuber W., Potena J. (eds) *Dictionary of religions. Judaism. Christianity. Islam*, St. Petersburg, 2008, 656 p. — In Russ.)
- Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. Т. I. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1900. 465 с.
(Trubetskoy S. N. *The doctrine of the Logos in its history*. Vol. I. Moscow, 1900. 465 p. — In Russ.)

Худиев С. Миф: Ветхий и Новый Заветы предлагают совсем разные образы Бога // Православный журнал «Фома». 2018. URL: <https://foma.ru/mif-vethiy-novyyiy-zavetyi-predlagayut-sovsem-raznyie-obrazyi-boga.html> (дата обращения: 12.01.2022).

Шигарева Ю., Буравчикова Д., Иванов Г., Цепляев В. Не валяй дурака, Америка. Победит ли в США «расизм наоборот»? // АИФ. 2020. № 32.

(Shigareva Y., Buravchikova D., Ivanov G., Tseplyaev V. Don't play the fool, America. Will "racism in reverse" win in the US? *Arguments and Facts*, 2020, no. 32. — In Russ.)

Swartwood H. A. The long history of how Jesus came to resemble a white European, *The Conversation*, July 17, 2020. <https://theconversation.com/the-long-history-of-how-jesus-came-to-resemble-a-white-european-142130>

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Булычев Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Тамбов, Россия, igor-algoritm@mail.ru

Bulychev Igor Pyich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Tambov, Russian Federation, igor-algoritm@mail.ru

Научная статья
УДК 159.922
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.41-46

Г. М. Суворова

КОГНИТИВНЫЕ ВОПРОСЫ СОЗНАНИЯ: ЦЕННОСТИ ЭТОСА И ЭСТЕЗИСА

Аннотация. Статья посвящена аксиологическому измерению когнитивистики и философии сознания. Показана взаимосвязь философии языка и философии сознания через призму семиотических исследований. Предложен эскиз категориальной карты «Когнитивные вопросы сознания: ценности этоса и эстетизиса» в единстве понятий: сознание, этос, эстетизис, когнитивные ценности, взаимосвязи. Представлен компаративный анализ базовых терминов категорий карты, установлена внутренняя связь скрывающихся за ними феноменов. Сделан вывод о том, что сознание в повседневных проявлениях есть «факт», порождающий фундаментальные вопросы о природе ценности этоса и эстетизиса. Автор подчеркивает, что когнитивные ценности — рациональность, истинность, полезность — в этосе и эстетизисе различны, что обусловлено тремя основными факторами: социокультурными условиями осуществления познавательной деятельности, философской рефлексией содержания этих ценностей и преимущественным типом объектов познавательной деятельности.

Ключевые слова: сознание, ценности, этос, эстетизис, рациональность, истинность, полезность, условия, традиции, аксиология, контроль сознания

Ссылка для цитирования: Суворова Г. М. Когнитивные вопросы сознания: ценности этоса и эстетизиса // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 41—46.

Original article

G. M. Suvorova

COGNITIVE QUESTIONS OF CONSCIOUSNESS: VALUES OF ETHOS AND AESTHESIS

Abstract. The article is devoted to the axiological dimension of cognitive science and philosophy of mind. The relationship between the philosophy of language and the philosophy of consciousness is shown through the prism of semiotic research. A sketch of the categorical map “Cognitive issues of consciousness: the values of ethos and aesthesis” is proposed in the unity of the concepts of consciousness, ethos, aesthesis, cognitive values, relationships. A comparative analysis of the basic terms of the categories of the map is presented, an internal connection of the phenomena behind them is established. It is concluded that consciousness in everyday manifestations is a “fact” that gives rise to fundamental questions about the nature of the value of ethos and aesthesis. The author emphasizes that cognitive values — rationality, truth, usefulness — are different in ethos and aesthesis, which is due to three main factors: sociocultural conditions for the implementation of cognitive activity, philosophical reflection on the content of these values, and the predominant type of objects of cognitive activity.

© Суворова Г. М., 2022

Keywords: consciousness, values, ethos, aesthesis, rationality, truth, usefulness, conditions, traditions, axiology, mind control

Citation Link: Suvorova, G. M. (2022) Kognitivnyye voprosy soznaniya: tsennosti etosa i estezisa [Cognitive questions of consciousness: the values of ethos and esthesis], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 41—46.

Изучение... распределения сознания показывает, что оно именно таково, какое мы могли бы ожидать у органа, добавленного для управления нервной системой, ставшей слишком сложной, чтобы регулировать себя автономно.
Уильям Джеймс (James), 1890

«Язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой ничто не может произойти в нашей жизни. Ни на секунду мы не можем остановить спонтанный поток сознания, но также не можем мы остановить, прервать движение языка в нашем сознании. Равным образом не можем мы остановить совершающийся вне нас, вместе с нами, помимо нас поток языковой коммуникации в обществе. Более того, чем ближе мы к информационному обществу, тем значительней воздействия на нас языковых текстов, специально созданных, чтобы повлиять на наше сознание и заставить нас совершать (или не совершать) те или иные действия в пользу сил о происхождении и тенденциях развития которых мы подчас ничего не знаем» [Портнов, 1998: 3]. Так обосновал значимость исследования уровней организации семиотических механизмов сознания и их взаимосвязи со структурой сознания и личности профессор А. Н. Портнов.

Семиотика — сложная структура, которая диктует правила своей организации единицам, построенным на ее базе, объясняет переход от структурности языка к структурности литературных текстов. Она развивалась, изучая вторичные моделирующие системы. Триада «сознание — мышление — язык» в философии сознания играет особую методологическую роль: осуществляет свое космическое развертывание основной ноосферный закон «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество» [Дмитревская, Портнов, Смирнов, 2001: 7, 10, 57]. Сознание запускает антропологические энергетические потоки информации. При этом важно отметить, что, «придавая большое значение мотивационному уровню, то есть, в конечном счете, системе ценностей и норм сознания личности, мы отдаем себе полный отчет в том, что выявление именно этого компонента ... представляет собой гораздо более сложную задачу...» [Портнов, 2006: 159].

Сознание, в свою очередь, предстает как способность идеального воспроизведения действительности, а также специфические механизмы и формы такого воспроизведения на разных его уровнях. Оно как свойство высокоорганизованной материи является психическим отражением действительности осознанного бытия, свойственного общественно развитому человеку. Сознание носит субъективный образ объективного мира, проявляется в индивидуальной и общественной формах. Сознание при наличии соответствующей социальной нормы, укорененной в реальности в рамках «языковой игры», есть природное явление, реально существует [Стожко, 2021]. Также сознание определяется как совокупность событий, о которых можно сообщить с достаточной, допускающей

проверку точностью и заявить, что они сознаются при оптимальных условиях отчетности. Здесь определяющую роль играют когнитивные теории, объектом которых является полная система обработки информации человеком, а не ее частные подсистемы, такие как кратковременная память, язык или зрение [Вирго, 2015].

Цель нашего исследования — составление категориальной карты «Когнитивные вопросы сознания: ценности этоса и эстетизиса». Основу карты составляют понятия: сознание, этос, эстетизис, когнитивные ценности, взаимосвязи.

По Аристотелю *этос* есть способ изображения характера человека через стиль его речи и через целенаправленность как основной признак человеческой деятельности. Понятие «этос» помогает соотносить класс индивидуальных качеств с привычными формами общественного поведения. Термин «этос» в античной философии обозначал привычки, нравы, характеры, темпераменты, обычаи. Предметную область этоса составлял особый срез человеческой реальности (определенный класс индивидуальных качеств, соотношенных с определенными привычными формами общественного поведения). Этос противопоставлялся природе человека, которая полагалась неподвластной ему, неизменной. Сегодня под «этосом» часто понимают стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентацию ее культуры, принятую в ней иерархию ценностей; и в этом смысле этос выходит за пределы морали. Этос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной жизни, свидетельствуя о неистребимой человеческой потребности в признании нравственного порядка в мире, даже если он плохо согласуется с житейским опытом людей.

В современной риторике этос — аффективное состояние получателя информации, возникающее в результате воздействия на него какого-либо сообщения [Новейший философский словарь, 1999: 857]. Выделяют три разновидности этоса: ядерный этос, используемый при возвышении некоторых ценностей эстетизиса; автономный этос, связанный с психологическими и социологическими факторами; контекстуальный этос, связанный с текстом в виде пространства, в котором необходимо изучить взаимозависимости, соответствия, связи.

Эстетизис — исследовательский конструкт, как раз и призванный фиксировать это слепое пятно в сознании, не выявляемое посредством логических процедур и дефиниций. Э. Гуссерль называл эстетизис «имманентным восприятием», образующим нераздельное целое, как деятельность, предметом которой выступают чувственные данные. П. В. Соболев рассматривал эстетизис как «психический комплекс обеспечивающий восприятие, познание и оценивание действительности» [Соболев, 1997]. Эстетизис — это способность к чувственному восприятию, ощущениям и сам процесс чувственного восприятия: визуального, тактильного, слухового, вкусового. «Эстетизис» есть миропонимание, но и как форма свободного смыслотворчества эмпирических, теоретических и технологических знаний. Эстетизис — это проявление смысла формы в чувственном переживании, приобщенное к эстетическому миропониманию. В. Дильтей призывал поставить человека «во всем многообразии его сил, как желающее, чувствующее, представляющее существо — в основу объяснения познания», в пользу философии жизни как она есть. Эстетизис как сфера пересечения онтологии и гносеологии и как механизм ощущения неизбежно связан с телом, делающим, тем не менее, возможным наше восприятие и мышление. В эстетизисе,

связанным с чувственным восприятием, мир не распадается на «внешнюю форму и внутреннее содержание». Сама форма становится прозрачным носителем внутреннего содержания. Это чувственное восприятие в формах и звуках, непосредственно схватывающее «невидимое» и «неслышимое» содержание. Эстетизм становится интегральной структурой миропонимания, импульса творчества, волевых усилий. Развитие эстетизма, по М. Бахтину, есть воспитание «положительно-приемлющего» отношения к миру (см.: [Щедрина, 2002]).

Когнитивные ценности есть представления о целях и результатах познавательной деятельности, требованиях (стандартах), которым должны удовлетворять продукты этой деятельности (эмпирические, теоретические и технологические знания). К числу общих когнитивных ценностей относятся рациональность, истинность, доказательность, полезность. Содержание этих ценностей формируется объективно в ходе конкретной практики познания частично стихийно, но во многом благодаря сознательной рефлексивной деятельности выдающихся ученых и философов. Исторический опыт развития научного познания выявил, что содержание когнитивных ценностей изменчиво и обусловлено тремя основными факторами: социокультурными условиями, философской рефлексией содержания этих ценностей, преобладающим типом объектов познавательной деятельности [Ценностно-смысловое самоопределение личности, 2019].

Когнитивные ценности конкретизированы в виде идеалов и норм научного исследования. Анализом всего многообразия когнитивных ценностей, природы, факторов изменчивости, инвариантности, системного характера занимаются гносеология, аксиология, философия науки. Понимание идеалов, норм, содержания весьма изменчиво и разнообразно как в аспекте исторической науки бытия, так и в естествознании, в математических, технических науках.

В личности сплетаются в потоке сознания сознательное и бессознательное содержание. Находящиеся во внимании образы этоса и эстетизма соотнесены с принципиальной темой: человек этический и человек эстетический сменяют друг друга в зависимости от изначально представляемой парадигмы описания. Взаимодействие между ними имеет значение при решении вопроса ценности этоса и эстетизма. Сознательное содержание используется для получения доступа к новым источникам информации, тогда как бессознательные контексты имеют дело с рутинными элементами. Произвольный контроль действия можно рассматривать как особый вид решения вопроса ценности этоса и эстетизма.

Развитие личности, включающее потребности, интерес, цель, поведение, с подросткового возраста не ограниченное уровнем и возможностями сознания, может иметь тесную связь с бессознательной сферой, что представляет огромный интерес для исследования этоса и эстетизма. В зависимости от уровня научного мировоззрения в личности формируется гармония рационального и эмоционального (этоса и эстетизма) как неотделимая форма. Содержание бессознательного в развитии личности может проявлять себя опосредованно, выступая как «базисный процесс». Взаимодействие сознания и бессознательного понимается через единство сознания и бессознательного [Адыкулов, 2020]. Образовательное пространство школы и творчества ориентировано на постижение смысла как ценности на формирование личностного образа мира. В пространственной среде есть контроль над окружающей обстановкой и общением, структурирование окружения, в котором обществом допуск к информации контролируется. Понять сущность контроля сознания невозможно без основного

представления о процессах влияния: модификация поведения, групповой конформизм и подчиненность авторитету. В социальной психологии основные элементы контроля сознания — это контроль поведения, мыслей, эмоций, поступающей информации. Контроль сознания иногда предстает в виде процесса создания и навязывания новой идентичности, а также ее «закрепления». Негативная сторона контроля заключается в подавлении самостоятельности и индивидуальности.

Таким образом, сознание в повседневных проявлениях есть «факт», порождающий фундаментальные вопросы о природе ценности этоса и эстезиса. Сознание направлено на познание, проявляется в избирательности восприятия, в абстрагирующей деятельности мысли, в актах воображения, связанного с созданием новых идей и идеалов, в управлении практической деятельностью. Когнитивные ценности — рациональность, истинность, полезность — в этосе и эстезисе различны, что обусловлено тремя основными факторами: социокультурными условиями осуществления познавательной деятельности, философской рефлексией содержания этих ценностей и преимущественным типом объектов познавательной деятельности. При исследовании осознания ценности этоса и эстезиса для успешной реализации в жизни установлено, что индивидуальность обуславливает это в меньшей степени, а в основном — подчинение требованиям коллектива, традиции общества.

Библиографический список / References

- Адыкулов А. А. Бессознательное в развитии личности подростков как педагогический ресурс в контексте эконсихологического подхода // Эконсихологические исследования—6: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. № 6. С. 94—98. DOI: 10.24411/9999-044A-2020-00019.
- (Adykulov A. A. The unconscious in the development of the personality of adolescents as a pedagogical resource in the context of an ecopsychological approach, *Ecopsychological Research – 6: Ecology of Childhood and Psychology of Sustainable Development*, 2020, no. 6, pp. 94—98. DOI: 10.24411/9999-044A-2020-00019. — In Russ.)
- Вирго Р. Э. Современные теории сознания // Молодой ученый. 2015. № 16 (96). С. 494—497
- (Virgo R. E. Modern theories of consciousness, *Young scientist*, 2015, no. 16 (96), pp. 494—497. — In Russ.)
- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 2. 149 с.
- (Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov D. G. Noospheric Dynamics of Russia: Philosophical and Culturological Problems, *Noospheric Studies*, 2002, iss. 2, 149 p. — In Russ.)
- Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. Минск: Книжный Дом, 1999. 896 с.
- (Gritsanov A. A. (ed.) The latest philosophical dictionary, Minsk, 1999, 896 p. — In Russ.)
- Портнов А. Н. Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: методологический анализ основных направлений исследования: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Иваново, 1998. 58 с.

(Portnov A. N. Interrelation of language and consciousness in philosophy of the XIX-XX centuries: methodological analysis of the main research directions: Abstract. diss. ... doc. philosopher of sciences. Ivanovo, 1998, 58 p. — In Russ.)

Портнов А. Н. Языковое сознание и языковая личность Мартина Хайдеггера (опыт реконструкции) // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2006. № 1. С. 157—172.

(Portnov A. N. Linguistic Consciousness and Linguistic Personality of Martin Heidegger (Experience of Reconstruction), *Bulletin of the Faculty of Humanities of IGHTU*, 2006, no. 1, pp. 157—172. — In Russ.)

Соболев П. В. Программа курса «Основы эстетики» // Эстетика, культура, образование. СПб: Изд-во РХГИ, 1997. С. 273—274.

(Sobolev P. V. The program of the course "Fundamentals of Aesthetics", in *Aesthetics, Culture, Education*. St. Petersburg, 1997, pp. 273—274. — In Russ.)

Стожко Д. К. Культура самоуправления личности: философские аспекты исследования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2021. Вып. 3 (35). DOI: 10.25688/2078-9238.2020.35.3.09.

(Stozhko D. K. Culture of self-management of personality: philosophical aspects of research. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical sciences*, 2021, iss. 3 (35). — In Russ.)

Ценностно-смысловое самоопределение личности в системе жизненных отношений: сборник научных статей по итогам проведения международного круглого стола. Белгород, 19 апреля 2019 года. Белгород: Эпицентр, 2019. 108 с.

(Value-semantic self-determination of the individual in the system of life relations: a collection of scientific articles based on the results of the international round table, Belgorod, April 19, 2019, Belgorod, 2019, 108 p. — In Russ.)

Щедрина Г. К. Эстетизис художественной культуры // Культурологические исследования: направления, школы, проблемы / отв. ред. Л. М. Мосолова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. С. 323—330.

(Shchedrina G. K. Aesthesis of artistic culture, in Mosolov L. M. (ed.) *Culturological research: directions, schools, problems*, Saint Petersburg, 1998, pp. 323—330. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Галина Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, председатель совета Ярославского отделения Всероссийской общественной и культурно-просветительской экологической организации, педагог, Санаторно-лесная школа имени В. И. Шарова, Ярославль, Российская Федерация, suvorova@76.ru

Suvorova Galina Mikhailovna — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Chairman of the Council of the Yaroslavl Branch of the All-Russian Public, Cultural and Educational Ecological Organization, teacher, Sanatorium-forest school named after V. I. Sharov, Yaroslavl, Russian Federation, suvorova@76.ru

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.47-54

Е. В. Шелкопляс

О СОЦИАЛЬНОСТИ И МНОГОМЕРНОЙ СИСТЕМНОСТИ СОЗНАНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ОПТИМУМА РАЗВИТИЯ

Аннотация. В фокусе внимания автора — загадки философии языка и философии разума, осмысливаемые через призму идей М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Ж. Дерриды и других философов XX века. Заявлено, что сложность анализа структуры сознания и речи объясняется узостью подходов в исследовании этих сложных системных объектов. В этом контексте подвергнуты анализу масштабные синтетические подходы новейшей истории — тектология, теории биосферы, ноосферы, пневмосферы, интросферы и гуманосферы. Поставлены и отвечены экзистенциальные вопросы философии сознания нового столетия. Показано, что авторская теория оптимума развития дает возможность принципиально нового, более глубокого и точного описания сознания и речи, высоко достоверной интерпретации информации, заключенной в устной и письменной речи с помощью «нового психологизма XXI столетия». Сделан вывод о том, что будущее социальных наук связано с возрастанием роли синтетических учений, в том числе холистической психологии и метафизики.

Ключевые слова: системный подход, теория оптимума развития, философия и психология сознания и речи, способы и перспективы научного анализа речи

Ссылка для цитирования: Шелкопляс Е. В. О социальности и многомерной системности сознания с позиций теории оптимума развития // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 47—54.

Original article

E. V. Shelkopyas

ON SOCIALITY AND MULTIDIMENSIONAL SYSTEMIC OF CONSCIOUSNESS FROM THE STANDPOINT OF THE OF OPTIMUM DEVELOPMENT THEORY

Abstract. The author focuses on the mysteries of the philosophy of language and the philosophy of mind, comprehended through the prism of the ideas of M. Heidegger, L. Wittgenstein, J. Derrida and other philosophers of the twentieth century. It is stated that the complexity of the analysis of the structure of consciousness and speech is explained by the narrowness of approaches to the study of these complex systemic objects. In this context, large-scale synthetic approaches of recent history are analyzed — tectology, theories of the biosphere,

© Шелкопляс Е. В., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 47—54 •

noosphere, pneumatosphere, introsphere and humanosphere. The existential questions of the philosophy of consciousness of the new century are posed and answered. It is shown that the author's theory of the optimum development makes it possible to fundamentally new, deeper and more accurate description of consciousness and speech, highly reliable interpretation of information contained in oral and written speech with the help of "new psychology of the 21st century". It is concluded that the future of the social sciences is associated with the growing role of synthetic teachings, including holistic psychology and metaphysics.

Keywords: system approach, theory of optimal development, philosophy and psychology of consciousness and speech, methods and prospects of scientific analysis of speech

Citation Link: Shelkopyas, E. V. (2022) O sotsial'nosti i mnogomernoy sistemnosti soznaniya s pozitsiy teorii optimuma razvitiya [On sociality and multidimensional systemic nature of consciousness from the standpoint of the theory of optimum development], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 47—54.

Нет сомнений в том, что каждому образованному человеку приходилось задумываться о сложности организации процессов сознания и неоднозначности информации, которой обмениваются люди. Эта проблема существует как в повседневности, так и в научной деятельности; она актуальна и для представителей точных наук, и для филологов, и для представителей философской среды. Размышляя об этом, не случайно вспоминаются строки стихотворения Ф. И. Тютчева: «Silentium!» (Молчи): «...Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь, взрывая, возмутишь ключи, питайся ими — и молчи...». Восемьдесят лет спустя О. Мандельштам под тем же названием написал такие слова: «Да обретут мои уста первоначальную немоту, как кристаллическую ноту, что от рождения чиста!»

Может ли в принципе глубокий внутренний мир чувств и мыслей, сомнений, надежд, мечтаний, страхов, отчаянья, блистательных озарений человека быть переведен на обыденный или специальный, научный язык без издержек и искажений? Сторонников утверждения такой возможности немного... В чем же причина искажения смыслов слов и неопределенности передаваемых в социуме информационных знаков? Ведь правильное понимание другого человека, самого себя, сложного текста, иной информации — задача и непростая, и важнейшая... Разве влюбленные не переспрашивают друг друга о смысле обращенных к ним слов, или действия, совершенного любимым человеком (поступки несут важную информацию о смыслах поведения человека)? Разве политики не повторяют без конца журналистам и обществу, что их «неверно поняли»? Разве не существует такая наука, как герменевтика? И разве только древние тексты нуждаются в толковании? Ярким примером сложности и необходимости углубленного толкования являются философские тексты М. Хайдеггера. Толкование только одного его выражения «Dasein» породило огромное количество книг [Кучинский, 2001].

А труды Л. Витгенштейна, которого считают одним из величайших философов современности, посвященные философии языка и философии разума? В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн обсуждает многочисленные проблемы и загадки в области семантики, логики, философии математики, философии психологии, философии действия и философии сознания, высказывая

мнение, что в основе большинства философских проблем лежат концептуальные путаницы, связанные с использованием языка. В его «Философских исследованиях» язык понимается как подвижная система контекстов, «языковых игр». Информация, зафиксированная в знаке не статична, и смысл ему придает языковая игра — практическая ситуация, в которой знак употреблялся [Витгенштейн, 1958, 1994]. Даже от достаточно образованных людей (не философов) о текстах Л. Витгенштейна нередко можно услышать суждения такого рода: «это загадка, не имеющая ни решения, ни смысла»... Однако на деле, философом был предложен как основная идея динамичный и сложный образ системы языка, но не было дано четкого системного описания этого явления.

Междисциплинарная теория оптимума развития, как и следует развитой концепции, предлагает ряд конкретных ответов на многие вопросы в области структуры сознания и интерпретации речи, представляющих принципиально новый подход в понимании феноменов сознания и языка. В этой концепции сознание (совместное, социально приобретенное знание) является верхним уровнем психики человека в иерархии этапов обработки информации, поступающей из внешней и внутренней среды. Истоки сознания находятся на уровне первой сигнальной системы, отражающей состояние среды:

- восприятие информации анализаторами;
- включение памяти (как источника норм и значений событий);
- эмоциональная — быстрая и мало осознаваемая оценка информации о происходящих событиях, его роли в удовлетворении потребностей человека;
- включение волевого фактора, означающего действия, направленные на усвоение полезного ресурса или обезвреживание действия негативного фактора (удаления от него).

На следующем, корковом, уровне обработки информации (отражение отражения) все сигналы получают социальную оценку, т. е. формируются вторичные сигналы более высокого уровня анализа, которые далее интегрируются. Это:

- социальное восприятие;
- социальная память и нормы;
- мышление, основанное на принципах языка, культуры и влияния референтных групп (социальные сигналы и нормы), осознание целостной картины бытия, принятие решения;
- итоговые волевые действия.

Высший анализ сигналов среды может быть понят при использовании принципов многоуровневого системного подхода, теории оптимума развития [Шелкопляс, 2018а].

Важной, но мало учитываемой особенностью обыденного сознания является его естественная неполная четкость. Она напоминает восприятие зрением наблюдателя объекта удаленного или находящегося за запылившимся стеклом. Следует учитывать то, что трансляция обработанной информации во внутреннюю речь начинается с «несимволизированного мышления». Более подробно думать о каком-либо объекте, в том числе словами (сложными знаками, символами), выстраивая логику происходящего, позволяющую дать событию углубленную оценку и принять «обдуманное» решение, мы начинаем лишь на

следующем этапе — например, при проявлении интереса к происходящему, оценке его значимости, или при сформированном намерении действовать.

Обыденное сознание не фиксирует всей сложности многоуровневого процесса формирования и выражения его в виде устной или письменной речи. Это системное явление, которое в науке описывается многими уровнями обработки информации, от восприятия ее особыми детекторами (анализаторами), через электрические и химические сигналы в нейронных синапсах, сетевые механизмы динамических функциональных систем мозга, отдаваясь все более и более от первичных сигналов материального и психологического, социального воздействия, сигналы трансформируются в сложные чувства, эмоции и мысли (особенно невысказанные, недоступные восприятию наблюдателя), которые представляют собой особый вид информации, уже мало похожей на материальный «феномен», но весьма близкой к тому, что именуется «ноуменом»... Так восходит «в высь» простейшее информационное явление — «сигнал». На следующем уровне психики человека появляется сложный сигнал — «знак». Высшими информационными явлениями человеческого бытия становятся «образ» и «идея». С их помощью человек решает сложные социальные и научные задачи, стремится воспринимать сигналы, посылаемые ему Мирозданием.

Значение слов и речи человека сегодня не может быть оценено набором алгоритмов, используемых искусственным интеллектом. Ведь опытный психолог, просто мудрый человек оценивают услышанные слова с учетом интонации, мимики и пантомимики говорящего, подтекста и контекста речи, идиом языка, аллюзий, омофонов, общей ситуации, культурных аспектов используемых понятий (например, этимологическое различие слов «по-беда» в русском языке и «виктория» — в английском). В письменной речи филолог учтет и расшифрует найденные им омонимы, омографы и омоформы, двусмысленности, неологизмы (как, например, в «Розе мира» Д. Андреева), метафоры, парадоксы, анахронизмы, смысловые акценты, ритм текста, намеки, ошибки, подсознательные оговорки, расширительные толкования, активный или пассивный залог глаголов и т. д.

Известное определение человека античной натурфилософией как «микрокосма», Вселенной в миниатюре, не утратило своей актуальности и сегодня. Вероятно, в истории своего существования, в познании Мира человек становится все сложнее. Сегодня ему приходится жить в либерально-эгоистическом обществе «постправды», умышленного искажения и сокрытия истинной информации, информационных манипуляций. Профессиональный, в том числе идеологический, обман, прежде всего, строится на обращении к эгоистическим свойствам человека и его простейшим, коротким материальным интересам и влечениям. Но и в благоприятной обстановке, когда у окружающих нет умысла исказить информацию, речь и сознание человека должны восприниматься как шифр, который во времени имеет тенденцию к постоянному усложнению. Расшифровка сложных информационных конструкций, в том числе социальных, является не только профессиональной, но и этической задачей современной науки.

В познании сути языка в свое время немало было сделано структурной лингвистикой (Ф. де Соссюр и др.), где язык понимается как знаковая система, в которой можно выделить его структурные элементы, где он изучается с точки зрения формального строения и организации в целом, а также с позиции формального строения образующих его компонентов как в плане выражения, так и в

плане содержания. Но это учение относительно скоро истощило свою практическую продуктивность.

Ж. Деррида часто использовал термин «дессиминация»; в соответствии с принципом различения он описывал язык скорее не как богатый урожай смыслов, но как их бесконечную растрату и порчу, когда смысл появляется повсюду и почти мгновенно рассеивается, как то, что лишь «представляется», а не «есть на самом деле» [Деррида, 1999].

Будут ли со временем разгаданы тайны сознания и языка? В исследовании этой проблемы существуют не только пессимистические, но и оптимистические взгляды. В XV веке Н. Кузанский, одновременно и кардинал, и крупный ученый, напомнил обществу античную и древнекитайскую идею пантеизма, т. е. единства Бога и его проявления в природе. Он подчеркивал познавательную мощь человека («человек есть его ум»), уподобляя творческие способности божественным...

Новейшая история науки подарила человечеству такие масштабные синтетические подходы, как всеобщая организационная наука (тектология) А. А. Богданова и ноосферология В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. Они отстаивают оптимистическую позицию в отношении развития познания. Но никакое, в том числе великое, учение не может претендовать на конечность его подхода в познании. Так, В. И. Вернадскому его друг, священник и ученый П. А. Флоренский в своих письмах предлагал расширить понятие «ноосферы» до уровня духовности, до «пневмосферы». Известный психолог начала XX века Н. Н. Ланге предлагал ввести понятие «психосферы». Теория оптимума развития говорит о внутренней сфере душевной жизни человека — «интросфере» и объединяющей все перечисленные выше — «гуманосфере».

Полное истолкование процессов мышления человека и его речи сегодня невозможны. Эта междисциплинарная проблема требует дальнейшей проработки, в том числе психологической и философской. Многие физики утверждают, что материальный мир представляет собой сложнейшее сочетание различных волновых процессов. Поэты и метафизики склонны называть бытие «мировой зыбью» (В. П. Океанский). Отталкиваясь от смысла этой метафоры, можно ли сказать, где находится «главная», сущностная точка бесконечной волны — при ее зарождении, на вершине, или на спаде? Не слишком сложно зафиксировать амплитуду, частоту волны, ее резонанс с другими волновыми явлениями, но это не отражает всю суть волновых процессов. Теория оптимума развития определяет суть бытия как «скользящую гармонию», бегущую бесконечную волну, движение всего сущего к реализации Замысла, Большого Проекта.

Высшей из известных систем, в бытие которой включен человек, является «Мироздание» — вся совокупность прошлых, актуальных и потенциальных сущностей, творимых «Великим Неизвестным», «Первоначалом», «Единым», «Абсолютом». Пантеистический вариант толкования Б. Спинозой понятия «Абсолют» позволяет использовать его и при религиозном, и при рационально-материалистическом подходе к решению проблемы Первоначала. Хотя на деле одна из масштабных философских идей античности, которая заключалась в утверждении о том, что Бог и Природа тождественны, была выдвинута значительно раньше. В современных представлениях Абсолют может трактоваться как непознанная человеком первопричина Бытия, как законодатель процессов

развития всех его сущностей (систем), как источник существования «Большого проекта развития Мироздания».

«Человек» есть сущность, порождаемая Абсолютом в эволюции Мироздания, обладающая способностью к познанию и законов Бытия, и самого себя. Эта способность говорит о высоком, но еще не постигнутом призвании человека в Мироздании; однако есть основания утверждать, что он, как одно из явлений Мироздания, обладает его общими свойствами. Стремления и цели, мотивы поведения человека могут носить кратко-, средне- и долгосрочный характер [Шелкопляс, 2018а: 8—30]. В течение веков и тысячелетий, до последнего времени, многим людям в своей жизни было свойственно уделять основное внимание близким и материальным задачам, т. е. лишь начальному уровню смыслов жизни, не придавая должного значения социальным и духовным смыслам бытия. Современный глобальный цивилизационный кризис в случае конструктивного его преодоления дает основания надеяться на переход человечества к гармонии в реализации материальных, социальных и духовных смыслов бытия. Автором статьи был сделан личный вклад в описание принципов нового общества — разработан «Проект созидания общества гармоничного развития», основанный на теории оптимума развития [Шелкопляс, 2018b], который занял третье место на Международном конкурсе проектов будущего, организованном Международным общественным движением «Народный институт развития».

С позиции теории оптимума развития будущее социальных наук связано с возрастанием роли синтетических учений, в том числе холистической психологии и метафизики. По-видимому, в близкой перспективе в научное познание будут включены глубокие исследования сферы неосознаваемого, трансовые методы, свойственные прежде всего религиозным и оккультным системам познания. В медицине и психологии трансовые состояния описываются как особые, пограничные состояния психики; филолог же легко заметит единство корня в словах «трансовое» и «трансцендентное».

Сохранит ли свои позиции вера? Будет ли она развиваться? Скорее всего, да. С. Н. Булгаков отмечал, что «религии различны, но религиозность всеобща». Ведь и наука опирается на свой вариант веры — априорные знания и аксиомы. В. С. Соловьев полагал, что возможны и философский универсальный синтез, и философское достижение всеединства. Иную точку зрения имели Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, определяя приоритет религиозного (интуитивно-мистического) познания по отношению к рациональному, несмотря на то что внесли огромный личный вклад в социальную науку.

Хватит ли человеку для счастья только разума? Вряд ли... Ведь не случайно в повседневном языке есть такое понятие, относящееся к категории межличностных отношений близких людей, как «до-верие»; да и «вера» другому человеку тоже бывает; она не требует полного знания, но обычно создает гораздо более высокий уровень «у-вере-нности». В философии известна позиция, утверждающая, что все, что трансцендентно, умонепознаваемо, но умопостижимо. В глубоком познании просто нет иного выхода, кроме того, как решиться перейти от логического и всегда ограниченного «рассуждения» к высшему познанию — интуитивно-рассудочному «постижению».

Гермесу Трисмегисту приписывают слова, описывающие принцип, позже названный фрактальным: «Что вверху, то и в низу...». Язык людей и язык Вселенной едины. Люди уже научились мыслить и говорить? Если судить о

массовом сознании и повседневной речи, скорее можно утверждать, что люди уже начали задумываться, осознавать себя и немного говорить. Человечество, по сути, еще пребывает в детском возрасте. Оно не научилось принимать на себя ответственность за будущее, для этого не хватает ни знаний, ни навыков. Все впереди!

Теория оптимума развития предлагает при анализе речи и мышления человека, осознании его истинных мотивов поведения проводить последовательный анализ следующих, доступных осознанию исследователя, качеств человека — его конституционально-адаптационный тип, тип его референтной группы (примитивный или гармоничный), ролевой статус в группе, принадлежность к определенному социальному слою, избранная идеология, культурная принадлежность, метафизическая ориентация, степень самореализации. Такой подход отражает суть «нового психологизма» нашего времени и дает принципиально новые возможности, отсутствовавшие в ранее существовавших концепциях.

В заключение, просвещенный собеседник, позвольте напомнить цитату из блистательного фильма «Покровские ворота»: «Высокие, высокие отношения!». Так друзья героини, переводчицы Маргариты Павловны, комментируют ее странный *menage-a-Troies* (отношения, когда партнеров трое) — попытку жить одновременно со старым и новым мужем. Тот, кто не видел этого фильма, не воспринял существующее и переданное зрителю большое, сложное и динамичное облако знаков отношений, чувств и мыслей героев, в котором они действуют, смысла этих коротких слов не поймет.

Библиографический список / References

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахуги; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса М.: Наука, 1958 (2009). 133 с.
(Wittgenstein L. *Logico-philosophical treatise*, Moscow, 1958 (2009), 133 p. — In Russ.)
- Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
(Wittgenstein L. *Philosophical works*, Moscow, 1994, vol. I, 612 p. — In Russ.)
- Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. с фр. С. Г. Калининой и Н. В. Сулова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
(Derrida J. *Voice and phenomenon and other works on Husserl's sign theory*, St. Petersburg, 1999, 208 p. — In Russ.)
- Кучинский Г. М. Развитие феноменологического метода и Dasein-анализ // Dasein-анализ в философии и психологии / под ред. Г. М. Кучинского, А. А. Михайлова. Мн.: Европейский гуманитарный университет, 2001. С. 94—169.
(Kuchinsky G. M. Development of the phenomenological method and Dasein analysis, in Kuchinsky G. M., Mikhailov A. A. (eds) *Dasein-analysis in philosophy and psychology*, Minsk, 2001, pp. 94—169. — In Russ.)
- Шелкопляс Е. В. Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: в 2 кн. Иваново, 2018. Кн. 1: Общие принципы теории оптимума развития. 188 с.
Shelkoplyas E. V. *Introduction to the theory of optimum development: principles, analysis of social processes, image of the future: in 2 vols*. Ivanovo, 2018a, vol. 1: *Общие принципы теории оптимума развития*, 188 p. — In Russ.)

Шелкопляс Е. В. Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: в 2 кн. Иваново, 2018. Кн. 2: Образ будущего в культурно-исторической динамике: духовный, социальный, нравственный и личностный аспекты. 652 с.

(Shelkoplyas E. V. *Introduction to the theory of optimum development: principles, analysis of social processes, image of the future*: in 2 vols, Ivanovo, 2018b, vol. 2: *The image of the future in cultural and historical dynamics: spiritual, social, moral and personal aspects*, 652 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Шелкопляс Евгений Валентинович — кандидат медицинских наук, директор Института развития, изучения здоровья и адаптации человека, г. Иваново, Россия, evs-optimum@mail.ru

Shelkoplyas Evgeniy Valentinovich — Candidate of Science (Medicine), Director of the Institute for Development, Study of Human Health and Adaptation, Ivanovo, Russian Federation, evs-optimum@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Научная статья
УДК 1:316
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.55-66

С. Р. Когаловский

МИМЕСИС И СИМВОЛ

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи — проблема мимесиса как феномена современной гуманитаристики. Предложен категориальный анализ термина «мимесис» через обращение к понятию «символ». Дана дефиниция, в которой мимесис понимается не только как копирование Образца, как его воспроизведение в вещной или деятельностной форме, но и как следование несомому и приоткрываемому им Сокровенному. Раскрыта эвристичность системы развивающего обучения Эльконина — Давыдова, в основе которой лежит идея ведущей роли теоретического, или разумного, мышления. Особое внимание уделено математике как области культуры, для которой характерны богатство и «долгожительность» релевантных символов. Показано, как фундаментальное математическое понятие несет метасмысл/метаидею, выступая как его/ее метаобраз, как оно рождает мимесис, становится Образцом, который воспроизводится в математической деятельности как ее идеальное орудие. Проанализированы механизмы, которые делают объект (образ, идею) символом по Флоренскому. Сделан вывод, что продуктивное образование — это мимесис, использующий символизацию и венчающийся рождением творческих продуктов учащихся, несущих их преобразования как субъектов учебного процесса; мимесис, венчающийся рождением символов.

Ключевые слова: мимесис, символ, меон и эйдос, аполлоническое и дионисийское, творческий продукт, метасмысл, механизм символизации

Ссылка для цитирования: Когаловский С. Р. Мимесис и символ // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 55—66.

Original article

S. R. Kogalovsky

MIMESIS AND SYMBOL

Abstract. The author of the article focuses on the problem of mimesis as a phenomenon of modern humanities. A categorical analysis of the term "mimesis" is proposed through an appeal to the concept of "symbol". A definition is given in which mimesis is understood not only as copying a Sample, as its reproduction in a material or activity form, but also as following the Secret that is carried and revealed by it. The heuristics of Elkonin — Davydov's developmental education system, which is based on the idea of the leading role of theoretical, or reasonable, thinking, is revealed. Particular attention is paid to mathematics as a field of culture, which is characterized by the richness and "longevity" of relevant symbols. It is shown how a fundamental mathematical concept carries a meta-sense/meta-idea, acting as his/her

© Когаловский С. Р., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 55—66 •

meta-image, how it gives rise to mimesis, becomes a Model that is reproduced in mathematical activity as its ideal tool. The mechanisms that make an object (image, idea) a symbol according to Florensky are analyzed. It is concluded that productive education is a mimesis that uses symbolization and crowns with the birth of students' creative products, carrying their transformations as subjects of the educational process; mimesis culminating in the birth of symbols.

Keywords: Mimesis, symbol, meon and eidos, Apollonian and Dionysian, creative product, metasense, symbolization mechanism

Citation Link: Kogalovsky, S. R. (2022) Mimesis i simvol [Mimesis and symbol], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 55—66.

Введение. С античных времен термин «мимесис» использовался большей частью в исследованиях, посвященных вопросам эстетики¹ Сегодня проблематика мимесиса является предметом исследований и антропологии, и психологии, и социологии, и политологии, и культурологии, и, конечно, педагогики. И это естественно: мимесис пронизывает жизнедеятельность человека, жизнедеятельность социума, нуждающиеся в воспроизводстве самых разных форм деятельности, в воспроизводстве науки, в воспроизводстве культуры.

Искусство, наука, культура в целом, социумы развиваются, изменяются формы деятельности, изменяются и формы их воспроизводства. Развитию присуще следование принципу преемственности. А значит, развивающийся мимесис пронизывает жизнедеятельность человека, жизнедеятельность социума как жизнедеятельность развивающуюся.

Что в сегодняшних исследованиях, посвященных вопросам эстетики, скрывается за феноменом, обозначаемым термином «мимесис»? Ведь воспроизведение, копирование — это не только средство и форма освоения и воплощения знаний, умений, навыков, не только средство воспроизводства средств жизнедеятельности социума. Это и форма, и средство воплощения того Сокровенного, идеи, образа, прообраза, того Необходимого, которое рождается в глубинах духа высокого Мастера в крестных муках поиска, рождения и освоения необходимых для этого форм и средств. Это его многократные развивающиеся воспроизведения, несущие преобразование самого Мастера, ведомого всепобеждающей энергией совершенного воплощения этого Сокровенного. Это средство и форма воплощения того Сокровенного, того Необходимого, которое рождается в глубинах духа Учителя, в муках поиска, рождения и освоения средств превращения знаний, к которым он приобщает учащихся, в живые проблемы и живое знание, а самих учащихся в успешно развивающихся *учащихся-ся*. Воспроизведение — это и средство осуществления иного, чем воспроизводимое.

Термин «мимесис» уже в Античности понимался не просто как воспроизведение, как копирование чего-либо, а как *следование Образцу*. Но последнее естественно и важно понимать не только как копирование Образца, как его воспроизведение в вещной или деятельностной форме, но и как *следование несомому и приоткрываемому им Сокровенному*.

¹ В работе [Смирнов, 2020] описывается исторический генезис понятия мимесиса.

Что же в творчестве художника, ученого, учителя, в личностном творчестве играет роль *такого* Образца, рождающего энергию его воплощения? Каково то Слово, которое выражает его природу?

«Человек живет ... не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта... <Человек> настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника... Мы должны, следовательно, определить как *animal symbolicum*» [Кассирер, 1998: 32])². *Символ* — вот искомое слово. Подтверждением этому служат многочисленные исследования³, не в последнюю очередь исследования А. Ф. Лосева и С. С. Аверинцева. Это подтверждается и тем, что сущностным ядром художественного образа является художественный символ, который, как и сам процесс символизации, возводит «реципиента на более высокие уровни духовного бытия, возвышение его над эмпирической действительностью» [Бычков, 2012: 86].

Символ и творческий продукт. «Знак», «репрезентация», «ориентировка», «метаориентировка», «ценность», «метаценность», «внутренняя необходимость», «смысл», «метасмысл» — это только часть терминов, указывающих на то, что явно или неявно входит в понимание термина «символ». Каков же глубинный смысл того, что выражается этим термином?

Спектр значений термина «символ» довольно широк. Так дело обстоит со всяким термином, имеющим исторический возраст и представляющим общенаучное понятие. Тем более так дело обстоит со всяким общекультурным термином. Над всяким таким термином с необходимостью нарастает широкий спектр его значений. Не должна ли являться и сама множественность значений такого термина важным предметом изучения? И как следует понимать выявление существенной общности всего того, что им выражается, — как «экстрагирование» его содержания из наличествующих представлений о том, что такое символ, или как продукт творческой деятельности, как продукт смыслового скачка, открывающий новые перспективы? За подобными вопросами стоят, должны стоять общие вопросы эпистемологического и когнитивистского уровней.

Многопоколенный опыт использования термина «символ», включенность в его значение богатства предметного содержания, «нарастание» на нем метапредметного начала в форме концептуальных образов — все это делает едва ли возможным адекватное рациональное выражение его «корневого» значения, его глубинного смысла. К какому бы продуктивному поня-

² Ср.: «Символ... есть известный образ, долженствующий указывать на более широкое и общее содержание. Всякое слово есть символ, указывающий на предмет или понятие... Всякий предмет... может рассматриваться как символ, указывающий на идею или общее содержание, отражающееся в предмете. Понятно посему, какое громадное значение во всех сферах духовной деятельности имеют символы и процессы... символизации» [Философский словарь..., 1904: 235]. Сознвая высокую ценность, фундаментальную значимость «Философии символических форм» Э. Кассирера, все же заметим, что это сказано за 20 лет до ее опубликования.

³ Замечу, что апеллирование к таким исследованиям является и формой проявления мимесиса, и подтверждением процитированных слов Кассирера.

тию символа мы ни пришли, за его пределами останется продолжающий развиваться представляемый термином «символ» богатый орудийный потенциал, пребывающий в форме «коллективного бессознательного» научно-общественного сообщества и ждущий вызревания средств его осознания и продуктивного рационального выражения. Все это в полной мере относится и к термину «мимесис». Это относится и к смыслам символов: «В какой мере можно раскрыть ... смысл (образа или символа)? Только при помощи другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно» [Бахтин, 1975: 210], [Бычков, 2012: 87]. «Смысл символа... не дан, а задан» [Аверинцев, 2001: 157]).

Понятие символа, схватывающее существенную общность всего того, что выражается термином «символ», должно соотносываться с тем, что символ несет метасмысл/метаидею, выступая как его/ее метаобраз, с тем, что рождаемый им метаконтекст несет в себе широкую и притом разноприродную поликонтекстность, а тем самым полисмысловое начало и с ним смыслопорождающее начало⁴. Оно должно соотносываться с тем, что символ рождает творческое понимание, которое «предполагает наряду с извлечением, означением и трансляцией смысла порождение и оформление нового смысла» [Зинченко, 2002: 281], с тем, что «всякая интерпретация символа сама остается символом, но несколько рационализированным, то есть несколько приближенным к понятию» [Бахтин, 1975: 211]), с тем, что «определение его смысла во всей глубине и сложности его сущности подразумевает “прибавление” путем творческого созидания» [там же].

Таким является понятие символа по П. А. Флоренскому как Образца, несущего Сокровенное: символ — это «нечто являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и однако существенно чрез него объявляющееся» [Флоренский, 1990: 287]⁵. Раскрывая эту прекрасную формулу, Флоренский пишет: «Символ есть такая сущность, энергия которой, ...сорастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет... в себе эту последнюю» [там же]. Всюду далее термин «символ» будем использовать в таком понимании.

Все творчество А. Ф. Лосева пронизывается идеей символа. Здесь мы ограничимся ссылкой только на одну его работу [Лосев, 1991], раскрывающую механизм символизации и тем обогащающую и понятие символа по Флоренскому. Рафаэлевская «Сикстинская Мадонна» является неувядающим символом. 32-я соната является далеко не единственным произведением Бетховена, являющимся символом, но одним из самых ярких его образцов. «Хованщина» Мусоргского предстает как символ становления России, происходящего как рождающая трагизм борьба правд. «Рассвет на Москве-реке» выступает и как символ, являемый «Хованщиной», и как символ самой «Хованщины».

⁴ Заметим, что уже восхождение на надпредметный уровень пробуждает работу механизмов трансцендирования, существенно участвующих в процессах формирования символов.

⁵ Символ по К. Юнгу — это «возможность какого-то более широкого, более высокого смысла за пределами нашей сиюминутной способности восприятия и намек на такой смысл» [Юнг, 1991: 275]. За каждым из этих определений, принадлежащих выдающимся мыслителям, скрываются глубокие и отнюдь не близкие основания.

В ряду литературоведческих исследований особое место занимают те, в которых обосновывается необходимость обогащения концептуального арсенала литературоведения и осуществляется такое обогащение, несущее и возможность далеко идущего обогащения строящихся метамоделей исследуемых произведений. К таким работам относится монография [Раков, 2010], в которой, по оценке известных филологов, возводится внушительная по убедительности методологическая база исследований поэтики и культуры и осуществляется теоретический анализ стилей произведений начала XX века, характеризующихся открытой формой. *Такие произведения* «конструируются в модусе преодоления собственных пределов, за счет чего максимально "усиливается резонирующая способность текста", позволяющая... читателям услышать и пережить дремлющие в нем обертоны культуры» [там же: 51]. Цитируемое в полной мере относится и к самой этой монографии, погружаясь в которую, невозможно не услышать звучащие в ней обертоны культуры. Тем самым она является не просто замечательной работой, обогащающей методологию литературоведческих исследований, но и символом воплощаемой в ней методологии.

Монография [Лобок, 1997] являет собой пример иного рода. Насколько неубедительными на первый взгляд предстают в этой книге те или иные детали, настолько же восприятие ее как целого показывает, что эти детали являются лишь средствами описания *модели* культурогенеза, его внутренней логики. Эта книга выступает как символ представления метамоделей культурогенеза и его металогии.

Одним из ярчайших примеров символа в науке, ставшим примером символа в гносеологии, является идея относительности, рожденная теорией относительности Эйнштейна. Таким примером является и идея дополнительности, рожденная принципом дополнительности Нильса Бора. К таким примерам относится идея системности, лежащая в основе системного подхода. Рожденный как антипод картезианского подхода, как преобразующее начало гносеологии этот подход нес энергию умаления роли картезианского подхода и утверждения своей роли как логически первого. К таким примерам, конечно же, относится диалектическая логика. Рожденная как антипод «мертвых костей» формальной логики, как преобразующее начало гносеологии, она несет энергию умаления роли формальной логики и утверждения своей роли как логически первого.

Система развивающего обучения Эльконина — Давыдова, в основе которой лежит идея ведущей роли теоретического, или разумного, мышления, явилась символом преобразования системы обучения школьников. Рожденная как антипод веками формировавшегося, укоренявшегося и развивавшегося традиционного подхода к обучению, в основе которого лежит (якобы) идея ведущей роли эмпирического, или рассудочного, мышления, выступая как преобразующее начало в обучении младших школьников, она несет энергию умаления возможностей и роли этого подхода как обреченного на уход в прошлое и утверждения своей роли как логически первого.

Концепции, исторически выступающие последними, становятся логически первыми. Однако отношение к принципиально новым достижениям науки, к достижениям культуры у «передовых» и «консервативных» ее деятелей противоположное. Это относится в особенности к концепциям, несущим пересмотр тех или иных планов гносеологического уровня. Если такая концепция для

первых становится символом, рождающим у них энергию его утверждения как должествующего стать логически первым, энергию его широкой реализации и развития, то для вторых старое, укорененное, ставшее логически первым и отвергаемое в этом качестве первыми, становится символом, несущим энергию его сохранения и развития, энергию сохранения его статуса как логически первого. Развитие нового и старого, происходящее в их взаимной соотнесенности, венчается их синтезом, несущим и выявление слабостей нового, и дотоле не осознававшихся продуктивных качеств старого. Более того, нередко оно приводит к осознанию того, что старое, его сущностное начало, не является антиподом нового, а нередко является, должно являться его необходимым компонентом или аспектом. Нередко и новое проявляет себя как необходимый компонент или аспект преобразованного старого. Ведь «то, что является первым в порядке сознания, будет последним в рефлексивном анализе, потому что субъект осознает результаты умственных построений до того, как они постигаются внутренними механизмами. Подумайте, например, о запоздалом введении Кантором операции приведения элементов во взаимно однозначное соответствие, которая является одной из главных операций у ребенка и дикаря» [Пиаже, 1960: 13].

Математика, как и искусство, относится к тем областям культуры, для которых характерны богатство и «долгожительство» рождаемых в них символов. Неумирающим образцом символа в математике является «Псаммит» Архимеда как исторически первый известный пример дерзновенного овладения трансцендентальным началом, его «приручения», «одомашнивания» и превращения в продуктивное орудие математической деятельности.

И в исследовательской, и в учебной математической деятельности фундаментальные математические понятия выступают как символы. Выросшее из идеи, явившейся ее истоком, такое понятие остается связанным «серебряной нитью» с этой идеей и с самим процессом ее развития, увенчавшимся его рождением. Несомые таким понятием широкие орудийные возможности, все более раскрываемые теоретическими исследованиями и практикой его применения, несут энергию далеко идущего его развития. Осознание, даже только еще предчувствование того, что эти возможности не исчерпывают тот орудийный потенциал, который «заложен» в самой исходной идее, несет энергию, направляющую на далеко идущее развитие этого понятия. Вместе с процессом его рождения оно несет в себе «очищенную» логику этого процесса, выступающего как образец процессов, направленных на формирование продуктивных орудий математической деятельности. Оно выступает и как образец орудия математической деятельности, несущего в себе «средства производства» таких орудий. А строгая форма, в какой предстает и используется это понятие, свидетельствует о себе как о носителе надежности и эффективности. Она является и эффективным средством овнешнений глубинных внутренних форм мышления, стоящих за обращенностью к этому понятию. Продуктами таких овнешнений становятся метапонятия (по отношению к нему), являющиеся такими орудиями математической деятельности, которые несут возможности исследования и преобразований этого понятия (и расширения областей его использования) с принципиально более широких системных позиций. Эти новые возможности исследования его «извне» выступают и как возможности более глубокого исследования и преобразований его «изнутри». Фундаментальное математическое понятие несет метасмысл/метаидею, выступая как его/ее

метаобраз. Оно рождает мимесис. Оно становится Образцом, который воспроизводится в математической деятельности как ее идеальное орудие. Став освоенным, оно «обретает» энергию устремления к «овнешнению» более глубоких планов того Сокровенного, того мета-, которое оно несет в себе.

Процесс освоения фундаментального математического понятия — это и процесс превращения его в стимулятор поиска новых продуктивных методов поисково-исследовательской деятельности, в источник и движущую силу развития форм и методов математической деятельности, в символ. Фундаментальное математическое понятие, став символом, способствует рождению более высоких его подобий, которые «узурпируют» и преобразуют его роль логически первого. Выразительные примеры тому дают исторические процессы развития ведущих понятий математического анализа.

Приведенные выше примеры символов являются примерами творческих продуктов в смысле А. Ф. Лосева [Лосев, 1982: 51], характеризующихся «полной несводимостью к каким-нибудь другим продуктам, полной и небывалой... оригинальностью, ... самодовлеющей значимостью», «агенетичностью»⁶. Творческий продукт *становится* символом, несущим в себе энергию устремленности к рождению новых творческих продуктов⁷.

Важно заметить, что термин «творческий продукт», как и термин «символ», выражает не тип объекта самого по себе, а характер отношения к нему коллективного или индивидуального реципиента (и его творца).

Всякое музыкальное, всякое математическое произведение, всякое произведение изобразительного искусства, являющееся творческим продуктом и потому ставшее символом, характеризуется единством его «корневого» начала и новизны, таким, что новизна предстает как заключенная в нем, как его потенция, которая должна была воплотиться, а «корневое» начало не просто просвечивает сквозь новизну, но раскрывается ею. И это не просто амбивалентность, но такая,

⁶ Здесь естественно заметить, что фундаментальное математическое понятие, формируемое в учебной деятельности и осваиваемое вместе с логикой процесса его формирования, рождается посредством смыслового скачка. Оно является агенетичным продуктом этого процесса в том смысле, что несет в себе существенное новое, не отвечающее логике процесса его формирования. И фундаментальные понятия, формируемые в дальнейшем процессами их формирования, осознанно следующими логике этого процесса как образцу, также рождаются как агенетичные в этом смысле продукты таких процессов, и это при всем том, что об их агенетичности учащиеся могут знать априори. Раскрываясь, эти понятия предстают как творческие продукты. Говоря словами А. Ф. Лосева, фундаментальное математическое понятие в процессе его освоения есть энергично становящийся первообраз как тождество субъекта и объекта, т. е. такой первообраз, который сам для себя и субъект, и объект.

⁷ Но как может творческий продукт, то, что характеризуется агенетичностью, «несводимостью к каким-нибудь другим продуктам, ... самодовлеющей значимостью», стать символом, т. е. «являющим собою то, что не есть оно само, большим его, и, однако существенно чрез него объявляющимся»? [Флоренский, 1990: 287]. Как, в частности, фундаментальное математическое понятие, став освоенным, став творческим продуктом, став *самодовлеющей значимостью*, становится символом? Это происходит посредством рождаемой им энергии устремления к метапредметным (по отношению к нему) планам, к более широкой предметности, в рамках которой оно уже не является «несводимой к каким-нибудь другим продуктам, ... самодовлеющей значимостью» [Лосев, 1982: 51], и к иным предметностям.

которая особенно проявляющейся и воздействующей на реципиента энергетикой «корневого» начала, направленной на воплощение новизны, представленной в произведении, и проявляющейся и воздействующей на него энергетикой нового, направляющей на раскрытие сокровенных глубин корневого начала.

«Благодаря единству или синтезу меона и эйдетики только и возможен акт творения» [Раков, 2010: 84]. Только благодаря такому единству рождается символ. И только благодаря присущности символу такого единства он рождает высокий мимесис. Но символ — это не всякое такое единство, не всякий такой синтез. Это не подобие двуликого Януса. Символ является единством, синтезом меона и эйдетики, дионисийского и аполлонического начал как начал «единосущностных». Это эйдос в меональном звучании, являющийся меоном в звучании эйдетическом⁸. Это дионисийское начало в аполлоническом образе, являющееся аполлоническим началом в дионисийской устремленности. И всякое такое единство есть символ. Оно делает его *Образцом*, дарующим энергию следования несомому им Сокровенному.

Мышление — это «процесс непрерывно совершающегося взаимного перевода с языка образов на символически-операторный язык» [Веккер, 1976: 134]. Это процесс, становящийся полилогом многих языков образов и символически-операторных языков. Это процесс развивающихся их взаимных моделирований, их полилогов, их взаимодействий, их взаимных превращений. Уже элементарные формы мышления представляют такие формы единства меона и эйдоса, такие формы единства дионисийского и аполлонического начал, которые рождают символы. И уже поэтому естественно «определить человека как *animal symbolicum*».

Высокая музыка и высокая поэзия, являющие «непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого» (О. Мандельштам), — это творческие продукты, наиболее зримо и энергетично проявляющие механизмы символизации. Они сами символизируют саму идею символа. «Разговор о Данте» Мандельштама — это один из таких высоких символов. Это и символ прорыва в сокровеннейшие глубины творческой деятельности, в глубины процессов «превращений и скрещиваний», рождающих «соподчиненность прорыва и текста», их взаимные представления, их взаимопревращения. Таковы и «Картезианские размышления» М. К. Мамардашвили, в которых автор вместе с его устремлением к постижению «*гения чистой красоты*», сам предстает как гений чистой красоты.

Заключение: символы в образовании. Рассмотрим следующую ситуацию: перед учителем математики стоит цель приобщения учащихся к некоторому эффективному методу решения широкого круга задач. Вместо прямого приобщения к нему посредством изложения его существа и демонстрации его применений учитель предлагает учащимся трудную для них задачу, с которой они не справляются. Но затем с помощью наводящих вопросов им удается найти неожиданно простое, эффективное решение. Тем самым они выявляют тот

⁸ Представляется интересным и важным с образовательной точки зрения (и не только) исследование зависимости характера воздействия символа на реципиента от того, одинакова ли сила воздействия рождаемых символом эйдетического и меонального начал или какое-то из них доминирует, и если да, то какое именно.

«рычаг», ту простую, ту самоочевидную идею, на которой решение основано, и усматривают ее эффективную применимость для решения широкого круга задач. В результате учащиеся не просто усваивают требуемый метод, открываемый ими как творческий продукт для них (и только для них), но осваивают его. Они приходят к пониманию этого метода, т. е. не только к пониманию того, как он применяется, но и к осознанию того, на чем он основывается, а значит, хотя бы к первичному усмотрению естественных границ его применимости. Рассматриваемая задача становится для них *учебной задачей* в смысле В. В. Давыдова [Давыдов, 1977: 157—159]. При этом они эмоционально заряжаются тягой к поиску такого рода продуктивных самоочевидных идей. Прецедент, связанный с решением исходной задачи, становится для учащихся символом. Конечно, путь прямого приобщения к методу намного короче, но и настолько же менее продуктивен.

В описанном примере открываемое учащимися предстает в их глазах как (их) творческий продукт (в смысле Лосева) и становится символом. Учебные задачи в смысле Давыдова вместе с их решениями и должны выступать для учащихся как их творческие продукты.

Не будет большим преувеличением сказать, что в рамках как вузовского, так и школьного обучения математике, и далеко не только математике, понятие символа совпадает с понятием творческого продукта. Рождаясь как творческие продукты учащихся, ведущие математические понятия, образующие его несущий каркас, предстают в аполлонической форме. Раскрывая себя как эффективное орудие поисково-исследовательской деятельности и как «средство производства» таких орудий, ведущее математическое понятие являет свое эйдетическое существо. Представая как продукт творческой деятельности, оно вместе с логикой осуществленного процесса его формирования предстает как продукт трансцендентальной редукции в духе Гуссерля, как развитая форма эйдоса, как эйдос в меональном звучании, являющийся меоном в звучании эйдетическом, как аполлоническое начало в дионисийской устремленности, являющееся дионисийским началом в аполлоническом образе. Все это превращает для учащихся освоенные ими знания в вехи на путях становящихся знаний, в живые знания, рождающие живые проблемы, в живые проблемы, устремляющие к живым знаниям⁹.

Образование является одним из важнейших социально-культурных планов, высокий символический характер которого выражает уже сам термин «образование». Символизация является эффективным орудием метасознания человека. Ущербно образование, не использующее ее и как важное стратегическое средство обучения, и как средство, несущее побудительную энергию далеко идущего личностного развития учащихся, как эффективное средство воспитания. Обучение математике, при котором изучаемые фундаментальные понятия не обретают роли символов, не просто не является природосообразным обучением, не только не формирует образ «потребного будущего» в математических знаниях учащихся, в математическом развитии, но гасит энергию движения к нему¹⁰.

⁹ Все это воплощается в развиваемом автором онтогенетическом подходе к обучению математике. См., например, [Когаловский, 2010; 2018].

¹⁰ См.: [Когаловский, 2020]. В этой заметке представлен начальный подход к рассматриваемым здесь вопросам.

Продуктивное образование — это мимесис, использующий символизацию и венчающийся рождением творческих продуктов учащихся, несущих их преобразования как субъектов учебного процесса. Это мимесис, венчающийся рождением символов.

Я благодарен В. П. Океанскому, обратившему мое внимание на связь содержания заметки [Когаловский, 2019], послужившей истоком настоящей статьи, с проблематикой мимесиса.

Библиографический список / References

- Аверинцев С. С. Символ // Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 155—161.
(Averintsev S. S. Symbol, in Averintsev S. S. *Sofia-Logos. Dictionary*, Kiev, 2001, pp. 155—161. — In Russ.)
- Бахтин М. М. К методологии литературоведения // Контекст-1974. М.: Наука, 1975. С. 203—212.
(Bakhtin M. M. To the methodology of literary criticism, *Context-1974*, Moscow, 1975, pp. 203—212. — In Russ.)
- Бычков В. В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 81—90.
(Bychkov V. V. Symbolization in art as an aesthetic principle, *Questions of Philosophy*, 2012, no. 3, pp. 81—90. — In Russ.)
- Веккер Л. М. Психические процессы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. Том 2. 341 с.
(Vekker L. M. (1976) *Mental processes*, Leningrad, vol. 2, 341 p. — In Russ.)
- Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1997. 544 с.
(Davydov V. V. *Theory of developing education*, Moscow, 1997, 544 p. — In Russ.)
- Зинченко В. П. Психологические основы педагогики (психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова). М.: Гардарики, 2002. 431 с.
Zinchenko V. P. *Psychological foundations of pedagogy (psychological and pedagogical foundations for building a system of developmental education by D. B. Elkonin — V. V. Davydov)*, Moscow, 2002, 431 p. — In Russ.)
- Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
(Cassirer E. *Selected. Experience about a person: an introduction to the philosophy of human culture*, Moscow, 1998, 784 p. — In Russ.)
- Когаловский С. Р. Развивающее обучение математике как преобразующее обучение. Иваново: Изд-во «Иваново», 2010. 208 с.
(Kogalovskiy S. R. *Developing teaching of mathematics as a transformative learning*, Ivanovo, 2010, 208 p. — In Russ.)
- Когаловский С. Р. Онтогенетический подход к обучению школьников математике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 316 с.
(Kogalovskiy S. R. *Ontogenetic approach to teaching mathematics to schoolchildren*, Ivanovo, 2018, 316 p. — In Russ.)

- Когаловский С. Р. Копиизм и квазикопиизм // Научный поиск. 2019. № 4. С. 41—46.
(Kogalovskiy S. R. Copyism and quasi-copyism, *Scientific search*, 2019, no. 4, pp. 41—46. — In Russ.)
- Когаловский С. Р. О движущих силах мимесиса // Научный поиск. 2020. № 1. С. 31—37.
(Kogalovskiy S. R. On the driving forces of mimesis, *Scientific search*, 2020, no. 1, pp. 31—37. — In Russ.)
- Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
(Lobok A. M. *Anthropology of myth*, Yekaterinburg, 1997, 688 p. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Диалектика творческого акта (краткий очерк) // Контекст-1981. М.: Наука, 1982. С. 48—78.
(Losev A. F. Dialectics of the creative act (a brief essay), *Context-1981*, 1982, pp. 48—78. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Логика символа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 247—274.
(Losev A. F. Logic of a symbol, in Losev A. F. *Philosophy. Mythology. Culture*, Moscow, 1991, pp. 247—274. — In Russ.)
- Пиаже Ж. Структуры математические и операторные структуры мышления // Преподавание математики. М.: Учпедгиз, 1960. С. 10—30.
(Piaget J. Structures of Mathematical and Operator Structures of Thinking, *Teaching Mathematics*, Moscow, 1960, pp. 10—30. — In Russ.)
- Раков В. П. Меон и стиль. Иваново-Шуя: Изд-во Шуйского гос. пед. ун-та, 2010. 448 с.
(Rakov V. P. *Meon and style*, Ivanovo; Shuya, 2010, 448 p. — In Russ.)
- Смирнов И. П. Мимесис // Звезда. 2020. № 2. С. 261—277.
(Smirnov I. P. (2020) Mimesis, *Zvezda [Star]*, 2020, no. 2, pp. 261—277. — In Russ.)
- Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Типогр. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1911. 284 с.
(Radlov E. L. (ed.) *Philosophical Dictionary of Logic, Psychology, Ethics, Aesthetics and History of Philosophy*, St. Petersburg, 1911, 284 p. — In Russ.)
- Флоренский П. А. У водоразделов мысли: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 440 с.
(Florensky P. A. (1990) *At the watersheds of thought*, in 2 vols, Moscow, 1990, vol. 2, 440 p. — In Russ.)
- Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. С. 265—285.
(Jung C. G. On the relationship of analytical psychology to poetic and artistic creativity, in Jung C. G. *Archetype and symbol*, Moscow, 1991, pp. 265—285. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Когаловский Сергей Рувимович — кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры математики, информатики и методики обучения, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Иваново, Россия, askogal@yandex.ru

Kogalovsky Sergey Ruvimovich — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Professor of the Department of Mathematics, Informatics and Teaching Methods, Shuya Branch of the Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, askogal@yandex.ru

ДЕБЮТ

Научная статья

УДК 371.66:004.3

DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.67-74

А. Д. Сафонова, М. В. Сидоров

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ КАК АСПЕКТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. Быстрое развитие интернет-технологий порождает рост требований к специалистам-выпускникам, а следовательно, растут и ожидания студентов от получаемого образования в университетах. В период самоизоляции и пандемии мир особенно ощутил необходимость специалистов различных профессий во владении дистанционными технологиями на высоком уровне. Переход высшего образования на интернет-формат также был неизбежен. На данный момент во многих странах как сохранилась дистанционная форма, так и появилась гибридная форма обучения — совмещение очных форматов с электронными. В период полного дистанционного формата весной 2020 года во многих областях образования было отмечено снижение показателей обучения у студентов, а также упала их активность. У других же студентов выросла работоспособность и повысилась успеваемость. В данной статье освещены причины таких колебаний, а также предложены методы по повышению эффективности при дистанционном образовании.

Ключевые слова: дистанционное образование, информационные технологии, компьютеризация, мотивация, постановка цели, цифровой куратор

Ссылка для цитирования: Сафонова А. Д., Сидоров М. В. Дистанционные технологии в высшем образовании как аспект повышения эффективности обучения в университете // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 67—74.

Original article

A. D. Safonova, M. V. Sidorov

DISTANCE TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION AS AN ASPECT OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF EDUCATION AT THE UNIVERSITY

Abstract. The rapid development of Internet technology is generating greater demands on graduate students and, consequently, the expectations of students for university education are also growing. During the period of self-isolation and pandemic, the world especially felt the need for specialists of different professions to master the distance technologies at a high level. The transition of higher education to the Internet format was also inevitable. At present, in many countries both the distance form has been preserved and a hybrid form of education has appeared — a combination of full-time and electronic formats. In the period of full distance

© Сафонова А. Д., Сидоров М. В., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 67—74 •

format in the spring of 2020, in many areas of education there was a decline in students' learning indicators, as well as their activity. Other students' work capacity and academic performance has increased. This article highlights the reasons for these fluctuations, and suggests methods to improve the effectiveness of distance education.

Keywords: distance education, information technology, computerization, motivation, goal setting, digital curator

Citation Link: Safonova, A. D., Sidorov, M. V. (2022) Distantionnyye tekhnologii v vysshem obrazovanii kak aspekt povysheniya effektivnosti obucheniya v universitete [Distance technologies in higher education as an aspect of improving the efficiency of education at the university], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 67—74.

Современное образование претерпевает множество изменений — фактически произошло столкновение дистанционного образования и традиционного [Darginavičienė, Šliogerienė, 2022]. Теперь компьютерные технологии используются не только на профильных предметах, но и на занятиях гуманитарного, юридического и других направлений. Современные реалии бросили вызов всем сферам общества — во время пандемии практически все компании, вузы, встречи и мероприятия перешли в онлайн-формат, к которому никто не был готов. Такая амбивалентная ситуация выявила множество проблем, ключевой среди которых является «антропологическая» [Смирнов, Ветчинин, 2021], но представила большие возможности, эвристичность которых оценивается по-разному [Дайнеко, 2021; Rahmonova, 2021; Скоробач, 2020].

Многие писатели-фантасты прошлых десятилетий предсказывали переход человека из реального пространства в информационное, в онлайн-сферу (инфосферу). Мы имеем уникальную возможность вживую наблюдать процесс такого перехода техносферы в виртуальную сферу информации и знания. В какой-то степени можно утверждать, что история творится у нас на глазах. И мы все являемся частью этой истории, которая может быть названа цефализацией ноосферы [Smirnov G., Smirnov D., 2019].

По словам шведского экономиста, писателя и бизнес-спикера Кьелла Нордстрема, «мир нуждался в этой пандемии». С таким тезисом он выступил 21 октября 2020 года на Международной конференции «Умные решения — умная страна». Эта фраза поразила многих слушателей — ведь весь мир негодовал на всемирную самоизоляцию, а именитый ученый заявляет, что без нее не было бы роста. Нордстрем объясняет свою позицию тем, что развитие давно встало в тупик и переход на дистанционную работу и учебу — первый шаг на новом этапе перехода к цифровому миру [Онлайн-конференция..., 2021]. Основным эффектом ожидался от образования: обучаться можно из любой точки мира и в любое время, что ведет к повышению уровня цифровой грамотности и владения информационными технологиями. Возрастает также возможность обучения людей с ограниченными возможностями здоровья [Сафонова, Жафярова, 2019]. Такой ли эффект получаем мы сейчас от дистанционного обучения в классическом образовании?

Во время перехода на дистанционное обучение произошел упадок успеваемости у многих студентов. Это было связано с тем, что необходимо было резко перестроиться и начать учиться по новой системе. В конечном итоге

большинство студентов резко повысили свой уровень владения компьютером и интернет-технологиями. Другие же испытали некоторые трудности в освоении новых возможностей. С преподавателями велась упорная работа — с возрастом все сложнее осваивать новые технологии и переходить на новые схемы обучения.

Почему тяжело начать учиться и учить в новых условиях? Обучение — это всегда двусторонний процесс: обучая других, ты учишься чему-то новому сам. Процесс обучения — это всегда изменение на ментальном и физическом уровне. Любые изменения наш организм воспринимает как дискомфорт и сопротивляется. Если у мозга есть возможность не думать, он ею воспользуется: теряется концентрация, становится скучно. И чем взрослее человек, тем сложнее ему учиться — с возрастом снижаются наши когнитивные способности. Поэтому заставить себя учиться становится все сложнее. Появляется чувство переизбытка информации, неуверенности и некомпетентности. Важно это принять и работать с этим. В процессе дистанционного обучения в самом начале не стоит пытаться выучить всю представленную информацию сразу. Необходимо начинать с главного и осваивать комфортное количество информации. Нужно стараться не ругать себя за то, что что-то не получается, а также можно возвращаться к пройденным заданиям и повторять темы. Необходимо это правило осознать обеим сторонам учебного процесса и помогать в новых условиях друг другу. Не стоит переступать через себя и заставлять себя учиться, но и преподавателю необходимо вступать в эти условия постепенно. Таким образом, можно начинать учиться в любом возрасте и такой подход не разочарует в дистанционном обучении, а наоборот, поможет более эффективно воспринимать информацию.

Успеха в обучении помогает достичь также рефлексия. Ее стараются использовать на занятиях в очном формате, но часто забывают в дистанционном. Такое обсуждение помогает вовлекать всех в общий диалог, немного расслабиться и снять напряжение. В конце каждого занятия можно отвечать на следующие вопросы:

Какова была цель занятия?

Что я должен научиться делать?

Какие основные понятия важны для этой темы?

Какие новые понятия узнал на занятии?

Где и когда можно применять полученные знания на практике?

Как это занятие связано с предыдущим?

Следующим этапом в обучении в любом виде является обязательное наличие практики. Теоретические знания необходимо подкреплять практикой. В дистанционном обучении ее необходимость становится все выше — отсутствие личных контактов, сокращение возможности реального исследования каких-либо объектов. И в данном случае на первый план выступает область моделирования процессов, которую раньше использовали только в специфических профессиях. Простое выполнение заданий не дает ожидаемого результата освоения программы. Необходимо моделировать все процессы с помощью компьютерных технологий в тех случаях, когда реальный опыт провести невозможно. Значит, возросла потребность в визуализации и детальном представлении тех или иных действий в различных областях деятельности.

Также необходимо помнить про повторение материала и выполнение заданий в срок, что может легко забыться в дистанционном формате. В течение первых суток нужно повторить или закрепить материал, иначе свыше 50 %

будет забыто. Также не стоит откладывать на последний вечер выполнение заданий — не всегда можно рассчитать сложность задания, что приведет к тому, что будет выбран или самый простой способ решения, или взят чужой ответ, что ведет не к эффективному обучению, а к упрощению задач для мозга. Как результат, он расслабляется, не отрабатываются умения и навыки, не закрепляются полученные знания. Практику нужно сделать ежедневной привычкой — минимум 20—30 минут в день стараться уделять решению задач или выполнению практических работ. По итогу такого закрепления теоретических знаний эффективность обучения вырастет даже в дистанционном обучении [Терсков, 2020].

Ни для кого не секрет, что успешность и эффективность обучения в любом формате зависит от правильно поставленной цели. Особенно это актуально во время дистанционного обучения, потому что появляется необходимость безостановочно контролировать и мотивировать себя без помощи преподавателей, одногруппников или кураторов. Как же учиться эффективно в таких условиях? Как не растеряться в такой ситуации, когда большая часть ответственности перекладывается на себя?

Первая ступень, с которой необходимо начинать не только дистанционное, но и любое другое обучение, — это цель. Она выступает в роли фиксации результата, который должен быть достигнут за определенный период времени. Правильно поставленная цель задает критерии для ее идентификации, т. е. дает возможность обоснованно ответить на вопрос, достигнута цель или нет.

Наиболее востребованная методика постановки цели — методика SMART [Завражин, 2015], которая зарекомендовала себя как эффективный инструмент целеполагания. Благодаря этому она стала известна на весь мир. SMART — это акроним, каждая буква которого является первой буквой критерия качества цели:

S — specific — конкретика, точность. Цель должна определять, чего именно необходимо достичь. Например, «начать высыпаться...» против «регулярно спать необходимое количество часов для хорошего самочувствия».

M — measurable — измеримость. Измерить успех для простых целей поможет вопрос «сделано или нет?». Для более сложных целей потребуются метрика, чтобы понять, насколько хорошо справились. Например, «спать 7 часов в сутки».

A — attainable — потенциальная достижимость. Необходимо решить, какие шаги нужно совершить, чтобы достигнуть этой цели? Какие ресурсы придется задействовать? А главное — убедиться, действительно ли есть возможность распоряжаться этими ресурсами? Например, «спать минимум 7 часов в сутки хотя бы 3 дня в неделю».

R — relevant — релевантность вашей жизненной стратегии. Необходимо четко осознавать, зачем достигать этой цели?

T — time-bound — ограниченность по времени. Сколько времени (примерно) понадобится для достижения цели?

В итоге цель может выглядеть следующим образом: «Спать минимум семь часов в сутки три дня в неделю в течение трех месяцев, потому что здоровый сон необходим для продуктивной жизни». Данная цель обладает всеми положениями методики SMART: она конкретна, достижима, измерима, ограничена по времени, релевантна мечте. Такую постановку целей можно использовать для любых действий в повседневной жизни, в том числе в обучении. Она должна быть постоянно «перед глазами» для самомотивации особенно во время дистанционного обучения [Шершевская, 2021].

К сожалению, реальность показывает, что дистанционное обучение сопровождается огромным множеством проблем. Некоторые преподаватели или студенты не обладают достаточной компьютерной грамотностью. Использование, к примеру, «компьютерных досок» является для них чем-то сложным и непонятным, сродни исследованию космоса.

Также известны случаи, когда на занятия могли попасть посторонние люди с попытками сорвать занятие. А организатор, не обладая при этом достаточным количеством опыта обращения с компьютером, не мог даже исключить нарушителя из онлайн-конференции или настроить конференцию так, чтобы исключить возможность для посторонних лиц подключаться к ней.

Все это, с одной стороны, создает трудности для внедрения системы дистанционного обучения, а с другой — создается целое направление в обучении компьютерной грамотности, а именно обучение учителей, преподавателей, студентов и учеников способам и методам проведения дистанционного обучения. И как показывает практика, данное направление может быть очень востребованным в ближайшее время. Таким образом, в России положено начало новому профессиональному стандарту «Цифровой куратор» [Разумова, 2020]. Специалисты такого направления призваны обучать население цифровой грамотности, начальным и профессиональным навыкам работы с компьютером и интернет-технологиями.

Мнения о дистанционном образовании различаются достаточно сильно. Кто-то утверждает, что «дистанционное обучение убивает образование» и сравнивает его внедрение с экспериментами введения Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в начале 2000-х. Они утверждают, что дети из-за этого «расслабляются и не могут сконцентрироваться». Отсутствие жесткой дисциплины и надзора со стороны учителей и преподавателей толкает детей, подростков и студентов на совершение необдуманных действий. И они совершенно не уделяют внимание учебе. Более того, огромное количество освободившегося времени может привести к тому, что университеты и школы потеряют возможность осуществления воспитательной функции.

Другие, наоборот, считают, что дистанционное образование намного лучше традиционного. В этом случае полностью исключаются временные затраты на дорогу до учебного заведения, что особенно актуально для того, кто проживает за городом или далеко от места учебы. Кроме того, значительно сокращаются финансовые затраты на проезд. Находясь дома, обучающиеся испытывают меньше стресса, а значит, они могут лучше усваивать получаемую в ходе обучения информацию. Наличие под рукой свободного доступа в Интернет с персонального компьютера или ноутбука позволяет быстро найти нужную информацию, что может значительно повысить успеваемость.

Но реальная обстановка имеет черты обеих точек зрения. Действительно, транспортные расходы сокращаются. Но при этом растут затраты на электроэнергию. Кроме того, дистанционное образование требует наличия мощного персонального компьютера, ноутбука или планшета. А это, в свою очередь, приводит к значительным финансовым затратам, потому что хороший и качественный компьютер стоит недешево. Более того, частое использование компьютера увеличивает шанс его поломки, что, в свою очередь, еще сильнее ударит по кошельку.

Поскольку многие осуществляют свою рабочую деятельность из дома, это создает дополнительные проблемы. Во-первых, требуется как минимум одно электронное устройство на каждого члена семьи. Во-вторых, долгое нахождение группы людей, даже хорошо относящихся друг к другу, в замкнутом пространстве может привести к конфликтам и ряду психологических проблем.

Студенты младшего возраста (1—2 курсы бакалавриата), а также школьники хоть и имеют больше свободного времени, чем при классическом обучении, но они зачастую тратят его не слишком рационально. Проводя слишком много времени в Интернете, они могут столкнуться с большим количеством негативной и деструктивной информации и неправильно ее интерпретировать. Более того, информация в Интернете зачастую никак не фильтруется и не модерируется, поэтому она содержит огромное количество нежелательного контента (так называемого «шок-контента»).

Интернет-зависимость действительно стала актуальной проблемой XXI века. Онлайн-игры, социальные сети, площадки с видеоконтентом действительно отнимают много времени у современных людей. Это относится не только к детям и подросткам, но и ко взрослым. Если раньше можно было общаться, посещая занятия в университете, других учебных заведениях, то сейчас все это перенесено в Интернет. Избавиться от интернет-зависимости сложно, а зачастую и невозможно.

Общение только в Интернете пагубно влияет на социализацию. Сложно научиться общению с людьми, если с ними не контактировать лично. Кроме того, оскорбления через сеть редко несут какие-то последствия, и пользователи в результате этого перестают быть вежливы друг к другу и не соблюдают субординацию.

В целом нельзя сделать однозначные выводы относительно положительных и отрицательных сторон такого явления, как дистанционное образование. Поэтому необходимо внимательно относиться к проработке принципов и методов такого обучения, находить наилучшие пути развития положительных сторон и устранения отрицательных, а также поддерживать как преподавателей, так и студентов в такое необычное для всех время. Человечество всегда развивалось и продолжает развиваться. Выход в информационное пространство является, вероятно, естественным ходом вещей. В истории всегда были и есть люди консервативных взглядов, которые воспринимали нововведения негативно. Это совершенно нормальное явление.

Переход в режим онлайн имеет как позитивные, так и негативные последствия. Его надо воспринимать как естественный ход вещей, стараться развивать свои способности работы с Интернетом и компьютером, не забывая при этом о сохранении человеческого качества в непростую техногенную и техносферную эпоху [Меликян, 2015]

Библиографический список / References

- Дайнеко Н. А. Дистанционное обучение — обучение будущего // Профессиональное образование. 2015. № 4 (22). С. 17—22.
(Daineko N. A. Distance learning — learning of the future, *Professional education*, 2015, no. 4 (22), pp. 17—22. — In Russ.)
- Завражин А. В. SMART и новые подходы в современном образовании // Мир образования — образование в мире. 2015. № 2 (58). С. 59—65.
(Zavrazhin A. V. SMART and new approaches in modern education, *The world of education — education in the world*, 2015, no. 2 (58), pp. 59—65. — In Russ.)
- Меликян М. А. Между техносферой и ноосферой: в поисках человеческого качества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (15). С. 30—35.
(Melikyan M. A. Between technosphere and noosphere: in search of human quality, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2015, no. 2 (15), pp. 30—35. — In Russ.)
- Онлайн-конференция от группы компаний ЛАНИТ «Умные решения — умная страна: вызовы и перемены». 6—7 октября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-conference.ru/> (дата обращения: 20.05.2022)
- Разумова А. Б. Рижкова Т. И. Куратор контента — новая роль университетского преподавателя в цифровой образовательной среде вуза // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 111—114. DOI: 10.24412/1991-5500-2020-685-111-114.
(Razumova A. B. Ritskova T. I. Content curator — a new role of a university teacher in the digital educational environment of the university, *World of Science, Culture, Education*, 2020, no. 6 (85), pp. 111—114. DOI: 10.24412/1991-5500-2020-685-111-114. — In Russ.)
- Сафонова А. Д., Жафярова Ф. С. Организация проектной дистанционной деятельности учащихся с ОВЗ в условиях применения «1С: Образование» // Новые информационные технологии в образовании: сборник научных трудов XIX Международной научно-практической конференции «Использование технологий "1С" в образовании и их применение для развития кадрового потенциала цифровой экономики», Москва, 29—30 января 2019 г. / под ред. Д. В. Чистова. Ч. 2. М.: ООО «1С-Паблишинг», 2019. С. 555—557.
(Safonova A. D., Zhafyarova F. S. (2019) Organization of project distance activities of students with disabilities in the context of the use of "1C: Education", in Chistov D. V. (ed.) *New information technologies in education: a collection of scientific papers of the XIX International scientific and practical conference*, vol. 2, Moscow, pp. 555—557. — In Russ.)
- Скоробач И. Р. Дистанционное обучение: современные реалии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 05/2. С. 71—73. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.05-2.19.
(Skorobach I. R. Distance learning: modern realities, *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2020, no. 05/2, pp. 71—73. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.05-2.19. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Ветчинин Н. М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 127—134. DOI 10.46726/H.2021.4.14.

(Smirnov G. S., Vetchinin N. M. Universal digitalization as a global problem: a person and his digital consciousness, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 127—134. DOI 10.46726/И.2021.4.14. — In Russ.)

Терсков Д. Как учиться на удаленке [Электронный ресурс]. URL: <https://geekbrains.ru/events/1995> (дата обращения: 03.12.2021).

Шершевская А. Цели SMART: 10 примеров + инструкция от ТОП-менеджера. Маркетинговое агентство In-scale. [Электронный ресурс]. URL: <https://in-scale.ru/blog/celi-smart> (дата обращения: 15.12.2021).

Darginavičienė, I., Šliogerienė J. Remote Learning Versus Traditional Learning: Attitudes of University Students, // *RUDN Journal of Philosophy*, 2022, vol. 26, no 1, pp. 194—210. DOI 10.22363/2313-2302-2022-26-1-194-210.

Rahmonova G. S. Distance and online learning in the system of professional development, *Education and innovative research*, 2021, no. 4, pp. 174—178. DOI 10.53885/edinres.2021.18.75.024.

Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the Noosphere: Socio-Philosophical Aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Сафонова Анастасия Дмитриевна — преподаватель кафедры информационных технологий и прикладной математики, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, safonovaad@ivanovo.ac.ru

Safonova Anastasia Dmitrievna — Lecturer, Department of Information Technology and Applied Mathematics, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, safonovaad@ivanovo.ac.ru

Сидоров Михаил Владимирович — преподаватель кафедры информационных технологий и прикладной математики, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, sidorovmv@ivanovo.ac.ru

Sidorov Mikhail Vladimirovich — Lecturer, Department of Information Technology and Applied Mathematics, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, sidorovmv@ivanovo.ac.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Научная статья
УДК 323(4/9)
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.75-89

Б. М. Кондорский

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ И УКРАИНЕ С ПОЗИЦИЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье на основе сравнительного метода и основных положений революционной концепции исторического развития представлена попытка компаративного анализа современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с целью более глубокого понимания нынешнего положения в этих странах и перспектив дальнейшего их развития. Показано, что крайне низкий уровень феодальной революции в обоих регионах определил несомненное сходство «европейской» Украины и азиатско-кочевого Казахстана в сфере состояния и структуры элиты, специфики политической системы, внешней и внутренней политики, «развития» индустрии, характера идентичности, исторической памяти и даже религии. Сделан вывод о том, что специфика исторического процесса оказывает более чем значительное влияние на социально-политическую современность.

Ключевые слова: Казахстан, Украина, политическая элита, многовекторность, клан, этническое сознание, идентичность, историческая память

Ссылка для цитирования: Кондорский Б. М. Сравнительный анализ современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с позиций революционной концепции исторического развития // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 75—89.

Original article

B. M. Kondorsky

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CURRENT SOCIO-POLITICAL SITUATION IN KAZAKHSTAN AND UKRAINE FROM THE STANDPOINT OF A REVOLUTIONARY CONCEPT OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Abstract. Based on the comparative method and the main provisions of the revolutionary concept of historical development, the article presents an attempt at a comparative analysis of the current socio-political situation in Kazakhstan and Ukraine in order to better understand the current situation in these countries and the prospects for their further development. It is

© Кондорский Б. М., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 75—89 •

shown that the extremely low level of the feudal revolution in both regions determined the undoubted similarity of "European" Ukraine and Asian-nomadic Kazakhstan in the sphere of the state and structure of the elite, the specifics of the political system, foreign and domestic policy, the "development" of the industry, the nature of identity, historical memory and even religions. It is concluded that the specifics of the historical process has a more than significant impact on the socio-political modernity.

Keywords: Kazakhstan, Ukraine, political elite, multi-vector nature, clan, ethnic mentality, identity, historical memory

Citation Link: Kondorsky, B. M. (2022) *Sravnitel'nyy analiz sovremennoy sotsial'no-politicheskoy situatsii v Kazakhstane i Ukraine s pozitsiy revolyutsionnoy kontseptsii istoricheskogo razvitiya* [Comparative analysis of the current socio-political situation in Kazakhstan and Ukraine from the standpoint of the revolutionary concept of historical development], *Noosfermyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 75—89.

Январские погромы на юге и западе Казахстана явились полной неожиданностью для большинства политических деятелей и политологов как внутри страны, так и за ее пределами. До этого транслировалась пасторальная картина спокойствия и «тишины» внутри казахского общества, этакого «островка» стабильности, особенно, в отличие от соседней Киргизии. Еще в 2018 году автор предположил, что после ухода Н. Назарбаева с политической арены начнут взрываться «мины», которые за тридцать лет он заложил в достаточном количестве [Кондорский, 2018: 96]. Что касается Украины, то последствия последнего «майдана», в конечном итоге, приняли катастрофический характер.

Анализ показывает, что между такими государствами, как азиатский Казахстан и «европейская» Украина, имевшими совершенно различные типы исторического развития и социального менталитета, при внимательном анализе обнаруживается очень много сходства и параллелей в современный период. Мы считаем, что для этого нужно использовать определенные теоретические конструкции и сравнительный метод, который, к сожалению, слабо используется в политологических и особенно исторических исследованиях. Для того чтобы дать объективную оценку того или иного события, нужно хорошо знать и понимать объективные законы истории.

Здесь весьма полезной будет разрабатываемая автором революционная концепция исторического развития [Кондорский, 2020]. Основная идея заключается в том, что в основе каждого этапа исторического развития лежит определенный тип революций; неолитических, архаических, феодальных, революций Нового времени. Именно они формировали потенциал дальнейшего развития, который зависит от «глубины» революции и степени преемственности с прошлым этапом развития.

Наибольшей глубиной и наименьшей преемственностью с предыдущим периодом отличалась феодальная революция в Западной Европе на рубеже I тыс., что предопределило здесь наиболее прогрессивный характер развития. Любая революция сопровождается радикальной сменой социального сознания, поэтому ее основой является устранение носителей старого сознания. В Северо-Восточной Руси, где феодальная революция началась только во второй половине XIII века, таковыми были городские общины, которые подвергались в этот

период регулярным репрессиям с помощью татар, со стороны Александра Невского и его сына [Оловинцов, 2018: 197].

Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV веке обусловило здесь крайне низкий уровень феодальной революции [Кондорский, 2021: 57—58]. Вследствие этого восточнославянские земли долгое время находились на «общинной» стадии развития. С этим была связана масса архаических пережитков, доживших до XVI века с учетом наследия, полученного этими землями от времен Киевской Руси [Дворниченко, 1995: 298—302].

У кочевников практически отсутствовали феодальные революции в прямом смысле этого слова. Все кочевые государства носили не политический, а потестарный характер и управлялись на основе архаических институтов редиистрибуции и реципрокации. Это касается даже Монгольской империи [Васютин, 2005: 62].

Современные Казахстан, Киргизия и Туркмения являются прямыми наследниками кочевых сообществ. Наличие отдельных «феодализмов» в свое время носило внешний характер. Архаическое сознание никуда не делось и влияло на принятие решений руководителей центрально-азиатских республик даже при советской власти, не говоря уже о периоде независимости.

В свое время автор показал, что для Украины, особенно во время обоих Майданов, было характерно проявление рецидивов таких архаических институтов как реципрокация, редиистрибуция, потлач, мужской союз [Кондорский, 2019b: 115—117]. В Казахстане, так же как и в других республиках Центральной Азии, произошло возрождение «кланового сознания», начиная с низов и заканчивая руководством государства [Кондорский, 2019c: 69—70].

В Казахстане в период независимости клан, клановые отношения, клановая структура выступают как неформальный институт рекрутирования элит. Для носителей кланового сознания главное не личное «Я», а опора на себе подобных и их мнение. Поэтому, приходя во властные структуры, выходцы из сельской местности окружают себя земляками и родственниками [Борисова, 2002: 32].

Ситуация, когда человек становится начальником не в соответствии со своими профессиональными качествами и способностями, а благодаря родственным и кланово-племенным связям, способствовала появлению у элиты глубокого комплекса неполноценности. На Украине еще в конце XVI — начале XVII века у новоявленной казацкой старшины, пришедшей на смену традиционной элите времен Киевской Руси, вследствие ее опоячивания сформировался архетип социального сознания, характеризующийся подобного рода менталитетом, который в полной мере сохранился до наших дней.

В Казахстане подобного рода «ущербность» еще в первой половине 1990-х годов проявила себя в том, что право пользования недрами республики было отдано на очень льготных условиях американским и западноевропейским компаниям. По условиям этих соглашений по разделу продукции основная прибыль с добычи уходила мимо республиканской казны [Черных, 2022]. В настоящее время Казахстан прочно сидит на нефтегазовой игле. 85 % бюджета составляют доходы от экспорта сырья [Хайруллин, 2022]. За 12 лет (2009—2020) из Казахстана выведено доходов иностранными компаниями на сумму 206 млрд долларов [Касатонов, 2022].

На Украине не оказалось сырьевых ресурсов, которыми могли заинтересоваться западные компании. Попытки привлечь зарубежный капитал для

приватизации существующих крупных промышленных предприятий в 1990-е годы практически не дали никаких результатов. Передача их в руки доморощенных олигархов отнюдь не способствовала их развитию и кардинальной модернизации. Продукция работающих предприятий не отличается заметным уровнем добавленной стоимости.

За последние 30 лет в Казахстане не построено ни одного крупного нефте- или газоперерабатывающего завода [Двинский, 2022]. На Украине за годы независимости вообще не построено ни одного крупного предприятия ни на внешние, ни на внутренние инвестиции. Если в России ведущие мировые автопроизводители построили более десяти крупных предприятий, то на Украине выпуск автомобилей всех видов в последние годы не превышает 3 тыс. Доля Украины в мировом промышленном производстве за первые 15 лет уменьшилась в 50 раз [Ставицкий, 2022].

Если в Казахстане доминирует на всех управленческих уровнях клановый менталитет, отнюдь не способствующий развитию современной индустрии, то на Украине все большую роль начинает играть галицийский тип социального сознания в управленческой элите. Еще во времена Австро-Венгрии в Галиции отсутствовала какая-либо заметная промышленная инфраструктура [Реєнт, 2016: 304]. В 1970—80-е годы в Западной Украине был построен ряд заводов электронной промышленности, имевших по тем временам самое современное оборудование, закупленное на Западе. После обретения независимости эти заводы за несколько лет были раскурочены «до последнего винтика».

Неолиберальная модель модернизации в Казахстане способствует укреплению промышленно-финансовой верхушки, ослаблению позиций малого и среднего бизнеса, обострению социальных противоречий, обнищанию и маргинализации широких слоев населения, росту безработицы [Карсаков, Чеботарев, 2009: 24]. Западные компании меньше всего интересуют социальные нужды рабочих. Перед новым 2022 годом компания «Тенгизшевройл» уволила 40 тыс. работников [Панов, 2022]. Зарплата в нефтегазовой отрасли в 3—5 раз меньше, чем в России [Тайные пружины казахского протеста, 2022]. Подобного рода ситуация характерна и для Украины.

Все вопиющие, можно сказать, катастрофические проблемы в производственной сфере (и не только) украинская политическая элита пытается оправдать советским прошлым: «все проблемы на Украине связаны с советским наследием» [Залізняк, 1997: 9]; «Украине необходимо освободиться от советского балласта» [Жапелюшний, 2003: 501]; «старые партийно-хозяйственные кадры проявили свою злодейскую натуру» [Залізняк, 2006: 18]; «уже более четверти века Украина пытается справиться с разрушительными последствиями масштабного зла, заданного коммунизацией Страны [Калакура, Рафальский, Юрій, 2017: 538]. Не забывают и о современной России — «экономика задыхается от энергетической удавки, которую Россия накинута на ее горло» [Фігурний, 2010: 35].

Для более глубокого понимания характера поведения политической и культурной элит в Казахстане и на Украине следует обратиться к концепции этнического сознания. Оно формируется в детстве (приблизительно до 10 лет). В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит данный характер, его нельзя изменить волевым способом. Можно только говорить о его активизации. Характерной особенностью этнического сознания является то, что

социальная действительность категоризируется с помощью базовой пары «мы — они» [Ачкасов, 1999: 49].

Традиционное этническое сознание обычно сохраняется и воспроизводится в сельской местности. На Украине в 1960—70-е годы наблюдался массовый приток населения в Киев и другие крупные города (за исключением Донбасса) из села [Кондорский, 2018: 97]. Это относится к более 80 % политической и культурной элит страны (включая четырех президентов). Еще в советский период значительная часть украинской номенклатуры набиралась из вчерашних колхозников [Малинкович, 2005: 29].

При этом, сколько бы «университетов» ни заканчивали подобного рода политические деятели, в плане своего базового сознания они остаются «хлопцы з глухого села». Ющенко все пять лет своего президентского срока с упорством, достойным иного применения, пытался сделать из Украины «Большой хутор» [Кондорский, 2018: 98].

В Казахстане после получения независимости из властных структур началось «вымывание» городской русскоязычной интеллигенции. Так как основным требованием является знание казахского языка, органы государственной власти стали заполняться выходцами из сельской местности [Борисова, 2002: 32]. Следует отметить, что этот процесс был характерен и для брежневского периода, когда партийно-государственная элита рекрутировалась из сельских маргиналов [Кондорский, 2019b]. Деловые качества и уровень профессиональной компетентности при этом практически не учитывались.

Н. Назарбаев сам выходец из трайбалистской аульной среды [Амрекулов, 2000]. Несмотря на то что в начале 1990-х годов он пытался бороться с политической идеологией традиционного типа, основанной на оживлении архаических форм общественного устройства, этническое (кланово-племенное) сознание никуда не делось и сопровождало его на протяжении всего пребывания на президентском посту. В конечном итоге Назарбаев стал раздавать ключевые должности ближайшим родичам из своего родного села. При этом, будучи бесспорным лидером Старшего жуза, он не терпел рядом с собой сильных личностей [Масанов, 1996: 50]. Значительную роль в окружении Назарбаева играли представители его родного племени — шапаранты [Агаев, 2013: 3].

В Казахстане и Кыргызстане на уровне руководства страны клановость стала приобретать уродливую форму семейственности [Агаев, 2012: 127]. Все это порождало и порождает коррупцию и дисбаланс в структуре элиты. Речь идет об активном участии двух дочерей Назарбаева — Дариги и Динары вместе со своими мужьями в руководстве двух крупнейших национальных финансово-промышленных конгломератов. При этом эти два объединения конкурировали между собой [Хайруллин, 2022].

Конечно, на Украине «семейственность» не приняла таких размахов. Однако зять Л. Кучмы — В. Пинчук — стал олигархом не только благодаря своим способностям. Клановость здесь приняла региональный характер. Уместно вспомнить о днепропетровском клане в руководстве СССР при Л. Брежневе, который воспроизвелся в 1990-е годы уже благодаря тогдашнему президенту.

Можно говорить о кланизации политических партий. Я считаю, что первичной причиной поражения режима В. Януковича во время второго «майдана» стало наличие клановых группировок внутри партии Регионов. Процесс

клизации новоявленной партии «Слуга народа» произошел в течение года после ее появления на политической арене.

Следует обратить внимание, что под видом политических партий в обеих странах функционируют патронатно-клиентальные образования [Долженков, 2000: 2]. В данном случае речь идет о неопатримониальных структурах, характеризующихся симбиозом, синтезом элементов традиционализма и современного государства [Eisenstadt, 1973]. Особенно это касается Казахстана и других государств Центральной Азии. Политический режим, который сформировался на Украине в 1990-е годы, имеет признаки патримониально-авторитарного режима при господстве клановой олигархии [Мацієвський, 2005: 17].

Так называемая многовекторность, о которой Л. Кучма многократно заявлял в период своего президентства, в конечном итоге закончилась двумя «майдами», полным разрушением экономики и приходом к власти русофобских режимов сначала при Порошенко, а затем при Зеленском. Следует отметить, что украинская «многовекторность» имеет глубокие исторические корни. Во время известных событий середины — второй половины XVII века казацкая старшина постоянно искала покровительство со стороны своих соседей (и не только) — Речи Посполитой, России, Османской империи, Швеции и даже Трансильвании, часто находясь под одновременным протекторатом нескольких государств [Кондорский, 2021: 65—67]. Украинские историки называют это поливассалитетом. Я же называю это проституированностью.

Казахстан в плане многовекторности недалеко ушел от Украины. Руководители Казахстана широко улыбаются Кремлю и Пекину, руки пожимали Брюсселю и кланялись Вашингтону [Панов, 2022]. В последние годы своего президентства Н. Назарбаев слишком уж сблизился с Турцией. Главная опасность заключается в том, что Турция проводит в основном работу с сельским населением [Двинский, 2022], которое во время январских событий активно занималось погромами.

Особую опасность для государства представляет раскол национальной элиты, который следует рассматривать в качестве исходной причины январских событий в Казахстане. Большинство политических партий не являются выразителями интересов определенных групп граждан, представляя интересы влиятельных лиц и бизнес-групп [Карсаков, Чеботарев, 2009: 19].

Аналогичная картина наблюдается и на Украине. Украинская элита отличалась низким уровнем компетентности исторически. И во время освободительной борьбы в середине XVII века, и в период существования Украинской Народной Республики и Директории, и в настоящее время. Сюда следует добавить корпоративность, эгоизм, оторванность от нужд и интересов простого народа.

За годы независимости на Украине так и не сформировалась эффективная политическая элита [Мацієвський, 2010: 40]. Весь период независимости президенты играют роль посредника между конкурирующими олигархическими группировками. Все тридцать лет независимости в обоих государствах идет мучительный поиск своей идентичности. После второго «майдана» украинское руководство полностью перешло на отрицание советского прошлого, откровенную русофобию, поощрение различного рода националистических организаций. Следует отметить, что данный процесс начался еще с 1990-х годов. В настоящее время на Украине формируется нация этнического типа на базе этнического, а не личностного сознания, путем формирования образа внешнего и внутреннего

врага. Этническая модель украинской нации предполагает один язык, одну историю, одну церковь. Основная ставка делается на язык и культуру сельских предков [Рябчук, 2000: 283]. Рецидивы радикального национализма на Украине — это не что иное, как подсознательная тоска по патриархальной культуре и ее «племенным» ценностям [Даренский, 2016: 45].

Главная цель — полное разрушение постсоветской общности на Украине, использование этнонационализма для очистки от инородных элементов: «Украина для украинцев, Украина как анти-Россия» [Космачев, 2015: 39]; «главный враг Украины — это русский мир» [Калакура, Рафальский, Юрій, 2017: 538]. Как не вспомнить здесь слова академика П. Толочко: «Лучшее будущее нельзя построить на конфронтации с Россией. Это безнадежно тупиковый путь» [Толочко, 2008: 6].

Одновременно доминирует лозунг «Запад нам поможет». Украина — это Европа. Только проевропейский вариант национальной идентичности может быть условием успешной модернизации. Украина всегда жила одними идеями с Западом [Рябчук, 2000: 279]. Следует отметить, что Запад в течение многих лет проводил целенаправленную кампанию по формированию прозападной элиты среди экспертов и журналистов, результат которой мы наблюдаем в настоящее время.

Руководство Казахстана весь период независимости заигрывало с русофобскими организациями и движениями. Еще в 1990-е годы началась политика мягкой дерусификации и вытеснения русских и русскоязычных граждан с руководящих постов, создания им препятствий в получении хорошей работы и зарплаты, закрытии русскоязычных учебных заведений, перевод всей топонимики на казахский язык, замена алфавита с кириллицы на латиницу. Все это привело к массовой эмиграции русского населения Казахстана [Двинский, 2022b].

Власти негласно покровительствуют различного рода блогерам в их радикальной националистической пропаганде. В Интернете регулярно предъявляются территориальные претензии к России и другим соседним государствам. Звучат даже предложения по созданию националистического Интернационала, объединяющего, в том числе, националистов из кавказских республик и тюркоязычных регионов Российской Федерации [Прохватилов, 2022].

В Казахстане по ряду аспектов просматривается поразительное сходство с Украиной. Казахстан заражен «украинством». Помимо русофобии, это, в частности, проявляется в раздувании трагедии голода 1930-х годов. Январский бунт в Казахстане изобилует именно украинскими «революционными» технологиями, успешно апробированными во время переворота 2014 года [Уваров, 2022]. Назначение на пост министра информации откровенного русофоба А. Умарова [Примаков отказался работать..., 2022] следует рассматривать как своеобразный вызов России.

Так же, как и на Украине, дерусификация стала продолжением декоммунизации. Продвигается идея о том, что Казахстан получил независимость в результате борьбы с захватчиками, которыми считаются русские, любые русские как до, так и после революции 1917 года. Предпринимаются попытки реабилитации предателей-коллорабационистов. Казахстанский парламентарий Б. Абдыалигулы защищает гитлеровских приспешников на том основании, что «...они убивали красных, этого достаточно, чтобы их оправдать» [Прохватилов, 2022]. Дошло до того, что в апреле 2014 года вышел журнал, посвященный

125-летию А. Гитлера [В Казахстане вышел журнал, посвященный 125-летию Адольфа Гитлера, 2022].

Комплекс неполноценности соответствующим образом повлиял на восприятие своего прошлого в обеих странах. Оставим в стороне псевдоисториков, которые «расплодились» в большом количестве в период независимости на Украине. Согласно их «изысканиям», украинцы самый древний народ Европы. Шумеры вышли из Украины. Ковчег Ноя остановился на Украине возле Киева. Христос, Будда, Колумб и многие другие деятели мировой истории были по происхождению украинцами [Радзиевский, 2016: 141—142]. Излюбленным этногенетическим мифом украинского национализма является представление о происхождении украинцев от носителей трипольской культуры [Кореняко, 2000: 44]. Доминирует автохтонная модель, утверждающая, что предки современных украинцев жили на территории современной Украины с незапамятных времен вплоть до палеолита [Шнирельман, 2000: 23]. Кстати, ряд подобного рода «историков» являются кандидатами и докторами наук. Однако и представители академических научных учреждений далеко не ушли в этом плане. По их мнению, современные украинцы являются потомками склавинов и антов [Баран В., Баран Я., 2005: 146], не говоря уже о среднеднепровских племенах Древней Руси. Тем самым подчеркивается, что украинцы, в отличие от россиян, являются истинными славянами [Резников, 1996: 130]. Московиты — этнос финского происхождения с добавлением тюркской крови [Білинский, 2016: 8]. В отличие от Киева и Чернигова, в X веке в Новгороде, Владимире, Рязани жили варварские племена [Солдатенко, Сиволоб, 1994: 18].

Украинский народ уже со времен Киевской Руси принадлежал к европейской семье народов [Гринів, 1997: 427]. Оказывается, экономика Древней Руси была вариантом германского способа производства [Залізник, 1997: 135]. Карл Маркс был бы просто в «восторге» от подобного рода «открытия».

В Казахстане и других центрально-азиатских государствах поиск национальной идентичности принял форму этнической мифологизации, а по существу — фальсификации истории на уровне властных и академических структур. Предпринимаются попытки сделать свою историю максимально древней, застолбить свою автохтонность в Центральной Азии. Основные потуги докторов наук и академиков направлены на то, чтобы доказать, что обитавшие здесь во второй половине I тыс. до н. э. иранские племена саков были тюркоязычными [Аскарлов, 1997: 98]. В Алма-Ате даже воздвигли 30-метровую стелу, которую венчает сакский воин. Некоторые новоявленные «ученые» пошли еще дальше, утверждая, что тюрки жили в Средней Азии еще до индоевропейского завоевания [Камолиддин, 2005: 53—54]. Всех «переплюнул» О. Сулейменов, согласно которому тюрки предшествовали шумерам и повлияли на их культуру и язык [Сулейменов, 2002].

Для казахов, туркмен, узбеков присвоение арийского прошлого означает, прежде всего, утверждение своего статуса как «коренного народа». Кроме того, «арийское» родство отводит тюркским народам почетное место в древней истории и уравнивает их с европейцами, помогая освободиться от комплекса неполноценности [Шнирельман, 2015: 226].

Самое удивительное, что можно найти параллели между Украиной и Казахстаном даже в религиозной сфере. В архаический период все, что было связано с мифом и его персонажами, не требовало никаких доказательств. Все

носило естественный характер. Человек и миф (мифологическое сознание) представляли собой органическое единство. Нечто похожее мы имеем в украинской греко-католической церкви, которая в сознании жителей Западной Украины имеет, по существу, мифологическую основу. То есть здесь все, что касается религии, воспринимается как некий абсолюте. Ни о каком атеизме не может быть и речи. Внутренний религиозный менталитет кардинально отличается как от православной, так и католической церковей [Кондорский, 2020: 203].

Нечто похожее мы имеем в исламе. Если в христианской религии просматривается доминирование Веры, то в исламе Аллах предстает в качестве некоего абсолюта, имеющего явные параллели в мифологическом сознании. Несмотря на то что мусульманская религия считается более монотеистической, это касается только формы. Если взять содержание, то здесь связь с предшествующим язычеством гораздо прочнее. Еще в конце XIX — начале XX века в Аравии ислам уживался с культом святых и даже идолопоклонством. Специалисты отмечают, что ислам плохо приживался среди бедуинов [Васильев, 1999: 76—77]. И это речь идет о стране, где государственной религией является ваххабизм — самое ортодоксальное течение мусульманской религии.

Мы считаем, что именно это несоответствие между формой и содержанием в условиях резкой активизации этнического (традиционного) сознания и является основным психологическим источником радикального ислама на Ближнем Востоке. В Западной Украине языческая основа этнического сознания в 1943 году привела к геноциду местных поляков во время Волынской резни, отличившейся практикой умерщвления людей самыми садистскими способами [Кондорский, 2020: 205].

В Центральной Азии у титульных этносов за последние 200 лет сохранился своеобразный народный ислам, часто мистических суфийских толков, как направление бытовых, обрядовых, поведенческих предпочтений с традиционными языческими и шаманскими обычаями, анимистическими верованиями [Гадло, 1998]. Народный ислам является синтезом автохтонных культов и мусульманской догматики [Литвинов, 2018: 56]. Казахи всю историю жили по древним тюркским законам [Кусаинов, 1996].

В Семиречье имела место своя «волынская резня» в 1916 году, которая сопровождалась массовыми убийствами местного русского населения киргизами и казахами. Так как мужское население в основном было мобилизовано, безнаказанно убивали и насиловали женщин и детей способами, которые относятся к inferнальной сфере [Ганин, 2016]. Кстати, если бы в Алма-Ате во время январских событий мятеж вовремя не был бы подавлен, начались бы погромы русского населения.

Таким образом, вышесказанное подтверждает тезис, что сравнительный метод позволяет глубже понять и осмыслить наблюдаемые социально-политические процессы, привести их в определенную историко-временную систему. На это указывает крайне низкий уровень феодальной революции, что и определило сходство архетипа (а не формы) исторического развития и современной ситуации в обоих регионах. Специфика исторического процесса оказывает более чем значительное влияние на социально-политическую современность [Кондорский, 2019с; Кондорский, 2021]. Кстати, автором было показано, что для того чтобы понять глубинную суть проекта «Экономический пояс

Шелкового пути», нужно углубиться в историю Китая на две с половиной тысячи лет [Кондорский, 2019а].

Библиографический список / References

- Агаев Г. Ш. Прошлое, настоящее и будущее клановых сообществ в Казахстане // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 126—128.
- (Agaev G. Sh. Past, present and future of clan communities in Kazakhstan, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "History and political sciences"*, 2012, no. 5, pp. 126—128. — In Russ.)
- Агаев Г. Ш. Структурные особенности клановых сообществ в Казахстане // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 4. С. 1—4.
- (Agaev G. Sh. Structural features of clan communities in Kazakhstan, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "History and political sciences"*, 2013, no. 4, pp. 1—4. — In Russ.)
- Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9). С. 131—146.
- (Amrekulov N. Zhuzy in the socio-political life of Kazakhstan, *Central Asia and the Caucasus*, 2000, no. 3 (9), pp. 131—146. — In Russ.)
- Аскарлов А. История Узбекистана. Ташкент: Узбекистон 1997. 210 с.
- (Askarov A. *History of Uzbekistan*, Tashkent, 1997, 210 p. — In Russ.)
- Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии социальной антропологии. 1999. № 1. С. 45—56.
- (Achkasov V. A. Ethnic identity in situations of public choice, *Journal of Sociology of Social Anthropology*, 1999, no. 1, pp. 45—56. — In Russ.)
- Баран В., Баран Я. Историчні витоки українського народу. Київ: Генеза, 2005. 206 с.
- (Baran V., Baran J. *Historical origins of the Ukrainian people*, Kyiv, 2005. 206 p. — In Ukr.)
- Білінський В. Москва ординська (XII—XVI ст.). Историчне дослідження. Київ: А-БА-БА-ГА-ЛІА-МА-ГА, 2016. 656 с.
- (Bilinsky V. *Moscow Horde (XII—XVI centuries). Historical research*, Kyiv, 2016, 656 p. — In Ukr.)
- Борисова Е. Роль неформальных институтов в Управлении Казахстана // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 28—47.
- (Borisova E. The role of informal institutions in the management of Kazakhstan, *Bulletin of Eurasia*, 2002, no. 1 (16), pp. 28—47. — In Russ.)
- Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.). М.: Классика плюс, 1999. 672 с.
- (Vasiliev A. M. *History of Saudi Arabia (1745 — end of the 20th century)*, Moscow, 1999, 672 p. — In Russ.)
- Васютин А. Лики власти // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 56—71.
- (Vasyutin A. Faces of power, in *The Mongolian Empire and the nomadic world*, Ulan-Ude, 2005, vol. 2, pp. 56—71. — In Russ.)

- В Казахстане вышел журнал, посвященный 125-летию Адольфа Гитлера // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/1792652.html> (дата обращения: 30.01.2022).
- Гадло А. В. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: Традиционная культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 92 с.
(Gadlo A. V. *Ethnography of the peoples of Central Asia and Transcaucasia: Traditional culture*, St. Petersburg, 1998. 92 p. — In Russ.)
- Ганин А. Восстание в Туркестане в 1916 году: уроки и последствия // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/07/05/rodina-vosstanie-v-turkestane.html> (дата обращения: 12.02.2022).
- Гринів О. Україна і Росія: партнерство и протистояння. Львів: ІН НАНУ, 1997. 384 с.
(Griniv O. *Ukraine and Russia: partnership and opposition*, Lviv, 1997, 384 p. — In Ukr.)
- Даренский В. Ю. Причина феномена массового национализма на современной Украине // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 39—52.
(Darensky V. Yu. *The Cause of the Phenomenon of Mass Nationalism in Modern Ukraine*, Svobodnaya Mysl, 2016, no. 5, pp. 39—52. — In Russ.)
- Двинский К. Конец елбасыстану. Россия бьется за Казахстан с глобалистами // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/konec-elbasystanu-rossija-bjotsja-za-kazahstan-s-globalistami_474315 (дата обращения: 25. 01. 2022).
- Двинский К. Токаев на перепутье: кем стать, Януковичем или Лукашенко? // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/tokaev-na-perepute-kem-stat-janukovichem-ili-lukashenko_473660 (дата обращения: 25. 02. 2022).
- Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. С. 294—318.
(Dvornichenko A. Yu. *On the problem of East Slavic politogenesis, in Early forms of political organization: from primitiveness to statehood*, Moscow, 1995, pp. 294—318. — In Russ.)
- Долженков О. Тіньовий аспект політичного процесу в Україні // Людина і політика. 2000. № 2. С. 2—6.
(Dolzhenkov O. *Shadow aspect of the political process in Ukraine*, *Man and politics*, 2000, no. 2, pp. 2—6. — In Ukr.)
- Залізник Л. Л. Від склавинів до української нації. Київ: Фотовідеосервіс, 1997. 256 с.
(Zalizniak L. L. *From sklaviniv to the Ukrainian nation*, Kyiv, 1997, 256 p. — In Ukr.)
- Залізник Л. Л. Україна в колі світових цивілізацій. Київ: Знання України, 2006. 96 с.
(Zalizniak L. L. *Ukraine in the circle of world civilizations*, Kyiv, 2006, 96 p. — In Ukr.)
- Калакура Я. С., Рафальский О. О., Юрий М. Ф. Ментальный выбор украинской цивилизации. Київ: Генеза, 2017. 560 с.
(Kalakura J. S., Rafalsky O. O., Yuri M. F. *Mental choice of Ukrainian civilization*, Kyiv, 2017, 560 p. — In Ukr.)
- Камоліддин Ш. О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана» // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 52—56.
(Kamoliddin Sh. *On the concept of ethnogenesis in the "Ethnic Atlas of Uzbekistan"*, *Ethnographic Review*, 2005, no. 1, pp. 52—56. — In Russ.)

- Капелюшний В. П. Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917—1921 рр.). Київ: Орлан, 2003. 608 с.
- (Kapelushnyy V. P. *Gained and lost independence: a historiographical sketch of Ukrainian statehood in the era of national liberation struggles (1917—1921)*, Kyiv, 2003, 608 p. — In Ukr.)
- Карсаков И. Б., Чеботарев А. Е. Политическая трансформация республики Казахстан в контексте смены управленческой элиты. Алматы: Центр «Альтернатива», 2009. 126 с.
- (Karsakov I.B., Chebotarev A.E. *Political transformation of the Republic of Kazakhstan in the context of a change in the management elite*, Almaty, 2009, 126 p. — In Russ.)
- Касатонов В. Иностранный капитал в Казахстане. Присутствие России более чем скромно // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/01/12/inostrannyj-kapital-v-kazahstane-55302.html> (дата обращения: 25.01.2022)
- Кондорский Б. М. «Революции» после революций («цветные революции» с позиций теории революционного периода) // История и современность. 2018. № 4. С. 88—107.
- (Kondorsky B. M. "Revolutions" after revolutions ("color revolutions" from the standpoint of the theory of the revolutionary period), *History and Modernity*, 2018, no. 4, pp. 88—107. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2019а. № 2. С. 21—28.
- (Kondorsky B. M. Historical-economic and political-ideological background of the Chinese project "Economic Belt of the Silk Road", *Problems of the Far East*, 2019a, no. 2, pp. 21—28. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019б. № 3. С. 112—131.
- (Kondorsky B. M. Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states, *History and Modernity*, 2019b, no. 3, pp. 112—131. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Роль этнического (традиционного) фактора в формировании общественно-правового сознания в государствах Центральной Азии // Евразия: государство и право. 2019с. № 12. С. 61—80.
- (Kondorsky B. M. The role of the ethnic (traditional) factor in the formation of social and legal consciousness in the states of Central Asia, *Eurasia: state and law*, 2019c, no. 12, pp. 61—80. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Исторические предпосылки формирования идеологии ОУН-УПА // II Мировая война: историографические традиции и новые подходы изучения: материалы IV Международной научной конференции (к 75-летию Победы). Новороссийск, 18—19 декабря 2020 года. Пенза: Изд-во ПГУ, 2020а. С. 199—208.
- (Kondorsky B. M. Historical prerequisites for the formation of the ideology of the OUN-UPA, in *World War II: historiographic traditions and new approaches to study*, Penza, 2020a, pp. 199—208. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Революционная концепция процесса исторического развития // Глобальные проблемы и будущее человечества: материалы VI Международного научного конгресса «Глобалистика-2020». М.: МГУ ФГП, 2020б. С. 566—571.

(Kondorsky B. M. The revolutionary concept of the process of historical development, in *Global problems and the future of mankind*, Moscow, 2020b, pp. 566—571. — In Russ.)

Кондорский Б. М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1. С. 54—81.

(Kondorsky B. M. On the issue of the history of the statehood of Ukraine, *History and Modernity*, 2021, no. 1, pp. 54—81. — In Russ.)

Кореньяко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000. С. 34—52.

(Korenyako V. Ethno-nationalism, quasi-historiography and academic science, in *Reality of ethnic myths*, Moscow, 2000, pp. 34—52. — In Russ.)

Космачев М. В. Украина: радикальное решение. Вопросы построения нации-государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 1. С. 39—49.

(Kosmachev M. V. Ukraine: a radical solution. Issues of building a nation-state, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2015, no. 1, pp. 39—49. — In Russ.)

Кусаинов Ш. Государство казахов: Адат и Шариат // Казахстанская правда. 1996. 30 октября.

(Kusainov Sh. State of the Kazakhs: Adat and Sharia, *Kazakhstanskaya Pravda*, 1996, October 30. — In Russ.)

Литвинов В. П. «Народный ислам» как синтез язычества и мусульманской религии в Туркестане: паломнический аспект // Исламоведение. 2018. № 1. С. 54—64.

(Litvinov V. P. "Folk Islam" as a synthesis of paganism and the Muslim religion in Turkestan: a pilgrimage aspect, *Islam Studies*, 2018, no. 1, pp. 54—64. — In Russ.)

Малинкович В. О. О причинах «оранжевой революции» в Украине // Померанчева революція. Версії, хроніка, документи. Київ: Оптима, 2005. С. 19—51.

(Malinkovich V. O. On the causes of the orange revolution in Ukraine, in *Pomerancheva revolution. Versions, chronicle, documents*, Kiev, 2005, pp. 19—51. — In Russ.)

Масанов Н. Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 46—61.

(Masanov N. E. Kazakh political and intellectual elite: clan affiliation and intra-ethnic rivalry, *Bulletin of Eurasia*, 1996, no. 1 (2), pp. 46—61. — In Russ.)

Мацієвський Ю. «Помаранчева революція» крізь призму міждисциплінарних досліджень // Політичний менеджмент. 2005. № 6. С. 7—22.

(Matsievsky Yu. "Orange Revolution" through the prism of interdisciplinary research, *Political Management*, 2005, № 6, pp. 7—22. — In Ukr.)

Маціевский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004—2010 гг. // Полис. 2010. № 5. С. 17—37.

(Matsievsky Yu. Change, transit or cycle: dynamics of the political regime in Ukraine in 2004—2010, *Polis*, 2010, no. 5, pp. 17—37. — In Russ.)

Оловинцов А. Статус Руси в XIII—XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние? М.: Алгоритм, 2018. 432 с.

(Olovintsov A. Status of Russia in the XIII—XVI centuries. Turks or Mongols? Yoke or confrontation? Moscow, 2018, 432 p. — In Russ.)

- Панов В. Почему полыхнуло в Казахстане. Страна несколько дней находилась на грани госпереворота / Столетие. URL: http://www.stoletie.ru/tekusciy_moment/pochemu_polyhnulo_v_kazahstane_864.htm (дата обращения: 22.01.2022).
- Примаков отказался работать с новым министром информации Казахстана. URL: <https://news.mail.ru/politics/49568743/&frommail=1> (дата обращения: 18.01.2022).
- Прохватилов В. Дело языковых патрулей в Казахстане развивается // Фонд стратегической культуры. URL: <https://fondsk.ru/news/2021/10/24/delo-jazykovyi-patrulej-v-kazahstane-razvivaetsja-54748.html> (дата обращения: 22.01.2022).
- Радзиевский В. А. Новые украинские мифы. История и восточнославянское единство // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 11, ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 570—575.
- (Radzievsky V. A. New Ukrainian myths. History and East Slavic unity, in *Russia: tendencies and prospects of development*, 2016, iss. 11, vol. 1, pp. 570—575. — In Russ.)
- Реєнт О. П. Україна в імперську добу (XIX — початок XX століття). Київ: Арії, 2016. 320 с.
- (Regent O. P. *Ukraine in the imperial era (XIX — early XX century)*, Kyiv, 2016, 320 p. — In Ukr.)
- Резников К. Украинцы и русские: идеология и противостояние // Москва. 1996. № 4. С. 128—154.
- (Reznikov K. Ukrainians and Russians: ideology and confrontation, *Moscow*, 1996, no. 4, pp. 128—154. — In Russ.)
- Рябчук М. Ю. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націотворення. Київ: Критика, 2000. 303 с.
- (Ryabchuk M. Yu. *From Little Russia to Ukraine: Paradoxes of Late Nation-Building*, Kyiv, 2000, 303 p. — In Ukr.)
- Солдатенко В. Ф., Сиволоб Ю. В. Передумови і зародження української національної ідеї // Український історичний журнал. 1994. № 2-3. С. 14—28.
- (Soldatenko V. F., Sivolob Yu. V. Preconditions and origin of the Ukrainian national idea, *Ukrainian Historical Journal*, 1994, no. 2—3, pp. 14—28. — In Ukr.)
- Ставицкий А. В. «Конец истории» Украины: уже близко // Livejournal. URL: <https://skeptimist.livejournal.com/215927.html> (дата обращения 15.02.2022).
- Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменности. Алматы: Атамура, 2002. 318 с.
- (Suleimenov O. *Turks in prehistory. On the origin of the ancient Turkic languages and writing*, Almaty, 2002, 318 p. — In Russ.)
- Тайные пружины казахского протеста // Русская весна. URL: <https://resvesna.su/news/1641564461> (дата обращения: 22.01.2022).
- Толочко П. П. Украина: государство или страна? Київ: Довіра, 2008. 208 с.
- (Tolochko P. P. *Ukraine: state or country?* Kiev, 2008, 208 p. — In Russ.)
- Уваров А. Украинские пятна казахского мятежа // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/01/07/ukraiskie-pjatna-kazahskogo-mjadtezha-55272.html> (дата обращения: 25.01.2022).
- Фігурний Ю. С. Особливості і закономірності зародження, формування українського етносу від найдавніших часів до середини XIV ст. на теренах України. Київ: НДІУ, 2010. 158 с.

(Fihurny Yu. S. *Features and patterns of origin, formation of the Ukrainian ethnic group from ancient times to the middle of the XIV century on the territory of Ukraine*, Kyiv, 2010, 158 p. — In Ukr.)

Хайруллин М. Агата Кристи курит в стороне. Корни заговора в Казахстане тянутся к семье Назарбаева // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/agata-kristi-kurit-v-storone-korni-zagovora-v-kazahstane-tjanutsja-k-seme-nazarbaevyh_474431 (дата обращения: 24.01.2022).

Хайруллин М. Казахский Ходорковский, британские НКО и Новый шелковый путь: объясняем механику протестов // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/kazahskij-hodorkovskij-britanskie-nko-i-novyj-shjolkovyj-put-objasnjaem-mehaniku-protestov_473706 (дата обращения: 25.01.2022).

Черных Е. Защитить Оренбург от американцев: настоящий смысл операции миротворцев в Казахстане // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/zashhitit-orenburg-ot-ameriincev-nastojashhij-smysl-operacii-mirotvorcev-v-kazahstane_473725 (дата обращения: 24.01.2022).

Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000. С. 12—33.

(Schnirelman V. The value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnopolitics, in *Reality of ethnic myths*, Moscow, 2000, pp. 12—33. — In Russ.)

Шнирельман В. Арийский миф в современном мире. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 440 с.

(Shnirelman V. *Aryan myth in the modern world*, vol. 2. Moscow, 2015, 440 p. — In Russ.)

Eisenstadt S. N. *Traditional Patrimonialism and Comparative Perspectives*, London: Sage Publications, 1973, 95 p.

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Кондорский Борис Михайлович — кандидат биологических наук, независимый исследователь, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, bmkbbox@mail.ru

Kondorsky Boris Mikhailovich — Candidate of Sciences (Biology), independent researcher, Donetsk, Donetsk People's Republic, bmkbbox@mail.ru

NOUS

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ВЕЧНАЯ КЛАССИКА

Научная статья

УДК 130.1

DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.90-100

А. Гелен

КОНЕЦ ЛИЧНОСТИ?¹

Аннотация. В центре внимания автора статьи — фундаментальная антропологическая проблема — личность в мире. Зафиксирован историко-идейный отход от «господствующего, самим собою разумеющегося образа человека» (антично-христианской парадигмы). Показана специфика современной автору критики культуры через призму представлений об рискогенности массовой культуры (для личности). Обоснована транзитивность в понимании и трактовке основного философско-антропологической категории «личность» в контексте существования современного общества. Раскрыт феномен социокультурного ослепления (слепоты), заключающийся в отрицании негативных сторон жизни, неприятие старения, неспособность учета негативного. Установлена связь между утратой целостности и экзистенциальной дезориентацией (чувством собственной нежелательности). В качестве вывода предложено авторское определение личности.

Ключевые слова: (современный) человек, (подлинная) личность, образ, культуркритика, (массовая) культура, интерсубъективность, действительность, утрата целостности, моральный дефект, приспособление, унификация субъективности

Ссылка для цитирования: Гелен А. Конеч личности? [перевод А. Н. Портнова] // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 90—100.

Original article

A. Gehlen

END OF A PERSONALITY?

Abstract. The focus of the author of the article is a fundamental anthropological problem — a person in the world. A historical and ideological departure from the "dominant, self-evident image of a person" is recorded. The author shows the specifics of the contemporary criticism of culture through the prism of ideas about the riskiness of mass culture (for the individual). The transitivity in the understanding and interpretation of the main philosophical and anthropological category "personality" in the context of the existence of modern society is substantiated. The phenomenon of sociocultural blindness is revealed, which consists in the denial of the negative aspects of life, the rejection of aging, the inability to take into account the negative. A connection has been established between the loss of integrity and existential disorientation (a sense of one's own undesirability). As a conclusion, the author's definition of personality is proposed.

© Портнов А. Н., перевод на русский язык, 2022

¹ Перевод выполнен по изданию: Gehlen A. Das Ende der Persönlichkeit, in *Studien zur Anthropologie*, Berlin, 1963, ss. 328—341.

Keywords: (present) human, (true) personality, image, cultural criticism, (mass) culture, intersubjectivity, reality, loss of integrity, moral defect, adaptation, unification of subjectivity

Citation Link: Gehlen A. (2022) Konets lichnosti? [End of a personality?], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 90—100.

Удобнее всего начать обсуждение нашей темы с помощью краткого контрастирующего размышления. Согласно античному взгляду на вещи, человек обладает способностью к познанию, прежде всего к выделению устойчивых форм бытия, которые лежат в основе бесконечной смены образов, причем эта способность организована так, что нет никакой необходимости задавать вопросы, выходящие за ее пределы. И в этом смысле и нужно понимать часто повторяемое высказывание Парменида² о том, что «бытие существует». Таким представлениям соответствовало представление о человеке как рациональном деятельном существе. Как говорит Р. Дж. Коллингвуд³, у греков было наивное и сильное чувство власти, данной человеку для того, чтобы управлять своими действиями: конечно, судьба всегда нависает над каждым, но опыт учит, как ее избежать. Согласно Геродоту, Амазис отказался от дружбы с Поликратом, так как тот был слишком удачлив.

Согласно раннехристианским воззрениям, человеческая деятельность слепа, в основном человек действует во тьме, он не может знать намерений единственно реально действующего лица — Бога, который осуществляет свои замыслы через него. Поэтому христианские историки должны ссылаться на тот метафизический план, который имел в виду Бог, когда он вызывал к жизни царства и царей, а затем обращал их в небытие. Согласно Ж. Маритэну, Декарт первым предпринял попытку согласовать «высокомерие человеческого разума» с теологией; этим высокомерием он был одержим и сам, «несокрушимое, как добродетель» оно властвовало над его внутренним миром. И если на другой стороне — в

² По всей видимости, имеется в виду фраза Парменида «То γὰρ αὐτο νοεῖν τῆ καὶ εἶναι». Этот фрагмент, по мнению специалистов, имеет несколько десятков различных интерпретаций [Монин, 1997]. Наиболее распространенный перевод, или, скорее, толкование: «мыслить и быть одно и то же» (Плотин, Климент Александрийский) [Фрагменты ранних греческих философов, 1989: 287].

³ Коллингвуд Робин Джон (1888—1943) — британский философ и историк. Наиболее известная его работа «Идея истории» представляет собой сочетание текстов, написанных в различное время и частично прижизненно не опубликованных. Компиляция этой книги принадлежит его ученику Т. М. Ноксу (Т. М. Кнох). В этом смысле повторилось то, что в свое время произошло с книгой Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». Соссюр тоже никогда не писал и не публиковал своей знаменитой книги. То, что нам известно, это записи лекций его учеников, главным образом Балли и Сеше. Коллингвуд полагал, что то, что мы называем «историей», представляет собой восстановление мышления некоторого исторического персонажа; он сомневался, что два человека могут иметь одинаковые мысли (при одинаковом содержании-content), так как не существует неопровержимой теории личностной идентичности, которая могла бы противостоять такому учению. В этом смысле он верный последователь англосаксонского номинализма. Впрочем, еще Секст Эмпирик отмечал, что «...поскольку движения мыслей у каждого свои, то не будет и общей истины, а при отсутствии общей истины все будет неясно и разногласно» [Секст Эмпирик, 1976: 177].

кальвинизме *certitudo salutis*⁴ и идея предназначения вообще занимают центральное место, то это означает, что честно достижимое просветление и отчет в своих поступках в течение сознательной жизни не имеют окончательного значения перед лицом божественного решения, которое нам остается недоступным. Таким образом, признание сверхъестественного и выходящего за пределы нашего разума принадлежит к тем основным требованиям, которые христианство предъявляет верующему.

В наши же дни не может идти речи о некоем господствующем, самым собою разумеющемся образе человека. С одной стороны, мы слышим бодрые заявления о возможности сотворения нового человека и приспособления его к сложным условиям современной культуры. С другой — видим фатализм, утерю мужества и стремление использовать астрологические прогнозы и самомаleastшие шансы, которые нам якобы дает обращение к звездам. Одни хотели бы с помощью широкомасштабного планирования изменить лицо земли, другие мечтают о том, чтобы рента, покрывающая их основные потребности, доставлялась им домой.

Насколько стал невыносимым античный мир, видно на примере современной критики культуры. Хотя в эпоху эллинизма бесконечные победы и поражения, вторжение чужих культур и процессы, разрушающие культуру, делали бессмысленными идею о том, что человек — это деятельное существо, от которого много зависит, тем не менее от такой трактовки человека не отказывались, саму идею активности трактовали в плане внутренней перестройки личности: активно и трезво мыслящий человек должен был сам из себя создавать фигуру, противостоящую существующим условиям. Стоики и киники являли собой пластические образы, которые показали, как можно противопоставить свободу действий хаосу внешних обстоятельств — свободу, уже направленную на достижение того, чтобы собственное Я было свободно от воздействия чуждых событий и судеб. Сам факт, что больше не существует стоического жеста и агрессивной кинической литературы даже в Англии, показывает, что резервы возмущения (*indignation*) уже исчерпаны; они уступили место недовольству нахлебников существующего порядка вещей. Зато у нас сколько угодно «критики культуры» и, как говорит Ортега, так же как «стервятники и гиены питаются падалью», так же существуют «стили мышления, которые расцветают в условиях упадка».

Эта критика культуры есть не что иное, как социальный рефлекс; по большей части речь идет об оборонительных действиях определенного слоя образованных людей, которые в технизированном обществе могут потерять свои социальные функции, либо они не могут ясно их определить. Современному индустриально-бюрократическому обществу требуются — в силу его природы — определенные науки и искусства, как, например, естествознание, медицина, юриспруденция, архитектура. Здесь нет никакого подлинного кризиса, или же он есть, но в том смысле, что прогресс науки требует пересмотра тех ее оснований, которые еще недавно рассматривались как нечто само собой разумеющееся. Но науки о духе, философия, исторические науки, т. е. науки, от которых зависит уровень образованности человека в подлинном смысле, равно как и свободные искусства, действительно находятся в кризисе, и именно поэтому понятие культуры суживается и оказывается применимо только к ним. Для художника

⁴ *Certitudo salutis* — «уверенность в спасении».

или философа, для филолога-античника действительно сложно считать свою деятельность необходимой для общества, общество прямо не требует их услуг, и именно из этих кругов проистекает значительная часть критики, направленной против индустриального общества. Другая разновидность морализирующей культуркритики являет собой превращенную, оттесненную от подлинной революционной агитации оппозицию, которая критикует общество потому, что *уже* не может или *еще* не может его изменить.

Из этих культуркритических позиций нас интересует только одна, а именно та, которая утверждает, что массовая культура угрожает личности. В определенном смысле, который я проанализирую ниже, это верно, но первоначально вводит в заблуждение. Никогда еще не было в мире столько тонкодифференцированной и способной к самовыражению субъективности как ныне, никогда не было так много людей с «чувствительными антеннами». Вообще-то это должно рассматриваться как нечто само собой разумеющееся, если помнить, что мы живем в эпоху психологии. Она началась 100 лет назад — вместе с эпохой великих писателей-романистов, и со смертью Томаса Манна⁵ она не закончилась. Обширные знания тонкостей внутреннего мира человека, вершиной которых во многих случаях являются идеи Ницше, который убил философию с помощью психологии, и Фрейда, который измерил глубину Ахерона⁶, — все это опыт, добытый при исследовании причудливого «внутреннего внешнего мира», который обнажился при распаде старых общественных и ценностных систем. С другой стороны, наблюдается определенная унификация душевной жизни. Но сегодня униформу носят вполне сознательно, и также сознательна унификация субъективности. Собственно говоря, термины «душа» и «дух» не подходят для обозначения формы бодрствующей психики, чьи противоречия сосредоточены в том же самом субъекте.

Часто говорят, что наша психология — психология без души. Это верно, но зато мы имеем психологию индивидуальной субъективности с таким понятийным аппаратом, который вызывает только усмешку. У Пруста, Сартра или Музиля можно найти гораздо лучшее описание каждого нюанса психики. Раньше говорили: дай взглянуть на твой почерк, и я скажу кто ты. Все это осталось в прошлом. Начни какое-нибудь предложение, и я скажу: молчи, все знаю сам. Это современная психология, она хорошо приспособилась к многомерности своих предметов, настолько хорошо, что слишком острый нож, которым оперируют психологи, становится выщербленным и тупым. В этом отношении

⁵ А. Гелен, который в первой половине 1940-х годов сам занимал кафедру психологии Венского университета, считал, о чем писал неоднократно, что современная ему психология не достигла той тонкости психологического анализа, который он видел у классиков литературы XIX — начала XX века, прежде всего французских и русских (Достоевского и Чехова), но также и немецких.

⁶ Ахерон — река в греческой области Эпир (др.-греч. *Ἀχέρων*, ново-греч. *Ἀχέρωντας*). Древние греки верили, что это одна из пяти рек подземного мира, в которую впадают остальные: Стикс, Кокютос, Флегетон и Лета. Наряду со Стиксом она считалась рекой мертвых, через которую Харон перевозит души умерших в царство мертвых. В диалоге Платона «Федон» [Платон, 1993: 74—75] души умерших направляются через Ахерон к озеру, где они отмывают свои прегрешения, после чего могут возродиться к новой жизни. Сам Ахерон считался одним из трех тысяч порождений Океана и Тетис. У Платона мы находим форму *Ἀχέρωντος* — Ахеронт.

оправдываются слова сэра Гарольда Николсона, что «психология с ее вечными подразделениями и добавлениями превратилась прямо-таки в вершину скуки»⁷. Но, прежде всего, следует иметь в виду, что у современного человека имеется некое подобие душевной жизни, которое порождает под влиянием внешних воздействий и из себя самого мысли, чувства, настроения, переживания, страсти, в которых живут отражение, осмысление, утаивание и просвет. А у людей, репрезентирующих современное общество, все это давно вплетено в трудовую деятельность и денежный оборот, в непрерывное вращение магнитофонных лент и типографских машин. Это должно быть упомянуто, прежде чем мы поставим вопрос о личности.

Отметим, что существует особое значение слова «личность», которое мы и рассмотрим вначале. Это так называемая творческая личность, фигура крайне важная в нашем обществе. Это человек, порождающий импульсы, творческие решения, добивающийся успеха в своем деле, вкладывая в него себя целиком, — человек с инициативой и широким видением проблем. Он обладает высокой работоспособностью, умением обходиться с людьми и разрешать сложные проблемы. Из психологических исследований мы знаем, что такой человек должен удовлетворять следующим трем условиям — обладать высоким интеллектом, жизненной энергией, самоконтролем. Нет сомнения, что современному обществу требуется такой тип людей, и оно их порождает. Ведь оно, это общество, открытое, непрерывно разрушающее свои традиции и стремящееся вперед, но одновременно и такое, которое распадается на специализированные виды деятельности, ему постоянно угрожает опасность окостенения в рутинных привычных и отработанных видах операций и деятельности. Потому метарутинёр, человек, который способен подняться над привычными навыками и видами деятельности, прорваться через них (одновременно прекрасно владея ими), превращается в ключевую фигуру этого общества. Везде — в управлении, в политике, в экономике наше общество порождает и использует этот тип «предпринимателя-изобретателя». Отсюда проистекает и своеобразная формализация требуемых качеств: изобретательный, разворотливый, витальный, надежный и т. д. — все это формальные категории, содержательную сторону образуют именно профессиональные способности и результаты. Именно поэтому трактовка личности в этом контексте оказывается в конечном счете ориентирована именно на результаты. Ожидается, что недюжинные способности так или иначе найдут свое отражение в достижениях; личность без успехов в профессиональной сфере представляет собой противоречивое явление. Но как раз для достижения успеха в определенной области требуется ныне нечто большее, нежели профессиональные способности. Личность, понимаемая таким образом, представляет собой некий идеальный тип внутри нашего профессионального мира. От личности конкретно зависит очень многое, но этого идеала не так-то легко достигнуть. Этот

⁷ Сэр Harold Nicolson (1886—1968) — британский дипломат политик (член парламента 1935—1945), журналист и писатель, автор более тридцати книг, посвященных творчеству Байрона, Верлена, Теннисона, Суинберна, Б. Констана, Сент-Бева, практике и истории дипломатии, истории XVIII—XIX веков. В данном случае Гелен, видимо, ссылается на его наиболее известную книгу «Diaries and Letters» [Nicolson, 1966—1968] (несколько томов, освещающих период с 1930 до 1950-х годов, изданных его сыном Найджелом Николсоном).

идеал в высокой степени суггестивен, но путь к нему непрост — тот, кто не смог его достигнуть, сходит с дистанции.

Теперь возникает вопрос, можем ли мы дать определение личности иначе, как через субъективность и продуктивность. При этом ни в коем случае нельзя забывать, что в современном мире работа, труд⁸ стоят на первом месте — все мыслимые трактовки человека и мира возможны только под этим знаком. Если в наши дни мы знакомимся с государственным служащим, инженером, предпринимателем, священником, человеком искусства, то, как правило, все говорят про себя, что они «заработались». Даже сама возможность наслаждаться произведениями искусства открывается нам на высших ступенях модерна только благодаря напряжению, духовному труду. Так, атональную музыку нельзя воспринимать только чувством, а «Дуинские элегии» Рильке не читают ради развлечения. Трудовой характер также и духовной сферы — знак нашего времени. Чтобы утвердиться в мире, необходимо вписаться в структуру больших институтов — это могут быть университеты, церкви, партии, учреждения, предприятия, с другой же стороны, художники и писатели, чтобы выжить, должны позволить втянуть себя в коммерциализированные отношения производства и сбыта. Одновременно человек оказывается в сфере социального и здесь проявляется второй знак времени: вся жизнь находится под гипнозом социального. Каждый общественный институт вынужден стремиться к власти и влиянию в той степени, в которой он хочет сохранить себя, подпадая под диктат тех представлений, которые существуют у нас о социальном. И если мы сложим вместе социальное и труд, добавим к этому субъектность, то действительно возникает вопрос — что же еще есть в нашей жизни, что не покрывается этими тремя категориями. Но все же мы могли бы добавить сюда все наши задатки и способности. Никто кроме меня⁹ не подчеркивал так настойчиво, что все наши личностные достижения, должны, прежде всего, опираться на общественные институты, в которых мы живем. Профессия — это становой хребет жизни, сказал именно Ницше, у которого его как раз и не было. Но она же влечет за собой *déformation professionnelle*, односторонность, узость и окостенение, которые абсолютно неизбежны.

В современном мире сферы труда и социального обнаруживают явную тенденцию к улучшению условий жизни, к росту производства и его все большей эффективности, к устранению тех препятствий, которые лежат на пути к большому счастью все возрастающего числа людей, — эвдемонистическая тенденция, пренебречь которой не может ни один общественный институт, если только он хочет выжить. Тем самым, этос труда в глубине и сам эвдемонистичен. Я не знаю, на каком основании порой утверждают, что вера в прогресс осталась в прошлом. В прошлом — в том смысле, что прогресс в указанном смысле уже не предмет веры, а действительность. И поскольку мы все преданы труду

⁸ «Die Arbeit» имеет в немецком языке несколько иное семантическое поле, чем в русском, означая первоначально, прежде всего, усилия по преодолению некоего препятствия.

⁹ Гелен имеет в виду большую серию статей, написанных в начале 1950-х годов, а также две книги «Die Seele im technischen Zeitalter» [Gehlen, 1957] и «Urmensch und Spätkultur» [Gehlen, 1956], в которых он развивал идею общественных институтов как средства развития и воспитания человека.

до глубины души, постольку мы участвуем в деморализации, которой оплачивается прогресс.

Она же состоит, прежде всего, в том, что негативные стороны жизни становятся неприемлемыми. В общественной жизни мы видим это везде: социальная дисциплина начинает распадаться, как только возникают чрезвычайные ситуации. По крайней мере этого опасаются, иначе бы искусство оперировать на линии наименьшего сопротивления не получило бы такого распространения. Что касается отдельных людей, то теряются способности, позволяющие включать болезни, нужду и разочарование в жизненные планы. Все это отбрасывается, больше не включается в жизнь. Действительно, это должно исчезнуть, но когда негативное в жизни виснет на воротах, то деваться некуда. Вездесущие страх и раздражительность являются, по всей видимости, отражением неспособности постоянно иметь в виду угрожающие жизненные обстоятельства, не говоря уже о том, чтобы опереться на них в повседневной жизни. Ханс Фрайер¹⁰ подчеркнул недавно, что современный человек не «живет», а «подчиняется течению жизни» (*nicht lebt, sondern gelebt wird*). Его влечет поток все возрастающего производства иллюзий, порождаемых средствами массовой информации. Но если он однажды очнется от этого морока, то увидит — *qui serra vécu, verra*¹¹.

Частью этого ослепления является отрицание старения. Этот процесс, сам по себе неприятный, больше не принимается во внимание, общество не предусматривает для стареющего человека ни функций, ни социального статуса. Он сам должен справляться со своими жизненными обстоятельствами, не имея для этого моральных и физических сил. И поскольку мы думаем с помощью шаблонов, которые предлагает нам общество, то у нас отсутствуют категории для того, чтобы включить процесс старения в смысловые структуры intersубъективного характера, т. е. примерить эту ситуацию к самим себе.

Неспособность учитывать негативное, смесь из оптимизма и страха — сквозная черта современного человека, моральный дефект, впрочем, не затрагивающий этического содержания десяти заповедей, что свидетельствует о многомерности морали. Однако для того, чтобы полностью принимать жизнь, хотя в ней *per saldo*¹² не так-то много приятных моментов, пусть даже каждое слово

¹⁰ Hans Freyer (1887—1969) — немецкий философ и социолог консервативного направления [Freyer, 1931] в работах, опубликованных до 1933 года [Freyer, 1923; 1925], он рассматривал государство как высшую форму развития культуры. Позднее под влиянием исторических событий он пересматривает эту точку зрения и в своих работах о Маккиавели [Freyer, 1938] и Фридрихе Великом [Freyer, 1986] приходит к пониманию государства как общественного образования, направленного на общее благо, легитимированного перспективами развития; государство не имеет права целиком поглощать человека, но все-таки должно накладывать на каждого отпечаток общей цели, охраняя вместе с тем свободу и человеческое достоинство каждого гражданина. В вопросе о легитимности государства Фрайер соединил идеи естественного права и классического буржуазно-гуманитарного Просвещения: только то государство легитимно, которое выполняет условия, которые народ имел в виду, передавая свою власть правителям. Его работы оказали большое влияние на философствование Гелена в 1945—1970-годах, хотя ссылки на его работы почти отсутствуют у Гелена.

¹¹ «*Qui serra vécu, verra*» — здесь Гелен явно допустил ошибку, очевидно полагаясь на память. Французская поговорка «поживем, увидим», звучит так: «*Qui vivra, verra*».

¹² «*Per saldo*» итал. — «в общей сложности».

массмедиа уверяет нас в обратном, — для этого требуются нравственные силы. Теперь мы приближаемся к понятию личности, или, может быть, к отдельным признакам, которые могут быть суммированы в этом понятии, если попытаться раскрыть его в нравственном смысле. В таком случае личность становится чем-то недействительным. Главным же критерием становится способность отдавать себе отчет в реальности.

Способность воспринимать действительность и включаться в бурление жизни, в поток переживаний, стремиться к достижениям даже ценой чрезмерных усилий, но без эскапизма, — это встречается отнюдь не часто. В повседневности все реже встречаются люди, способные полностью оценить ситуацию, например, которая возникает в коммуникации с глазу на глаз, не просто репродуцирующей бессмысленную болтовню, имеющую своим истоком вечную оглядку на общественные обстоятельства и расхожие мнения и с легкостью использующую формулы, давно ставшие привычными. Признание и принятие негативных сторон жизни и связанного с ними отказа от определенных радостей жизни также должно базироваться на чувстве реальности. С этим соединен, как я полагаю, отказ от так называемой «большой картины мира». Разделы науки уже не умещаются под одной обложкой. Иногда ученым удается соединить некоторые разделы наук в нечто единое, тогда как другие разбегаются в стороны. Только в одной психологии в наличии три или четыре направления, которые больше не в состоянии достичь взаимопонимания¹³. Но так обстоит дело везде: никто уже не может точно сформулировать, в чем должно заключаться понятие широкой образованности; а если мы попытаемся опереться на резервы классики, то окажется, что все это устарело: из понятий классической физики невозможно вывести современные, из ценностей классической живописи — ценности современной. Здесь я веду речь только об ориентации внутри мира, но конечно и философии тоже, к которой применимы слова Гёте, сказанные относительно Якоби¹⁴: тому не хватало естественных наук, из нравственных понятий не получается всеобъемлющей картины мира. Но этот недостаток проистекает из сущности вещей: все эти главы невозможно соединить вместе, а все, если не удастся соединить, тогда частное, партикулярное, пытаются выдать за всеобщее — особенно в философии, искусстве, мировоззрении. Именно здесь лежат дискуссионные проблемы, связанные со специализацией всякого труда и с потерей личности, проистекающей из этих обстоятельств.

Утрата целостности представляет собой существенную проблему, поскольку современный человек вынужденно включен в мировые связи делового характера, которые приводят к его дезориентации. Ежедневно на нас обрушиваются огромные объемы информации со всего мира, мы вынуждены формировать свое мнение о процессах, затрагивающих гигантские проблемы, выходящие за пределы наших интеллектуальных способностей и эмоциональных возможностей. В повседневной жизни мы часто существуем в ситуациях, которые уравнивают нас — в худшем смысле. Если я заболеваю, то как пациент оказываюсь под властью определенных правовых категорий, прием на работу или увольнение

¹³ Нечего и говорить, что в настоящее время число таких направлений существенно больше четырех.

¹⁴ Скорее всего, речь идет о знаменитой фразе «Бог наказал тебя метафизикой, — всадив ее тебе, как кол в тело, — меня же, напротив, благословил физикой».

превращаются в политическое событие, производственное совещание — в уравнение со многими неизвестными, многие решения в нашей жизни становятся превентивными, так как никто не знает, кто и во что имеет право вмешиваться или какое право вмешательства он заполучит в ближайшем будущем.

Здесь я вижу главную опасность для личности. В таких условиях она вынуждена чувствовать себя нежелательной. Когда все определяют политика, информация, общественная жизнь, личность чувствует себя ненужной, даже мешающей. Еще немного, и мы будем думать, что наше сознание — это только представления, требования и мнения, вложенные в нас *другими*. У нас воспитывают чувство безграничной ответственности, но при этом мы не знаем, за что же мы, собственно говоря, отвечаем. Ведь все, что кажется связанным, на самом деле не связано между собой, либо связано, но так, что мы не знаем, как именно. Таким образом, мы оказываемся отчужденными от самих себя либо оказываемся в центре чуждых нам интересов, чужих мнений, фактов и фикций.

Трудности осознания смысла действительности связаны не только и не столько с тем, что нам необходимо прорваться через пену и видимость к действительности. Ведь и видимость, фасад явлений могут иметь и нередко имеют свое собственное оправдание. Проблема состоит в том, что объем того, что является нам как действительность, и уже в силу этого общезначимое, слишком велико для каждого из нас, мы не в состоянии свести все это воедино и в этом качестве обдумать должным образом. Когда на нас наваливаются факты и новости, окутанные облаками агитации, угроз, требований всякого рода, полемики и разных мнений, тогда совсем неслучайно мы превращаемся в очень осторожных защитников своих собственных интересов.

Теперь мы можем обобщить сказанное в философской форме. Кант держался мнения, что наши обязательства в отношении деятельности простираются значительно дальше, нежели наши способности познания. На этом основывается, полагал он, вера, которая играла роль движущего механизма, заставляющего нас прокладывать прямой путь через чащу непознаваемого. Может быть, тем самым действительно затронуто нечто существенное в вере, которая и ныне полагает быть достаточным основанием для деятельности человека, живущего — по своей сущности — во тьме.

В этой связи мы могли бы затронуть еще один пункт. Наши знания, мнения, наша информация, даже наши действительные и мнимые обязательства, простираются несравнимо дальше, чем мы могли бы действовать с полной ответственностью. Если не иметь в виду атеизм, то это отдаленность от Бога: мы должны как-то справляться с ситуациями, которые не можем переработать ни интеллектуально, ни морально, ни чувственно-аффективно.

Таким образом, мы можем понять часто встречающийся, ставший практически обязательным тип приспособления. Вся наша культура с ее богатством, бесчисленными противоречиями и несовместимостями подводит нас к фиктивной всесторонности, к попыткам следовать за ней с помощью обогащения сферы чувственных впечатлений, образов и мыслей. Напряжение такого рода просто висит в воздухе, а тот, кому удастся избежать этой атмосферы, чувствует дуновение кошмарного или потустороннего. Из хаотизации действительности с определенной степенью необходимости происходит вся та пена, которую мы относим к развитию и обогащению субъективности (по большей части ложному). Но если представить себе, что всего этого нет, то останется только сухой остаток

ограниченных жизненных обстоятельств и крайне малый запас собственных впечатлений и способностей. Теперь вряд ли кто согласится вернуться к таким жизненным обстоятельствам, не очень отличающимся от унылого существования промышленных рабочих — пока они не стали получать хорошее вознаграждение за свой труд.

Совершенно очевидно, если мы хотим уделить личности более серьезное внимание, то мы не имеем права ограничиваться только эстетическими или социальными моментами, но должны исследовать ее реальный контакт с действительностью. Личность не должна участвовать в том, что Карл Шеффлер¹⁵ назвал «буржуазной смесью из жажды удовольствий и утопии». Реальный контакт с действительностью выражается в понимании того существенного, что невозможно превратить в пустую болтовню, и в осмыслении тех вещей и образов поведения, которые имеют шансы на длительное существование.

Почему слово «красота» исчезло из нашего обихода, почему так мало людей, которых мучают ясно поставленные вопросы личностного свойства? Напротив, возникает все больше расплывчатых проблем, которые изначально не поддаются решению. Например, проблема «использования свободного времени» или «хулиганствующих подростков». В этих случаях нет никого, кто бы за это отвечал, и мы можем лишь дискутировать об этом. Почему даже в дискуссии по вопросам искусства подмешивают яд политического доносительства? Почему господство «великой посредственности» (Жан Кокто) не подвергается никакому сомнению? Именно потому, что все это лежит на линии наименьшего сопротивления, и мы заблудились в мире, где все оказалось несвязанным. Тот, кто будет блуждать между дорожными указателями, никогда не выберет крутой подъем. Как раз именно здесь мы натываемся на сучок в бревне, и кто готов с этим справляться, тот-то и есть подлинная личность, если это слово должно получить действительный смысл.

Вы обратились к философу с вопросом и получили философский ответ. Заметьте, Вы ничего не услышали о судьбах Запада либо об экзистенции, но речь шла о том, как осмыслять те ситуации, которые представляются незаметными, и о невероятности случайной удачи. Ничего о взлете, но о сухих и скучных вещах, ничего о так популярном ныне чувстве ответственности без соответствующей компетенции, но об умении отказываться. И теперь у нас получаются совершенно иные признаки личности, нежели в психологических работах и в сфере управления персоналом: умение смолчать, признание реальных трудностей, отказ от пропагандистских трюков в общественной сфере, подлинное умение делать выводы, поскольку мы все еще верим в истину, презрение по

¹⁵ Карл Шеффлер (Karl Scheffler) — немецкий художник, архитектор, критик и публицист, искусствовед, почетный доктор Цюрихского университета (1944), издатель журнала «Искусство и художники», запрещенного после прихода нацистов к власти. Гелен ссылается на его книгу «Будущее немецкого искусства» [Scheffler, 1918]. До Первой мировой войны был горячим защитником немецкого импрессионизма. После 1918 года немецкий авангард, который собственно и вырос из импрессионизма, становится ему все более чужд, что вызвало на страницах журнала ожесточенную полемику с Людвигом Юсти, директором Немецкой Национальной галереи, Эта полемика получила название «Берлинская музейная война» [Scheffler, 1921]. Наибольшее влияние из его 15 книг имели работы, посвященные немецкому импрессионизму до 1914 года, работа «Немец и его искусство» [Scheffler, 1907], также книги по архитектуре Берлина.

отношению к легким победам и *facilités*¹⁶, готовность понимать других. Где Вы найдете все это? Это добродетели, которым противятся все ветры сегодняшнего дня. Из числа личностей необходимо исключить всех, кто знает, как достичь успеха с помощью слов, кто болтает об ответственности, но при этом нет никого, кто поручил бы ему что-то ответственное. Все это ныне обычные образы поведения. Поэтому Вы можете оценить шансы личности в наше время, и тема «Конец личности?» сохраняет свой вопросительный знак.

Библиографический список / References

- Монин М. А. Пути Парменида // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 115—131.
- Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.
- Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 61—376.
- Платон. Федон // Платон. Собрание соч. в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 7—80.
- Freyer H. *Der Staat*, Leipzig: Rehfelden, 1925, 216 s.
- Freyer H. *Theorie des objektiven Geistes. Eine Einleitung in die Kulturphilosophie*, Leipzig; Berlin: Teubner, 1923, 120 s.
- Freyer H. *Revolution von rechts*, Jena: Diederichs, 1931, 72 s.
- Freyer H. *Machiavelli*, Leipzig: Bibliographisches Institut, 1938, 172 s.
- Freyer H. Preußentum und Aufklärung, in Üner E. (ed.) *Preußentum und Aufklärung und andere Studien zu Ethik und Politik*, Weinheim: Acta Humaniora, 1986, ss 1—70.
- Gehlen A. *Urmensch und Spätkultur. Philosophische Ergebnisse und Aussagen*, Bonn: Athenäum, 1956, 300 s.
- Gehlen A. *Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft*, Hamburg: Rowohlt Verlag, 1957, 132 s.
- Nicolson H. *Diaries and Letters*, London: Collins, 1966—68, in 3 vols.
- Scheffler K. *Der Deutsche und seine Kunst: Eine notgedrungene Streitschrift*, München: Verlag R. Ripper & Co., 1907, 58 s.
- Scheffler K. *Die Zukunft der deutschen Kunst*. Berlin: Cassirer, 1918, 40 s.
- Scheffler K. *Berliner Museumskrieg*, Berlin: Cassirer, 1921. 120 s.

Перевод принят к публикации 01.06.2022.

The translation accepted for publication 01.06.2022.

¹⁶ *facilités* — способности.

НЕИЗРЕЧЕННОЕ СЛОВО

Научная статья
УДК 1(091)(470+571)
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.101-114

Г. С. Смирнов

А. Н. ПОРТНОВ: ЖИЗНЬ ФИЛОСОФА-ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Аннотация. Статья обращается к феномену малой ноосферной истории — университетской интеллектуальной истории. В центре внимания автора статьи — жизненный мир профессора А. Н. Портнова. Представлена динамика научного творчества — от философии сознания к философии языка, от философской антропологии к когнитивным исследованиям. Определены исследовательские приоритеты в рамках философской области знания, метафорически зафиксированные в термине «антропологическая семиотика». Выявлены фундаментальные основания этоса философствования и координаты антропологии мироповседневности — аскеза, экзегеза и «антитеза». А. Н. Портнов показан как представитель «реальной философской антропологии», призванный жить в отчужденном от здравого смысла мире, при этом делающий все для очеловечивания человека. Сделан вывод о принципиальной асинхронности системы ценностей философа и системы ценностей общества в отношении материального и духовного производства.

Ключевые слова: философия языка и сознания, философская антропология, да-зайн, антропологическая семиотика, мироповседневность, жизненный мир, философская экология, малая ноосферная история, духовное производство

Ссылка для цитирования: Смирнов Г. С. А. Н. Портнов: жизнь философа-интеллектуала в русской провинции // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 101—114.

Original article

G. S. Smirnov

A. N. PORTNOV: THE LIFE OF THE PHILOSOPHER-INTELLECTUAL IN THE RUSSIAN PROVINCE

Abstract. The article refers to the phenomenon of the small noospheric history — university intellectual history. The focus of the author is the life world of professor A. N. Portnov. The dynamics of scientific creativity — from the philosophy of consciousness to the philosophy of language, from philosophical anthropology to cognitive research — is presented. Research priorities are defined within the framework of the philosophical field of knowledge, metaphorically fixed in the term “anthropological semiotics”. The fundamental foundations of the philosophizing ethos and the anthropological coordinates of everyday life — asceticism,

© Смирнов Г. С., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 101—114 •

exegesis and “antithesis” are revealed. A. N. Portnov is shown as a representative of “real philosophical anthropology”, called to live in a world alienated from common sense, while doing everything to humanize a human. The conclusion is made about the fundamental asynchrony of the philosopher's value system and the society's value system in relation to material and spiritual (inner) manufacturing

Keywords: philosophy of language and consciousness, philosophical anthropology, dasein, anthropological semiotics, everyday life world, vital world, philosophical ecology, small noospheric history, spiritual (inner) manufacturing

Citation Link: Smirnov, G. S. (2022) A. N. Portnov: zhizn' filosafo-intellektuala v russkoy provintsii [A. N. Portnov: the life of an intellectual philosopher in the Russian province], *Noosphernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 101—114.

Профессор А. Н. Портнов (1947—2010) — ученый-философ, в течение двух десятилетий в значительной степени определял логику и стратегию развития философской жизни ивановского региона. Он являлся заведующим кафедрой философии Ивановского государственного университета, членом ученого совета ИвГУ, Председателем докторского диссертационного совета по философским наукам, Председателем Ивановского отделения Российского философского общества, кроме этого был членом диссертационного совета по филологическим наукам, преподавал в ИГХТУ, ИГЭУ, в других ивановских вузах.

В аспирантуру к Н. П. Антонову А. Н. Портнов пришел выпускником факультета романо-германской филологии, сам выбрал главное направление своих философских интересов — философию языка и сознания. Его кандидатская диссертация «Роль языка в познании и осознании действительности» (Горький, 1980) переросла в исследования, завершившиеся написанием докторской диссертации «Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: Методологический анализ основных направлений исследования» (Иваново, 1997).

Позднее А. Н. Портнов обратился к философской антропологии, главным образом — к немецкой. Переводы и аналитика трудов А. Гелена [Гелен, 2007], [Портнов, 2004], М. Бубера [Портнов, 2008b], Л. Клагеса [Портнов, 2005], Х. Ортега-и-Гассета [Портнов, 2003], М. Хайдеггера [Портнов, 2006; 2007b], А. Щюца [Портнов, 2007a], еще более укрепили высокий научный авторитет профессора А. Н. Портнова в отечественном и зарубежном философском сообществе, который сложился после выхода монографии «Язык и сознание: Основные парадигмы изучения проблемы в философии XIX—XX вв.» [Портнов, 1994].

Профессор А. Н. Портнов подготовил для ивановских и других российских вузов значительное количество докторов и кандидатов философских наук. Для него как научного руководителя были характерны, с одной стороны, внимание к интересам своих подопечных, а с другой — строгость в выполнении ими требований этоса философской науки.

Как заведующий кафедрой — почти два десятилетия — А. Н. Портнов проявлял качества, дающие возможность своим сотрудникам плодотворно работать над образовательными и научными проблемами. Такой подход создавал на кафедре атмосферу, способствующую профессиональному росту каждого преподавателя. Кафедра не имела возможности приобретать достаточное количество

новой литературы, но на столе заведующего всегда лежали стопки новых книг и ксероксы статей, по которым можно было ориентироваться в основных направлениях развития той сферы науки, которой он занимался. Стремление к знакомству с творчеством отечественных и зарубежных ученых-энциклопедистов для А. Н. Портнова было приоритетным.

Самой замечательной чертой Портнова-ученого была интеллектуальная щедрость, он умел в долгих беседах со своими подопечными протестировать и интеллектуальные возможности, и человеческие качества, и найти адекватные способы научного руководства, подсказать пути возможных решений. По этой причине результативность в подготовке научных кадров была достаточно высокой. Вообще антропологическая и личностная направленность в коммуникации была для А. Н. Портнова доминирующей, он мог часами разговаривать по телефону, одновременно находясь в Интернете и делясь какими-то интересными сюжетами.

Думается, что, работая на стыках философии языка и сознания [Портнов, Смирнов, 2004], семиотики и лингвистики [Философия языка..., 1995], философской антропологии и общей этологии [Портнов, Смирнов, 2007], А. Н. Портнов открывал для себя новую область знаний, которую можно было бы назвать «*антропологическая семиотика*». Личностная антропологическая семиотика проявлялась в невероятной наблюдательности, он подмечал мельчайшие особенности в поведении или высказываниях собеседника, что делало его похожим на врача или следователя. Эти профессиональные качества, как и лингвистические наклонности, достались Александру Николаевичу от отца (известного в области прокурора), а он в свою очередь передал их по наследству сыновьям — оба стали юристами...

В юности А. Н. Портнов занимался спортом — тяжелой атлетикой, что позволяло ему выполнять огромный объем работы и одновременно задавало состоятельность в достижении определенных на перспективу целей, будь то получение грантов или достижение высоких результатов рейтинга кафедры.

В интеллектуальной (ноосферной) истории университета заведующие кафедрами выполняют особую миссию, их трудами формируется преемственность, без которой не существует жизнь научной школы и научной традиции. Профессор А. Н. Портнов вывел деятельность ивановской философской школы, у истоков которой стоял его учитель Н. П. Антонов, на новый уровень. К сожалению, многие задумки А. Н. Портнова в области философских исследований оказались нереализованными, но его «неизреченное слово» и сейчас заставляет думать над трудными вопросами его аспирантов и докторантов.

Никто из старшего поколения — нынешних провинциальных профессоров-пенсионеров — не ожидал, что реформация российского образования в ее «земском» («замкадовском»), а не «опричном» (избранные вузы «интенсивного развития») состоянии так незаметно быстро дойдет до состояния дегенерации: все надеялись, что мир провинциальной культуры окажется востребованным новым восходящим классом олигархов, почему-то думалось, что рынок обеспечит свободу мысли и возможность ее всесторонней презентации. Ушедшая эпоха — эпоха надежд на лучшее — теперь вспоминается ностальгически и даже радостно. Вспоминая философа-интеллектуала А. Н. Портнова, мы открываем для себя непреходящие ценности университетской истории, которые для любого

региона могли бы стать эвристичными формами устойчивого развития, и может быть действительно, когда-нибудь еще станут востребованными.

Мозаика повседневной жизни представлена по законам памяти, она, по сути, форма постмодернизма, но главное, что в ней хотелось бы показать — российский дазайн, подлинное бытие несмотря ни на что. Пусть эти воспоминания будут продолжением «Неизреченного слова» — книги, посвященной памяти профессора Портнова [Неизреченное слово..., 2012].

Чашка кофе. Как-то раз в 2005, очевидно, это был один-единственный случай, он пригласил к себе домой выпить чашечку кофе. На прекрасно меблированной кухне стоял бошевский аппарат для приготовления кофе, и мы с некоторым трудом воспользовались его услугами. Кофе был прекрасный, и разговор строился, мы успели поговорить и о кафедральных делах, и о проведении мероприятий в подшефной школе, которая была рядом с его домом, и о всяких личных человеческих сюжетах, но главное было в другом — А. Н. был очень доволен тем, что наконец-то может по-человечески (по-профессорски) посидеть с коллегой дома, не испытывая дискомфорта по тому или иному житейскому обстоятельству. Это новое время, которое пришло в Россию, вселяло в него большие надежды. Потом что-то изменилось, стало ясно, что страна входит в очередной виток какого-то непонятного мифа, но осмыслить новую ситуацию в полном объеме было сложно.

Кот, который гулял сам по себе. Кот, который гулял сам по себе, — постоянный персонаж разговоров, и иногда даже философских рассуждений. Мышление и поведение кота (любимца А. Н., которого иногда приходилось выгуливать на поводке) — этого вечного спутника человеческой жизни — бесконечно абсолютно доказывало, что человек — всего лишь несовершенное животное. И с этим несовершенством надо просто смириться и признать, что это неотменимый факт бытия. Это беспрагматичное животнoлюбие сформировало качества, которые иногда доставляли А. Н. много беспокойств и ставили его в трудное положение. Он принимал на работу бывшего аспиранта, а затем должен был вести за него занятия и ходить к проректору объясняться, почему преподаватель не вышел на занятия или почему он «слишком строг со студентами во время экзамена».

Руководитель, который признает право нижестоящего на некоторую свободу, в наше время еще более редкое явление, чем это было при коммунистическом режиме. За почти двадцать лет своего «правления» А. Н. старался не переходить границу между человеческим отношением и пристрастиями эффективного менеджера, ибо это последнее превращает коллег в персонал атомизированной структуры. Диссипация человеческого, произошедшая в псевдо-рыночном (мизантропо-олигархическом) обществе, очень хорошо чувствовалась А. Н., поэтому неслучайно, что из материалов, накопленных во время стажировки в Москве в 2005 году, он выбрал как переводчик статью А. Гелена «Образ человека в свете современной антропологии», в которой выражена одна из главных мыслей жизни человека в условиях трагедий и соблазнов XX века. Эта статья (которую полезно прочитать целиком) раскрывает, на наш взгляд, ключевые позиции не только современного человека вообще, но и мироощущения самого А. Н.: «Именно там, в объективном предметном мире, находится центр тяжести

нашей экзистенции как действующего и деятельного бытия. То усилие, с которым связан наш труд в поте лица, являет собой, вероятно, решающую категорию антропологии. Именно так, как это подразумевается в Библии: готовность влечений человека к чрезмерному развитию и получению удовольствия *тормозится внешним миром*. Если это так, то поскольку давление нужды ослабевает, чрезмерная разгрузка от работы становится опасной. Может быть, это еще один шаг на пути к раскрепощению ужасающей естественности» [Гелен, 2007: 48].

Философия как точная наука. О профессорской выучке он говорил и в своем выступлении на 100-летию Н. П. Антонова, вспоминая, как тот пригласил преподавателей французского языка для консультаций о правильном написании имени французского антрополога (в то время Н. П. Антонов готовил статью в журнал «Философские науки»). Сам же он иногда вылавливал в своих текстах «вкравшиеся буквы» в иностранных словах и кропотливо вручную их обязательно исправлял во всех экземплярах, лишний раз демонстрируя, что философия — в действительности не просто наука, но точная наука... И сейчас, когда А. Н. увидел бы «непрофессиональные игры» со словами и звуками, он был бы недоволен, но вряд ли осудил, а просто поиронизировал. (Дазайн — «здесь бытие» иногда переводят как «мое бытие в качестве вот», однако, может быть, эту формулу еще более по-хайдеггеровски можно было бы расшифровать как «мое бытие в качестве Тот», что намекает не только на герменевтику, но и на герметическую философию в целом, а сам термин «дазайн» может быть *услышан* и как «первобытие».) [Смирнов, 2015].

Закон ректора Егорова. Поработав некоторое время в должности ректора, В. Н. Егоров сформулировал закон, согласно которому «человек, если может не делать, не делает, и все делает для того, чтобы ничего не делать». Судя по всему, один из главных эмпирических фактов, лежащих в основе этого эмпирического общения, был заведующий кафедрой А. Н. Портнов. Стратегия А. Н. заключалась в простом временении. Он никогда не брался исполнять последние пришедшие на кафедру бумаги, начинал делать только после того, как будет третье напоминание. Он прекрасно знал, что две трети бумаг совершенно бессмысленны и служат только для игр высокооплачиваемых чиновников где-то там наверху. Такое мог позволить себе, естественно, только ученый-профессор высокого уровня, на которого близкое начальство могло «махнуть рукой». Иногда А. Н. приходил расстроенный, иногда (это было нечасто) он приходил в раздражении на заседание кафедры и осуществлял накачку по вертикали, но чаще всего оставлял проработки в себе, не нагружая преподавателей. Он был абсолютно уверен в том, что, с одной стороны, бесконечный бюрократизм — это неизбежно, а, с другой, что это бессмысленно, поэтому относился по-философски даже когда на ученом совете говорили: «Философы ко всему относятся по-философски, поэтому будем их "ремонттировать" в последнюю очередь». Когда общеуниверситетскую кафедру, которая осуществляла подготовку аспирантов и при которой функционировал докторский совет, отправили в пятый корпус к «посадской бане», он не возмущался, а, рассматривая это как благо, засучил рукава и обустроивал свой кабинет и кафедру... Потом, пообвыкнув, он, конечно, расстраивался: «Хотел бы пригласить коллег из Германии на конференцию, но боюсь, что если они зайдут в туалет в 5 корпусе, им мало не покажется». Поэтому и хотел и боялся проводить конференции, соответствующие его профессиональному уровню. Ноосферные конференции хоть и не составляли предмет его

интереса (однажды проректору по науке даже пришлось заставлять его присутствовать на конференции как официальное лицо) [Дмитревская, Портнов, Смирнов Г. С., 2002], [Дмитревская, Портнов, Смирнов Д. Г., 2002], [Портнов, 2001], [Портнов, Шишкина, 1998], он видел эвристическую ценность ноосферно-семиотических исследований. А вот конференции по когнитологии, инициированные его бывшим докторантом Т. Б. Кудряшовой, вызвали у него живой интерес и соответственно поддержку [Портнов, 2008а]. Когда нынешние образовательные реформы рубрицируют статус вузов, то исчезает и подпитка для серьезных научных школ. Власть, одаренная футбольным сознанием, не понимает, что на футболе далеко не уедешь, что нужно поддерживать духовную жизнь и духовное производство в самых различных его проявлениях, а не только в сколковских приоритетах.

«Слава Богу, что среди нас верующих нет!». Как-то после кандидатских защит философскому диссертационному совету, которым в течение более чем десяти лет руководил А. Н., неожиданно устроили праздник в лучших традициях русского стиля. Обычно такого рода традиционный товарищеский ужин является неформальным продолжением самой процедуры защиты и то, что не следовало бы сказать по протоколу, проясняется в совместной неформальной беседе. Философы по своей ментальной природе отличаются от ученых, но они отличаются и от богословов, точнее было бы сказать, что философы парадоксальным образом балансируют на грани науки и религии. Именно по этой причине для самих членов совета совместная беседа порой оказывается более значимой, чем обсуждение диссертации, хорошо знакомой по текстам, по крайней мере, авторефератов. Один из коллег, поздравляя новоиспеченных кандидатов, обронил фразу, которая не только показывает определенный философский позитивизм, но и очень точно выражает смысл промежуточного бытия постсоветского времени. «Слава Богу, среди нас верующих нет!» Некоторые из присутствующих с этим не согласились, но спорить не стали, по той причине, что за этой фразой обнаруживают себя несколько смыслов, а проблема эмоционального воцерковления существенно отличается от обретения внутренней фундаментальной веры. А. Н., будучи предельно светским и в некоторой степени даже атеистическим человеком, всегда умел отличать религиозное и научное в их разнообразных проявлениях, более того, он прекрасно чувствовал религиозное лицемерие и истинную веру, что было связано с его глубоким знанием человеческой природы. Примитивная вера и кондовая обрядовость отторгается образованным человеком, ибо она есть некая форма институционального обмана (как, например, обманом может рассматриваться слепая вера в коммунизм по хрущевско-брежневской модели), от которой советское общество так стремительно и неожиданно избавилось в 1980-х годах, когда коммунизм по предсказанию Н. С. Хрущева не случился. Однако с годами человек обретает некую корневую веру, она просыпается в нем как реакция на смерть самых близких людей. После смерти матери А. Н. стал иным, произошел какой-то мировоззренческий сдвиг.

Аскеза и экзегеза. В русской и российской православной традиции достаточно определенно работал императив не только в целом христианской веры, но и большинства мировых религий *ora et labora*. Для А. Н. в известной степени была еще одна формула, которой он подчинял себя и свою жизнь, — аскеза и экзегеза. Для него не было значимо внешнее. Он, например, мог прийти на планерку к ректору небритым или не очень качественно побритым, после чего

ректор предлагал купить ему новую бритву от университета, а сам А. Н. рассказывал об этом с юмором, безо всякой обиды. Он любил ходить, надев под пиджак свитер, рубашка и галстук были для него столь же необычны, как отказ от самости, от своей особой портновской идентичности, когда он, не обращая внимания на статусность, мог сформулировать свою точку зрения по какому-либо научному или жизненному вопросу. Он был неприхотлив в еде и предельно терпим (как бы сейчас сказали, толерантен) к людям: однажды на защите докторской диссертации соискатель из Москвы не только не организовал утренний чай для членов диссертационного совета, прибывших из других городов, но даже не выполнил минимум для многочасовой процедуры защиты — на столах членов совета не было минеральной воды. Как председатель совета он ни словом не дал понять, что этот факт может рассматриваться как неуважение к ученым мужам.

Второй сюжет связан с постоянной нацеленностью на экзегезу в широком смысле слова, он всегда готов был полноформатно прокомментировать научное выступление, текст статьи, указать на неточность и ошибочность. Экзегеза могла рассматриваться как смысл его научного бытия, ибо он никогда не выходил из пространства толкования смыслов текстов и смыслов событий. Правда, в этом случае сакральные стороны не были главенствующими, хотя в какой-то мере подразумевались. Языковая интуиция всегда выступала на первый план. Однажды на кафедре зашел спор о том, как правильно говорить «дискурс» или «дискурс», в словаре ударение стоит на «и», но А. Н. предпочитает говорить на «у». В конечном итоге порешили, что пусть каждый говорит в меру своей «испорченности», понимая, что за ударением стоит свой определенный уровень культурологии. Несколько позднее я обратил внимание на то, что В. П. Раков — профессор-эталон говорит «дискурс», что окончательно убедило в том, что в определении метасмысла А. Н. был безусловно прав.

А. Н. не только в науке, но и в повседневности жил в языковой картине мира, он умел находить абсолютно точное соответствие разнообразной и разнообразной действительности и ее языкового выражения. К сожалению, многие не очень понимали эту его особенность.

Государственный разум и тоталитарное сознание. Зачистка философского пространства в сталинское время и последующие эпохи была настолько эффективной, что естественно Ю. В. Андропов верно сделал вывод о том, что «мы не знаем того общества, в котором живем». Партийные «лидеры» (которые больше были похожи на аутсайдеров или геронтосайдеров) не могли сами понять суть происходящих процессов, а их референты были в значительной степени на крючке смены декораций, свободная мысль, судя по всему, не смогла функционировать даже в перестроечную и постперестроечную эпохи. А. Н. хорошо понимал эту странную ситуацию жизни без головы, но для понимания происходящего в новой «демократической» России он пошел довольно трудной дорогой.

В начале нулевых годов в размышлениях А. Н. все чаще стали подниматься вопросы фашистской эпохи, природы гитлеровской власти, интересны были сопоставления со сталинским устройством государства и общества. Оказывается, что для А. Н. было проще понять, что происходило в нашей стране, сравнивая похожие социально-исторические формы. (В то время было модно сопоставлять Берлин и Москву — в столице прошла знаменитая выставка сопоставления тоталитарного искусства в Германии и СССР.) Однако, судя по всему, для А. Н.

такое сопоставление носило не политический и идеологический, а фундаментальный философско-антропологический характер. Почему так сложились властно-экономические и техно-социальные проекции, что мир вошел в эпоху мировых войн? (По этому поводу я высказывал мнение, что это, прежде всего, борьба фундаментальных идей, а А. Н. видел в этом природу несовершенного человека). Вообще всеобщее несовершенство природы человека для А. Н. было очевидным и естественным, именно поэтому он был очень терпелив и толерантен, он понимал, что каждый человек борется со своими природными несовершенствами и живет в неизбежности своей природы. (Сейчас думается, что именно по этой глубоко-философской причине А. Н. с несогласием относился к ноосферным представлениям, прежде всего в их розовых, оптимистических, абстрактных формах. Действительно, для русской философии такое дезантропологическое видение человеческого бытия весьма характерно: для русской идеи формула Бого-человеческого носит характер естественнонаучного закона, а европейская традиция более прагматична и осторожна в этих формах бескрайних идеализаций). Реальная антропология — вот что искал и к чему стремился в своих повседневных поисках А. Н. — философ антропологической мироповседневности.

Мировоззрение аскезы в век безумного потребления: истина перевода.

Страсть к переводу, судя по всему, была всепоглощающей, когда он обратился к колоссальному массиву немецкой философской антропологии, которая в действительности была фундаментальным продолжением всей беспрецедентной немецкой философской традиции, он не мог не восхититься. Сейчас, оборачиваясь к сути некоторых наших разговоров, становится понятным, почему он иногда говорил, что русская философия вообще не существует, что это не философия, что надо изучать, прежде всего, тексты европейских мыслителей. Дело даже не столько в том, что эпоха «партийной» философии существенно ухудшила «философскую экологию», в значительной степени отбраковала наиболее интересные философские персонажи, а в том, что российско-советской цивилизации было бы очень полезно почитать, что писали немецкие мыслители, которые как-то чудом умудрились выжить при гитлеровском режиме (пусть и побывав «три раза в чреве кита»). Очевидно, А. Н. в значительной степени думал о том, как понять и как найти выход из тупика, в который забралась Россия по пути из коммунизма в царствие небесное. В этом понимании он и видел свою миссию как провинциального философа, живущего в «черной дыре» центральной России, в которую превратился за «новорусские годы» текстильный цех страны, но при этом реально ощущавшего себя европейским гражданином. Думается, что в Европе ему было бы более удобно и профессионально более полезно, но он, судя по всему, видел свою миссию в европейском просвещении размораживающегося народа. Александр Николаевич родился в Южно-Сахалинске и, несмотря на то что Иваново для него не совсем родной город, тем не менее он был глубоко укоренен в культурной традиции, которая сложилась и которую он сам по мере сил и возможностей формировал своей научной, учебной и интеллектуальной деятельностью. Он не смог бы уехать еще в значительной степени и потому, что был человек рода. Ответственность за воспитание и образование сыновей в нем, безусловно, перевешивала очень многое в сфере его приоритетных ценностей. Неслучайно он поддерживал в них то стремление, которое связано с традицией его отца, юридическую профессию которого он очень уважал и, без сомнения,

постоянно чувствовал себя юристом, когда преподавал студентам юридического факультета формальную логику. Его лекции всегда выходили за чисто учебный контекст, он любил в них обращаться к тем примерам, которые ему казались гораздо более значимыми для культурного юридического сознания. Когда он уставал от собеседования со студентами во время экзаменов и, желая немного погреться, приходил в соседнюю аудиторию, где я принимал экзамен, он с живостью эмоционального человека рассказывал о примерах, которые приводили студенты, о своих размышлениях по поводу «новых» студентов, об ухудшающемся состоянии общего образования выпускников школ. Его не столько смущали стены в дырах, разрисованные парты (он даже очень любил изучать студенческий фольклор с чисто профессиональной точки зрения, как семиотик и языковед, это, с его точки зрения, давало очень важный компонент понимания нашей реальности), разбитые доски и поломанные стулья, сколько растущее неуважение к знанию и еще большее неуважение к человеку. Несмотря на значительный рост благосостояния в последние годы (он изменился, когда переехал в элитный дом и в удобства, которые кардинально отличались от условий панельной пятиэтажки, в которых он прожил долгие годы, ему было с чем сравнивать, ибо он жил и в элитной по послевоенным годам «Подкове», и в приходящем в упадок «Корабле»), когда он имел свой кабинет для работы и, может быть, самое дорогое для него — оранжерею кактусов в отапливаемой лоджии — своеобразную лабораторию, способствующую его размышлению о мире и о себе, несмотря на все это он оставался по-прежнему человеком паритета ценностей. Никогда в этой жизни материальная сторона не закрывала главную — научно-интеллектуальную, размыслительную. Не знаю, было ли это следом советского бытия или корневой структурой сознания, но для него хороший костюм или дорогая машина не затмевали главное качество — открытую форму личностного общения, которая, судя по всему, и составляла главный смысл большого антропологического бытия...

В последние годы он очень много работал, он вел занятия не только в родном университете, но и в трех других вузах, он был очень востребован как крупный специалист не только в философии, но и в философской антропологии, семиотике, культурологии и философии культуры. Больше всего он любил работать со студентами-культурологами в ИГХТУ, мне казалось, что это вызывало у него некий восторг, сравнимый с тем, когда ребенок получает неожиданно удивительную игрушку. Студенты к нему испытывали похожие чувства. В период кризиса, очевидно, эта работа была необходима еще и потому, что возникли потребности в дорогих лекарствах, он трудился для компенсации потерь от прошедшего кризиса.

Быть в большой культуре — это естественное состояние, к которому он стремился и как человек, и как гуманитарий. Он очень много и очень разнообразно читал, любил журналы (например, «Наука и жизнь», «Природа», «Человек» и др., газеты «Независимая газета», «Новое военное обозрение»). Когда мы возвращались с кафедры пешком, он обычно останавливался у какого-нибудь киоска и покупал солидную пачку газет. Когда пришло время Интернета — самые первые его годы, он подключился за довольно высокую плату к безлимитному Интернету и внимательно изучал немецкоязычный его сектор. Компьютер очень часто его не слушался, он жаловался на неожиданные неприятности с ним,

но упорно штурмовал новые информационные горизонты, он чувствовал, что это делает его человеком мира.

Еще в первом корпусе в старой 205-й аудитории, где проработали практически все заведующие кафедрой философии в послевоенный период, за столом, где сидели и Н. П. Антонов, и Л. Г. Олех, и А. В. Ерахтин, и Р. З. Хакимов, и П. А. Лежебоков, он, даже не пытаясь разобраться в книжных и бумажных зава-лах, рассказывал о том, что ему удалось узнать из совершенно нового источника информации и знаний. Новая техника доставляла много забот, и он очень часто оказывался без набранного текста или собранного материала, но это не разочаровывало его, а, наоборот, заставляло с еще большим усердием окучивать поле Интернета и информационного пространства (как это он делал на даче, сажая картошку или выращивая цветы, или ведрами таская воду для полива). Такое впечатление, что для него и та и другая работа доставляла одинаковое наслаждение, от которого он приходил в рабочее состояние для университетской и академической жизни.

Путь аскезы. «Если возможно себе представить некий выход, то он видится собственно только в аскезе. В практическом плане это будет означать, что, по меньшей мере, мы исключим себя из того, что Бергсон называл погоней за благосостоянием. Тогда аскеза будет выступать не в ее высшей религиозной форме как *sacrificium*, но как *disciplina*. Поскольку мы сформулировали мысль, идущую в разрез с духом времени, имеет смысл немного развить ее. ... Даже в этой, а именно как *disciplina* и *stimulans*, как концентрация духовного и волевого самоконтроля аскеза опасна и станет предметом совместных нападков капитализма и социализма, которые полностью согласны между собой только в этом пункте — в гонке за благосостоянием, или, как выражаются более возвышенно, в борьбе за повышение жизненного уровня. В современном обществе аскету нет места — это утопическая фигура. То, что здесь скрывается действительная проблема, показывает следующее: из всех элементов христианской религии именно этот не подвергается секуляризации. Ясно, что здесь мы имеем дело с серьезным явлением. Можно понимать свободу, равенство, прогресс, гуманизм и многие другие категории — сделать то же самое применительно к аскезе еще никто не решился. Это такая вещь, что превратить ее в пустую фразу, не впадая в опасность явной абсурдности, просто невозможно. Напротив, антропология должна числить ее среди категорий высшего порядка. Более того, она должна рассматриваться — исходя из заключенной в ней способности к редукции инстинктов — прямо-таки как продолжение процесса гоминизации» [Гелен, 2007: 48—49]. Эта обширная цитата очень много проясняет в жизненном мировоззрении, показывает, как был устроен его жизненный мир (термин, который он часто использовал), функционировавший в некоем реальном противоречии.

Когда на Антоновских чтениях волею судеб, отвечая на вопрос А. Н., я вспомнил об этой цитате из переведенной им статьи, я почувствовал, что он испытал чувство удовольствия от того, что его поняли в сути его мировоззренческой позиции, позиции философа, призванного жить в отчужденном от здравого смысла мире. Когда мы говорили о невыносимой странности постсоветского бытия в формулах «абрамович» или «прохоров», он как бы вспоминал цитату из В. Джеймса, выбранную А. Геленом для своей статьи: «Мы презираем всякого, кто избирает бедность, чтобы упростить и спасти свою внутреннюю жизнь. Всякого, кто не надрывает свои силы в погоне за деньгами, мы считаем уже

бессильным и лишенным честолюбия человеком ... мне представляется необходимым для каждого из нас серьезно подумать об этом обстоятельстве. Царящий среди образованных классов страх перед бедностью представляет собой тяжкую нравственную болезнь, от которой страдает вся современная культура» [Гелен, 2007: 49].

Чистое философское пространство. Именно поэтому важна просветительская функция философа. Один выбирает классиков философии и трудится над их пониманием и переложением, обычно это И. Кант, иногда К. Маркс. А. Н. выбрал философских современников, ему крайне интересно было его альтер-эго в Европе, поэтому он переводил философские статьи А. Гелена и поэтические философские строки К. Шмитта — его современников по жизни в XX веке. Не случайно на конференции по когнитологии 2010 года, посвященной А. Н. Портнову, В. С. Волкова говорила о том, что время написания стихотворения «песнь шестидесятилетнего» почти совпадает с днем рождения самого А. Н.

Сейчас, когда Россия готовится пережить то, что Европа пережила 40—50 лет назад, нет больше пользы, чем изучать немецкую философскую антропологию, поэтому А. Н. оставил культуре «новых русских» некий «спасательный круг», без которого одна — малая — часть нынешнего российского общества так и будет продолжать душить «чистыми рыночными руками» другую — большую — ее часть.

Разговоры о смерти и о коте. Иногда А. Н. звонил домой, несколько раз это было незадолго до полуночи, очевидно, он подолгу сидел в Интернете, а затем вспоминал, что нужно обговорить какой-то завтрашний вопрос, он любил работать ночью, когда никто не мешает, а на занятия приходил (и просил ставить в расписание) не раньше третьей пары.

Когда было время поговорить (если звонок был днем), мы обсуждали вопросы по пришедшим в диссертационный совет текстам диссертаций, обсуждали учебные занятия, иногда он искал поддержки в трудных ситуациях кадрового или административного характера, было видно, как это его угнетало. Больше всего он любил поговорить ни о чем, т. е. обо всем сразу, о том главном, что составляет содержание даэзин, «дружеский треп», как это было принято еще со времен советских кухонь, делает мир теплее и роднее.

Иногда меня дома не оказывалось, тогда А. Н. говорил с супругой, к которой относился, как и другим особам прекрасной половины человечества, с некоторой нежностью. Его жажда простого человеческого естественного общения, казалось, пересиливает все остальные, и даже научные, интересы.

В тот год А. Н. похоронил мать (у супруги к тому времени ушли из жизни оба родителя), поэтому, когда я поинтересовался, о чем они говорили, оказалось — о смерти (нет для философа большей загадки, чем смерть) и о коте (нет большей радости для философа, чем жизнь-бытие).

Жизнелюбие философа совсем не странное явление, оно вытекает из того, что система ценностей философа практически всегда отлична от системы ценностей общества, в котором он живет, его ценности вечные, абсолютные и лишь вторым темпом материальные.

За два дня до внезапной смерти А. Н. к нему в кабинет, ища коллегу-философа, заглянул преподаватель из другого корпуса. А. Н. обрадовался, стал приглашать зайти (он всегда готов был отложить все свои бесконечные дела, чтобы поговорить). Спешка позволила задать лишь один вопрос: «Как дела,

Александр Николаевич?». Ответ был солоноват и горек и, как положено в этом случае, был высказан «простым русским языком», на котором говорят тогда, когда уже бесполезно что-то говорить... Создавать изо дня в день, из года в год свою философскую реальность, собирать антропологические пазлы, создавать систему гуманитарного университетского бытия и вдруг обнаружить, что все трещит по швам: ставки на кафедре сокращаются, переход на бакалавриат бесконечно понижает уровень притязаний, тают возможности сохранения аспирантуры и докторантуры, ставится под вопрос деятельность диссертационного совета, а фурсенизации образования невозможно что-либо возразить. Глас вопиющего в пустыне интеллигента-философа — это картина, достойная Босха.

Российский Дазайн — это уход из жизни в самом расцвете сил и возможностей. Обычно так бывает, когда человек испытывает колоссальные трудности преодоления, невозможность удержаться в бешеном потоке социального безумия, похожего на ту ситуацию, которая описывается в евангельской притче о стаде взбесившихся свиней.

Пройдет время, и история все расставит по своим местам: значение каждой личности обретет свой неотменимый смысл, станет ясно, кто работал ради будущего, а кто пытался прихватить не только то, что плохо лежит, но и что лежит хорошо. Станет отчетливо видно, что главная работа — это работа, связанная с развитием человеческого потенциала, силы и напряжения разума, очеловечивания человека; философский пейзаж станет столь же органичным для власти и общества, как органичен сейчас дешевый внешний и внутренний евроремонт, вот тогда, очевидно, и станет не дурным тоном читать умные книги. Бытие и время вернуться в человеческую, в том числе и российскую историю.

Библиографический список / References

- Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. 9, № 3 (37). С. 37—51.
(Gehlen A. The image of a person in the light of modern anthropology, *Person. Culture. Society*, 2007, vol. 9, no. 3 (37), pp. 37—51. — In Russ.)
- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // *Ноосферные исследования*. 2002. Вып. 1. 158 с.
(Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems, *Noospheric research*, 2002, vol. 1, 158 p. — In Russ.)
- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // *Ноосферные исследования*. 2002. Вып. 2. 177 с.
(Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov D. G. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems, *Noospheric research*, 2002, vol. 2, 177 p. — In Russ.)
- Неизреченное слово: мемориальный сборник, посвященный профессору А. Н. Портнову / отв. ред. Г. С. Смирнов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 308 с.
(Smirnov G. S. (ed.) *The Unspeakable Word: A Memorial Collection Dedicated to Professor A. N. Portnov*, Ivanovo, 2012, 308 p. — In Russ.)
- Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX веков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 370 с.

(Portnov A. N. Language and consciousness: the main paradigms of the study of the problem in the philosophy of the XIX—XX centuries, Ivanovo, 1994. 370 p. — In Russ.)

Портнов А. Н. «Ноосферная парадигма образования» — утопия или путь выхода из кризиса // Ноосферное образование в России: материалы межгосударственной научно-практической конференции (3—5 октября 2001 г.): в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. Ч. 2. С. 137—144.

(Portnov A. N. «Noospheric paradigm of education» — a utopia or a way out of the crisis. *Noospheric education in Russia: materials of the interstate scientific-practical conference (October 3—5, 2001): in 2 vols.* Ivanovo, 2001, vol. 2, pp. 137—144. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философская антропология Хосе Ортеги-и-Гассета в контексте антропологических идей XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 40—50.

(Portnov A. N. Philosophical anthropology of José Ortega y Gasset in the context of anthropological ideas of the twentieth century, *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2003, no. 2, pp. 40—50. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философская, психологическая и социальная антропология А. Гелена (к столетию выдающегося мыслителя) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 50—58.

(Portnov A. N. Philosophical, psychological and social anthropology of A. Gehlen (on the centenary of an outstanding thinker), *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2004, no. 2, pp. 50—58. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философская и психологическая антропология Л. Клагеса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 94—104.

Portnov A. N. Philosophical and psychological anthropology of L. Klages, *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2005, no. 2, pp. 94—104. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философия языка Мартина Хайдеггера (языковое сознание и языковая личность) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 37—54.

(Portnov A. N. Martin Heidegger's Philosophy of Language (Linguistic Consciousness and Linguistic Personality), *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2006, no. 2, pp. 37—54. — In Russ.)

Портнов А. Н. «Жизненный мир» Альфреда Шютца: некоторые пояснения // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, № 2 (36). С. 43—51.

(Portnov A. N. «Life World» by Alfred Schütz: some explanations, *Person. Culture. Society*, 2007, vol. 9, no. 2 (36), pp. 43—51. — In Russ.)

Портнов А. Н. М. Хайдеггер: «дело мышления» и «дело языка» // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, № 4 (39). С. 43—60.

(Portnov A. N. M. Heidegger: «the matter of thinking» and «the matter of language», *Person. Culture. Society*, 2007, vol. 9, no. 4 (39), pp. 43—60. — In Russ.)

Портнов А. Н. События и встречи Мартина Бубера (предисловие к переводу А. Н. Портнова) // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 1 (40). С. 19—20.

(Portnov A. N. Events and meetings of Martin Buber (preface to the translation by A. N. Portnov), *Person. Culture. Society*, 2008, vol. 10, no. 1 (40), pp. 19—20. — In Russ.)

Портнов А. Н. Когнитивная революция в науке: мифы или реальность // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы Международной научно-

- практической конференции (16—17 октября 2008 г.). Иваново: ОАО «Издательство "Иваново"», 2008. С. 9—14. Это официальное название. Я сверяла (Portnov A. N. Cognitive revolution in science: myths or reality. *Actual problems of modern cognitive science: materials of the international scientific and practical conference (October 16-17, 2008)*, Ivanovo, 2008, pp. 9—14. — In Russ.)
- Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Языковое сознание и семиотическое измерение глобализационных процессов // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.; Барнаул: Институт языкознания РАН, 2004. С. 28—36.
(Portnov A. N., Smirnov D. G. Linguistic consciousness and semiotic dimension of globalization processes, *Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects*, Moscow; Barnaul, 2004, pp. 28—36. — In Russ.)
- Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Биологическая семиотика: некоторые философско-методологические проблемы исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 38—52.
(Portnov A. N., Smirnov D. G. Biological semiotics: some philosophical and methodological problems of research, *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2007, no. 2, pp. 38—52. — In Russ.)
- Портнов А. Н., Шишкина Г. М. Ноосфера и семиосфера: генетические аспекты // Ноосферная идея и будущее России: материалы межгосударственной научно-практической конференции (28—29 мая 1998 г.). Иваново, 1998. С. 82—86.
(Portnov A. N., Shishkina G. M. Noosphere and semiosphere: genetic aspects, *Noospheric idea and the future of Russia: materials of the interstate scientific and practical conference (May 28—29, 1998)*, Ivanovo, 1998, pp. 82—86. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Российский дазайн: первобытие «Александра Великого» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (15). С. 76—83.
(Smirnov G. S. Russian dasein: the primeval existence of «Alexander the Great», *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2015, no. 2 (15), pp. 76—83. — In Russ.)
- Философия языка и семиотика / под ред. А. Н. Портнова. Иваново, 1995. 231 с.
(Portnov A. N. (ed.) *Philosophy of language and semiotics*, Ivanovo, 1995, 231 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Smirnov Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophical), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

На обложке:
интернет-версия картины Павла Николаевича Филонова
«Живая голова» (1923, 85 × 78 см)
https://artchive.ru/pavelfilonov/works/15251~Zhivaja_golova

Электронное издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2022. Вып. 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *В. А. Киселева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата выхода в свет 30.06.2022 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 8,6.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

Noospheric Studies

ELECTRONIC PERIODICAL EDITION

2022

2

TOPIC OF THE ISSUE
LANGUAGES
FOR CONSCIOUS DESCRIBING